

63.3(2)6
K19
1372291

ГБУ РК НБРК
Краеведческий
депозитарий

Я.В. Канов

Долина смерти

Лине Павловна
с огромной симпатией ува-
жением и признательностью
от автора

Ганнл
/ 31.10.2012г

2016

9x

63.3(2)631-6

K19

ГБУ РК НБРК
Краеведческий
депозитарий

Я.В. Канов

Долина смерти

1372291

Рулёва И. И.
« » 2016 г.

Рулёва И

Санкт-Петербург
2011

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
К 19

Канов Я.В.

К 19 Долина смерти. — СПб. : Нестор-История, 2011. — 204 с., ил.

ISBN 978-5-98187-795-7

О корейской войне 1950–1953 гг. изданы прекрасные книги с воспоминаниями, летчиков участников этой войны. Однако книг, которые были бы посвящены действиям наземных войск, практически нет. И вот этот пробел заполняет эта книга, где рассказываются события тех лет бывшим начальником радиолокационной станции, который дислоцировался на Корейской территории в районе столицы КНДР — Пхеньяне. Именно этим интересна книга.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-98187-795-7

9 785981 877957

© Я.В. Канов, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ

Канов Я. В. попал на Корейскую войну сразу после выпуска из Пушкинского Радиотехнического училища Войск ПВО Страны. На построении перед выпуском, начальник училища вручил ему и ещё четырём лейтенантам вместе с дипломом предписание явиться в управление кадров ВВС СА в г. Москве. Там лейтенанты получили проездные билеты в Китай, в Андунь, где их переодели в китайскую форму, и принимай лейтенант Канов Я. В. вначале прожекторную радиолокационную станцию, а затем радиолокационную станцию (РЛС) дальнего обнаружения для работы на ВПУ-1 под Пхеньяном. А в небе Кореи шла жестокая битва между американскими и Советскими летчиками. РЛС работали постоянно, засекая противника на дальних подступах. Передача данных о воздушном противнике велась «морзянкой» и его радиотелеграфисты передавали до 600 знаков в минуту, перекрывая все мыслимые рекорды. На перехват сразу поднимались МиГи, в боевую готовность приводились зенитные батареи. Для американцев такая станция — кость в горле. Поэтому янки упорно обрабатывали бомбами и напалмом близлежащие сопки. Ещё горела земля после очередного налета, бойцы спешно занимали свои места в радаре и продолжали выполнять боевую задачу.

И с какой радостью узнавали, что благодаря их сведениям противник снова понес большие потери. После окончания войны Я. В. ещё целый год служит в КНР, ведя боевое дежурство, охраняя небо Китая от непрошенных «гостей». Затем, возвращение через три года домой к матери и брату, женитьба и служба в различных частях войск ПВО Страны.

Завершение службы в Центральном аппарате МО в должности старшего офицера отдела.

И ещё 18 лет трудовой деятельности во внешнеторговой организации Министерства электронной промышленности в должности начальника отдела поставки специальной техники.

*Член Ассоциации Героев Советского Союза, Председатель
Совета ветеранов Корейской войны
Герой Советского Союза, генерал-майор авиации С. М. Крамаренко*

Примечания

«ПУЛЬСАР». Прошлое, настоящее, будущее. 2008 г. Под редакцией доктора физико-математических наук А. Г. Васильева.

Шокин А. А. «Министр невероятной промышленности» 2009 г.

Сборник «35 лет Научному центру»

Крамаренко С. М. «Против «Мессеров» и «Сейбров».

Журнал «Боевое братство» № 10 октябрь 2010 г.

РОДИТЕЛИ, ДЕТСТВО, ВОЙНА

Я родился 17 июля 1931 года в Сибири, в поселке Тугулым, Тугулымского района, Свердловской области и детство мое прошло в этих краях.

Мои родители: отец Канов Василий Васильевич и мама Канова Надежда Алексеевна, уроженцы Республики Коми оказались в Сибири не случайно. Отец, как специалист, имеющий высшее образование (он закончил институт народного хозяйства в Ленинграде) к тому же член Всесоюзной Коммунистической партии большевиков (ВКПб), в 1930 году откликнулся на призыв партии оказать содействие в подъеме сельского хозяйства Советского Союза. Это был призыв партийцев «двадцатипяти тысячников». Столько коммунистов согласились уехать в сельскую глубинку, чтобы работать там на земле.

Отец был командирован в Тугулым и работал вначале на должностях по обслуживанию сельхозтехники, а в 1931 году был назначен директором машинотракторной станции (МТС).

В то время в сельском хозяйстве была внедрена хорошая система: колхозам не нужно было иметь весь набор сельхозтехники для обработки земли и уборки урожая.

Вся техника была сосредоточена в машинотракторных станциях и колхозы по договорам с МТС пользовались тракторами, комбайнами и другой сельхозтехникой. Это было выгодно всем: надо вспахать землю — колхоз получает для этого трактора, надо убрать урожай — колхоз получает комбайны. Причем, вся эта техника закупалась и содержалась за государственный счет. Кто помнит кинофильм «Трактористы», там показана именно работа МТС.

Вот на такую ответственную работу был назначен мой отец.

Детство вспоминается с восторгом. До сих пор в памяти видятся бескрайние поля с зерновыми культурами, в основном, с пшеницей. Вспоминается большой трудовой энтузиазм народа, работающего здесь. И были хорошие фильмы о тружениках села такие, как «Трактористы», «Свинарка и пастух», «Богатая невеста», которые прославляли колхозников и показывали реальные трудовые будни села. И в нашем хозяйстве были корова, свиньи и разная птица.

Не могу не вспомнить, как мы два брата крутили сепаратор, чтобы из молока нашей коровы получить сливки и с удовольствием выпить по стакану сливок. Это что-то!

Рядом с деревней была большая пасека. Поэтому в каждой семье и в том числе у нас, на столе был всегда вкуснейший мед. Такие мои детские

воспоминания. Мама же работала учительницей в школе, учила детишек в младших классах.

Если же говорить о нашем воспитании родителями, то его, как такового, не было. Они воспитывали и учили нас личным примером. Нельзя было не видеть, с какой заботой и любовью отец относится к маме. Как много внимания и сил он отдавал работе. Ну и конечно, свободное время он посвящал своим мальчишкам. Ходил с нами на речку, где мы купались или рыбачили, в лес за грибами и ягодами, иногда брал с собой на работу и знакомил нас с техникой, которая принадлежала МТС. Я не помню случая, чтобы отец повысил голос на свою жену или на нас. У него был добрый спокойный характер.

Но один раз отец все же выпорол меня. А случилось это так. Был у меня друг Вовка, которому, как и мне, было пять лет, но сорванец он был отменный. Жил он с родителями в соседнем доме. Я у него бывал почти каждый день. И вот однажды приходит к нам его отец и говорит моим родителям о том, что у них в доме пропали часы. В то время часы были редкостью и стоили больших денег. Отец спросил меня:

— Ты был сегодня у них?

Я подтвердил:

— Да был.

— Тогда снимай штаны.

Мои слова о том, что я не брал часы, не возымели действия.

Отец снял ремень и изрядно отхлестал меня.

На следующий день отец Вовки сказал моим родителям, что часы нашлись. Оказывается их затерял Вовка.

И тогда я со слезами спросил отца:

— За что ты выпорол меня?

Он ответил:

— Это тебе урок на всю жизнь. Никогда нельзя брать чужие вещи, запомни это.

Вот такая школа.

Однако в 1938 году мы вынуждены были уехать из Сибири и родители вместе с нами вернулись на свою родину в Сыктывкар.

А случилось вот что.

В МТС, которым руководил отец, дела всегда шли хорошо. Техника была исправна, и колхозы были довольны обслуживанием МТС. Отец к этому времени был членом парткома и исполкома Тугулыма. Однако нашелся кляузник, который написал в вышестоящий партком анонимку, в которой обвинил отца в упущениях по ремонту сельхозтехники, в плохом обслуживании колхозов тракторами и прочих лживых обвинениях. Есть сигнал и указание местному парткому сверху и партком обязан рассмотреть

эту анонимку. И решение парткома было более чем несправедливым. Нашлись люди завистники, которые исключили отца из партии.

В связи с этим отец был уволен из МТС и был вынужден уехать из Сибири.

В дальнейшем время расставило все по своим местам. Кляузник был разоблачен и даже осужден за свои неблагоприятные преступления.

А в 1939 году отец был восстановлен в партии. Сохранилось обращение отца в Политбюро, где он писал: « В третий раз обращаюсь к Вам с просьбой о восстановлении меня в Партии большевиков ...» и далее он излагал существо кляузы на него и несправедливое решение парткома об исключении его из партии.

На письме читаем резолюцию: «Восстановить в членстве ВКП (б)» и подпись — секретарь Политбюро.

Сегодня это кажется невероятным: 1939 год пик политических репрессий, тысячи партийцев пострадали в это время и были репрессированы. А наш отец был восстановлен в партии и снова стал коммунистом.

Так закончился наш Сибирский период жизни.

Далее начинается период моей учебы в начальной школе № 14 города Сыктывкара.

22 июня 1941 года началась жестокая, коварная и опустошительная для нашей Родины Великая Отечественная война с фашистской Германией.

Вспоминаю этот день. Отец с матерью довольно рано утром ушли на огород, чтобы окучить картошку, и не знали о начале войны. По радио об этом было объявлено в десять часов. Я сразу побежал к родителям, чтобы сообщить об этом страшном событии для всех нас. Отец сказал матери, что ему нужно явиться в военкомат, а мама залилась слезами, понимая, какая жестокая война ожидает нас и разлука с мужем.

И действительно, через несколько дней отец, как командир запаса, вместе с другими бойцами Республики Коми, убыл на фронт. Для нашей Родины и нашей семьи начались тяжелые времена. Мне тогда было десять лет, а брату тринадцать.

Уже вскоре начали исчезать продукты в магазинах, и была введена карточная система. Детям было положено 400 грамм хлеба, рабочим и служащим 500 грамм. С нами жила бабушка по линии матери и ей, как иждивенцу, тоже было положено 400 грамм хлеба. По карточкам выдавались и другие продукты: это и крупы, и сахар, и макаронные изделия. И всякие жиры вместо масла.

К осени мы запаслись дарами леса в деревне Парчег у бабушки. Набрали грибов и ягод, которые помогли нам относительно нормально питаться в зимнее время. Кроме того в закромах нашей бабушки (а дедушка умер давно) имелось зерно, которое они вырастили на своей земле.

Они были зажиточными крестьянами. Сохранился документ, в котором указано, чем владеет семья родителей мамы. Вот его суть.

Удостоверение. Имущественное положение предьявителя сего Парчегской деревни, Зеленецкой волости, Сысольского Уезда Автономной Области Коми Льюровой Надежды Алексеевны, рождения 1907 года — девицы характеризуется наличием в её хозяйстве следующего имущества:

1) Усилья строений — крестьянский дом с двором.

2) Пахотной земли — 0,66 дес.

3) Сенокосной — 0,93 дес.

4) Лошадей — одна.

5) Крупного рогатого скота — одна корова.

Размер душевого надела: пашни — 290 кв. саж., сенокоса — 2 1/8 1/16 воза.

В составе семьи значится 5 едоков, из коих трудоспособных — 1, Нетрудоспособных — 4.

Кроме земледелия хозяйство Льюровой других видов заработка не имеет.

Вышеизложенное ВИК удостоверяет.

Подпись: Председатель Волисполкома 25 июня 1926 года.

На обороте возрастной состав семьи:

Отец — Алексей 63 года

Мать — Степанида 53 года

Брат — Степан рождения 3 июля 1915 года

Сестра — Августа рождения 24 ноября 1918 года.

И мы с братом уже в первую зиму войны пошли пешком в деревню бабушки Парчег — это примерно 25 километров от города Сыктывкара. Бабушка дала нам большой амбарный ключ и рассказала, где, какое зерно хранится в амбаре. Переночевали мы у соседей и рано утром торжественно открыли амбар. Мы оказались в довольно большом помещении, вдоль стен которого размещались лари, наполненные зерном. Впечатление было таким, как-будто это зерно насыпано совсем недавно. Также мы с братом поняли, что семья дедушки с бабушкой была довольно зажиточной. Совком мы насыпали два мешка зерна и на санках привезли эти два мешка в город. Затем это зерно мы помоли на ручной мельнице и получали муку для выпечки хлеба. И каким вкусным был этот хлеб собственной выпечки, просто сказка. Вот таким образом решалась продовольственная проблема в нашей семье.

Вместе с тем, мы с братом очень рано начали работать. Уже летом 1942 года мы работали в колхозе и зарабатывали трудовни, за которые нам колхоз осенью выдавал и зерно, и овощи, и молочные продукты. А в 1943 году мой брат вместе с учениками своего класса нанялись работать

в колхоз для заготовки кормов для скотины. А для этой школьной бригады нужен был поваренок для варки обеда, и мать согласилась отправить меня поваренком в эту бригаду. Возглавлял бригаду преподаватель истории нашей школы № 12 Борис Иванович Захаров, которого все ученики очень уважали за его феноменальные знания своего предмета и добрый характер. Рано утром мы собирались у пристани, затем на лодках переправлялись через реку Вычегда на другой берег, и шли на заливные луга, где мой брат и его сверстники косили траву и сбрасывали её в яму для получения кормового силоса. При этом траву нужно было обильно поливать водой. Полив ямы водой возлагался на меня. Для этого мне была дана лошадь и телега, на которой была закреплена бочка. Каждый день я запрягал лошадь и ехал на озеро за водой. Бочка вмещала примерно 80 ведер воды, которую я заполнял и подвозил к яме, куда сбрасывалась трава, и сливал в неё воду. А всего в яму надо было слить 3–4 бочки воды. К зиме получался отличный силос, который с удовольствием поедали коровы.

Вспоминаю, как я кормил бригаду. Для готовки обеда колхоз привозил мне продукты: это и мясо, и картошка, и крупы, и молоко, и конечно хлеб. И из этих продуктов я готовил и первое и второе. Обычно где-то в час дня обед был готов, я брал железяку и бил в рельс, приглашая ребят на обед. Хорошие продукты позволяли мне готовить и хороший обед, тем более навык готовки у нас с братом уже был, дома, как правило, кухней занимались мы с братом. Молодые ребята были довольны обедами, был доволен обедом и Борис Иванович. Я обедал вместе со всеми.

Сегодня в это трудно поверить, но во время готовки я не мог себе позволить что-нибудь съесть. Поэтому был голоден, как и все.

Однажды я обед приготовил на час раньше и при этом страшно хотел есть. А Борис Иванович оставлял мне свои часы, чтобы я ориентировался во времени. И тут мне приходит в голову мысль: «Переведу-ка я часы на один час вперед и приглашу всех на обед». Так я и сделал: из 12 часов сделал 13. И довольный идеей давай стучать в рельс, приглашая всех на обед.

— Что то рано сегодня ты зовешь на обед? — спросил Борис Иванович.

— Да вот уже час дня — показал я на часы.

И мы все дружно пообедали, съев суп и кашу, запивая её молоком. Обед был на славу.

А на следующий день мой обман раскрылся. Рано утром мы с братом приходим на пристань и видим, что Борис Иванович уже там.

— Янус, что случилось, почему вы опаздываете, я жду вас уже целый час?

Стыдно было очень, но я признался ему в обмане. Благодаря поддержке ребят, Борис Иванович простил меня и передвинул стрелки часов на место.

Школьные годы это особая тема. Во-первых, у нас было раздельное обучение — женские и мужские школы. Это очень разумный подход в образовании, потому, что лидер среди своего класса определялся не количеством покоренных девичьих сердец, а высокими знаниями школьной программы, хорошими спортивными достижениями и активностью в общественной жизни. Поэтому мы школьники старались получить хорошие знания и имели массу увлечений: и лыжами, и коньками, и баскетболом, и волейболом, и шахматами, наконец. А с девчонками встречались после уроков и вместе с ними вели активную культурную и развлекательную жизнь.

А на полях сражений шла жестокая битва с фашистами за нашу победу. Отец довольно часто писал письма, сообщая, как они бьют ненавистного врага. Он был командиром взвода противотанковых пушек и артиллеристам приходилось первыми вступать в бой по уничтожению фашистских танков. В сентябре 1941 года отец был тяжело ранен и попал в госпиталь на излечение, которое продолжалось более трех месяцев. После госпиталя он снова в строю на Сталинградском фронте. Погиб отец 4 декабря 1942 года под городом Калач. Самое печальное состояло в том, что фашисты уже фактически были разгромлены под Сталинградом. В окружении находилась огромная армия фельдмаршала Паулиса, который был пленен нашими воинами. Но окруженная группировка продолжала вести по нашим позициям артиллерийский и минометный огонь. Вот такой фашистский снаряд попал в расположение части, где находился наш отец, унеся жизни многих бойцов, в том числе и нашего отца.

Мама очень переживала гибель отца. На её плечах осталась престарелая мать и два уже почти взрослых сына.

Много позднее я написал стихи, посвященные этому периоду.

МАТЕРИ

О, Мать! Весь мир тобою озарен.
В долгу мы все перед тобою вечном
И если ты хоть чем-то одарен,
Воспой же матери величье.

Как воспевали Вас в века
Художники, писатели, поэты
Великий Леонардо создал образ Лизы
Некрасов, Рафаэль, Толстой и Пушкин —
Ими Вы воспеты.

Да разве можно как-нибудь иначе?
Ведь матери начало всего:
Наши радости, успехи и удачи,
Без них на земле нет ничего.

А сколько горя и печали
Пришлось в войну им пережить.
Как все они трудились и мечтали
Сломить врага до праздника дожить.

Все время о семье в заботах,
Где, что достать, как всех их прокормить
Готова ты была до полночи работать,
Чтоб сыты были, и не мог Он укорить

А писем от мужей как света ждали,
Но только бы не похоронка, боже мой,
И треугольник с фронта всем двором читали
И радовались вместе, что живой.

И дети в те года выросли слишком рано,
Росли без поучений и обид.
Учились и трудились просто рьяно,
Стараясь заработать на обед.

Вас похоронки все ж не миновали
Как много было их по всей стране.
Поплакав горько, Вы опять вставали
К делам. Помочь родимой стороне

И нас не миновала похоронка...
В сорок втором решительном году.
Под Сталинградом... бомба и глубокая воронка
А рядом наш отец смертельно раненный в бреду.

Его похоронили там, где был когда-то хутор,
А рядом Дон под Калачом.
Так мало пожил наш отец, как нам было худо
Недотолкал свое орудие к победе он плечом.

Жесток наш век. Мы скинули оковы.
Ценой огромных жертв и горя матерей.
Где жили мы — все жены стали вдовы,
И полный дом заброшенных детей.

Но жизнь идет, Она без остановки.
И шар земной все вертится, кружит.
И наша Мать, взвалив житейские заботы
Опять, как верный страж на стремени стоит.

О моих родителях — Василий Васильевиче и Надежде Алексеевне — следует сказать особо. Они познакомились в 1926 году, когда отец учился в Ленинграде в институте народного хозяйства. И во время очередных каникул приехал в Сыктывкар и там познакомился с очень симпатичной девушкой — Надей. Отношения между ними сложились сразу. Моей матери приглянулся этот молодой студент с кудрявой копной волос, энергичный, с хорошим юмором. Они начали встречаться, вместе проводить время. И, как вспоминала мать — это было удивительное время, когда их увлечение переросло в большую, чистую любовь.

После отъезда отца в Ленинград началась активная переписка, с воспоминаниями о прошедших каникулах в Сыктывкаре, признанием в любви и мечтами о будущем.

А после окончания института в 1927 году, отец получил назначение в Сыктывкар и сделал маме предложение стать его женой. И с этого времени они стали жить вместе, а в 1928 году у них родился сын, которого они назвали Генрихом.

Далее был сибирский период их жизни, о котором я писал выше.

Расскажу лишь одну историю их этого периода, которая врезалась в память мне пятилетнему мальчишке.

Мои родители вели здоровый, интересный образ жизни в сельской местности. И занимая ответственный пост директора МТС, отец не позволял себе всяких вольностей, не говоря уже о выпивках, Тогда это не приветствовалось.

Но однажды, это было весной, отец поздно пришел с работы и, по моим суждениям, в подпитии, так как бросилось в глаза небрежность в одежде, запачканная в грязи обувь и излишняя говорливость.

Но мать встретила его приветливо, сняла с него обувь, раздела, под умывальником вымыла ему лицо, напоила молоком и уложила спать в чистую постель.

А утром из соседней комнаты мы с братом слышим такой разговор:

— Вася, я очень огорчена твоим поступком и прошу тебя, дорогой мой, не допускать этого впредь.

— Тысячу раз прости меня, сказал отец, — самогон, который мы пили по хорошему поводу. — Закончен успешно весенний сев — оказался слишком крепким, и я потерял контроль над собой. Прости великодушно, любимая.

Отец сдержал свое слово и никогда не пил больше.

Нельзя не рассказать о случае, который был во время войны.

Мой отец в сентябре 1941 года в жестоком бою под Ленинградом был тяжело ранен, о чем он написал в письме матери. В письме он сообщил жене о том, что всех тяжело раненных эшелонам будут перевозить в тыл, примерно, 1 октября, и они будут ехать мимо Котласа, что на реке Вычегда.

Вот такая скудная информация содержалась в письме. Но мать, имея огромное желание видеть своего Васю, принимает решение — плыть пароходом в Котлас, чтобы встретить его.

Но пароход из Сыктывкара до Котласа плывет почти двое суток и надо рассчитать так, чтобы в Котласе быть 1 октября.

И начались сборы. К зиме конечно Васе нужны будут теплые вещи. Поэтому бабушка навязала несколько пар теплых носков и перчаток, купили теплое белье, напекли пирогов с картошкой и луком. И с этой поклажей пароход повез мать в далекий Котлас, причем надежд на встречу было катастрофически мало.

А сколько в тихом плаваньи было передумано об их совместной жизни. Это были годы, насыщенные большой любовью, сочувствием и заботой мужа о ней и детях, двух мальчишках, которым всегда была нужна отцовская поддержка и внимание.

И вот пароход приплывает в Котлас как раз 1 октября 1941 г. Мать с пожитками выходит в город и видит, что железнодорожный вокзал, находится рядом с пристанью. И почти бегом мать направляется к вокзалу. Она видит, что на путях стоят несколько эшелонов, как грузовых, так и пассажирских. Мать начинает обходить эшелоны. Один эшелон грузовой, с какими-то ящиками, видимо с боеприпасами. Второй эшелон следует на фронт с новобранцами. А третий эшелон сформирован из теплушек, в которых перевозятся люди. Сердце матери забилося учащенно, и готово было выскочить из груди.

— Это тот самый состав, — решила мать, и бегом побежала вдоль состава. Действительно здесь и там были видны бойцы с забинтованными руками, ногами и другими частями тела. И где-то уже в самом последнем вагоне, мать замечает своего Васю и узнает его, несмотря на то, что его голова была забинтована.

— Вася! — закричала мать, — я приплыла к тебе, мой дорогой!

Отец спрыгнул на землю и крепко обнял свою красавицу жену. Их счастью не было предела. Раненные бойцы и командиры окружили Васю

и Надежду, по-доброму завидуя им и, думая, почему меня не встретили здесь в Котласе.

Отец подсадил мать в теплушку, которая была сделана специально для перевозки раненых. По стенам стояли самодельные кровати, а посередине вагона стоял стол и печь, сделанная из металлической бочки.

— Ну как ты Вася? — спросила мать. Но он отреагировал на вопрос не сразу, сказав:

— Говори громче, чтобы я расслышал.

Мать поняла, что отец частично потерял слух.

— Как дела дома, — спросил он, как дети, как твоя матушка?

— У нас все в порядке, дети и мать сыты, одеты, обуты. За нас не беспокойся.

И тут мать выкладывает на стол пироги, которые они напекли дома.

— Угощайтесь, — всем сказала она.

— Не откажемся от такого гостинца, — сказал самый шустрый из присутствующих. И все дружно начали жевать пироги. Мать передала отцу и теплые вещи. Но самым приятным подарком для всех было курице, хотя наш отец и не курил. Мать привезла для бойцов самосад, выращенный крестным Порошкиным.

Начался настоящий праздник курильщиков, которые высоко оценили, выращенный на земле Коми, самосад.

— Дайте поговорить с женой, — взмолился отец.

— Конечно, конечно, — загалдели присутствующие, уступая место для уединения.

— Как твоя рана? Громко спросила мать.

— Слух потерян на правое ухо, по словам врачей на 60 процентов. Но, если громко говорят, я слышу разговор.

— Как это случилось?

— Мы из наших «сорокапятков» вели огонь по фашистским танкам, но один снаряд фашиста разорвался почти рядом с батареей. Меня контузило, а осколок снаряда угодил в голову, в область уха. Врачи подлечили рану, но слух восстановить они не в состоянии, пока нет такого метода. А сейчас нас везут во Владимир, долечиваться.

— Наденька расскажи о себе?

— У меня все в порядке, дети здоровы, летом работали в колхозе. Учатся хорошо, учителя хвалят их. А по хозяйству мне помогает мама. Да и старшая сестра моя, Анна, с мужем, крестным Гены, помогают нам, как могут. То рыбу нам привезут, которую ловит Порошкин, а то и всякую дичь; утки, куропатки, да и козье молоко нам достается.

— А я вот видишь, как сплеховал, получил такое ранение. Ты понимаешь, мое орудие имеет малый защитный щиток для укрытия от враже-

ских пуль и осколков. За ним невозможно укрыться. Вот когда в войска поступят новые противотанковые пушки 75-миллиметровые, у них будет большой щит. Вот уж тогда мы покажем фашистам, где раки зимуют. Но мне нужно скорей поправиться и снова в бой.

Разговорам не было конца. Мать уже поверила в то, что ее Вася скоро поправиться и после разгрома фашистов приедет домой в Сыктывкар.

Прошло совсем немного времени с момента встречи матери с отцом, как раздалась команда:

— По вагонам! Отправка состава через пять минут!

Отец крепко обнял и поцеловал свою жену, бережно опустил ее на землю. Слезы невольно полились у нее из глаз, она с трудом сдерживала рыдания.

— Не волнуйся я вернусь с войны, — сказал отец, — Только чаще пиши мне письма. Они очень нужны нам на фронте.

— Я буду писать тебе часто, любимый.

Паровоз натужно запыхтел, пустил пары и, стал медленно набирать скорость. Отец в проеме вагона смотрел на перрон вокзала, пока мать не скрылась из виду. Разве думал он тогда, что видит ее в последний раз.

А времени для встречи, оказалось, было отпущено им только два часа.

Мать вернулась на пристань, купила билет на тот же пароход, который уже вечером уносил ее в родной Сыктывкар.

А слезы и рыдания еще долго продолжались, как будто мать чувствовала, что это была ее последняя встреча с любимым мужем, Васей.

Через двое суток пароход причалил к пристани Сыктывкар. К матери постепенно вернулось хорошее настроение, она была очень рада этому. Шансов на встречу эшелона с ранеными в Котласе было очень мало.

И все же ей повезло. И великая сила любви наших замечательных родителей привела ее к желанной встрече, которую уже после гибели отца, мать вспоминала долгие годы.

После лечения в глубоком тылу отец, не получив ни одного дня отпуска, был направлен на фронт.

В 1942 году немцы развернули наступление на Сталинград, с тем, чтобы захватить наши нефтеносные районы и ударить по Москве с юга. Для срыва этой фашистской операции был создан Сталинградский фронт. в состав которого были включены многие танковые дивизии, пехотные дивизии, авиация и противотанковые средства. Вот здесь и оказался лейтенант Канов В. В. со своей противотанковой батареей.

А в ноябре 1942 г. началось грандиозное сражение, в котором решалась судьба войны. Все воины понимали это и бились не жалея ни сил, ни жизни.

Благодаря Министерству обороны мы имеем описания подвигов тысяч участников Сталинградской битвы, в том числе и подвиг моего отца. Особенно жестокие бои шли в середине ноября 42 г.

За время боев 19.11.1942 г. в районе станицы Клецкой, батарея Канова вела ночной огонь по противнику и за 40 минут уничтожила минометную батарею и одну роту пехоты противника, чем был обеспечен прорыв передовой линии фронта противника на высоте 1547.

Умелыми действиями лейтенанта Канова 22 и 25 ноября 1942 г. было уничтожено 3 фашистских танка, 2 самоходных пушки, 2 ДЗОТА и наблюдательный пункт противника, чем было обеспечено успешное наступление наших войск.

За этот подвиг отец был награжден орденом «Отечественной войны» второй степени. Однако он не получил этот орден, так как погиб в боях за Сталинград 5 декабря 1942 года.

О трогательных отношениях и любви родителей свидетельствуют восемьдесят фронтовых писем отца, которые мать сохранила и передала их нам с братом, как большое достояние. Я храню их, и, прочитав в очередной раз, получаю огромный заряд оптимизма и уверенности, что есть на свете большая любовь и искренние чувства, которые спасут мир. Эти весточки и сегодня ценны, как реликвия, как оберег для меня, моих детей, внуков и правнуков.

Наша семья уже с января месяца 1942 года стало получать денежное пособие в связи с гибелью отца, которое позволило нам решать денежные проблемы.

Но продуктов в период войны всегда не хватало, практически во всех семьях. Вспоминаю такой случай. Это было в 1944 году. Наш дом в Сыктывкаре находился на самой окраине города, за которым уже были колхозные поля. В тот год там была посажена капуста, и к осени вырос хороший урожай её. Она уже была убрана и находилась в буртах. Конечно, колхозные поля с урожаем охранялись обычно конными сторожами. И не дай бог кому-нибудь попасть под их горячую руку при попытке похитить колхозное добро. Тот человек будет нещадно отхлестан плетками.

И вот мы с братом решили пополнить наши продовольственные запасы на радость матери, принеся колхозную капусту в дом. Осталось придумать, как отвлечь сторожей, которые охраняли капусту. Мы взяли мешки и залегли на краю поля в кустах в надежде, что охранники отъедут на другой конец поля. Скоро так оно и случилось. И как только они ускакали подальше от нас, мы нахватили в мешок по десятку кочанов капусты и бегом убежали до дома. Довольные содеянным, мы с братом, ждем прихода матери с работы. Когда она пришла домой, мы показываем

капусту в надежде порадовать мать. Но её реакция на наш поступок была совершенно другой.

— Немедленно, — сказала она с гневом, — отнесите эту капусту на колхозное поле и передайте её сторожам. Неужели вы не понимаете, что воровство является самым большим грехом для человека. В нашей семье такого никогда не было и быть не должно!

И мы, понутив головы, уносим эту проклятую капусту, чтобы вернуть её охране. Но боязнь быть исхлестанным плетью, подвигла нас на то, чтобы высыпать эту капусту в тот же бург, где мы её взяли. Этот урок честности мы запомнили на всю жизнь, и всегда придерживались правила — чужого брать нельзя.

ШКОЛА, УЧИЛИЩЕ

Расскажу о школе № 12 города Сыктывкара, в которой мы с братом учились.

В 1948 году произошло большое событие в истории школы, связанное с присвоением школе имени Олега Кошевого комиссара подпольной организации «Молодая Гвардия» города Краснодона. Это произошло по инициативе директора школы Ивана Ивановича Липина, которая была поддержана учителями и комсомольцами школы. Особенно большую работу проводила в то время Ксения Александровна Попова, преподаватель русского языка и литературы и классный руководитель 10 «б» класса, в котором учился я. Мы зачитывались романом А. А. Фадеева «Молодая гвардия», выпускали рукописный журнал «Юность», вместе с женской школой № 1 создали драмкружок, где ставили разные пьесы, в том числе «Как закалялась сталь» Н. Островского.

Была организована поездка делегации школы в Краснодон для встречи с матерью Олега Кошевого — Еленой Николаевной — и почтить память молодогвардейцев на их могиле. Эта поездка состоялась в июле месяце 1948 года и у памятника молодогвардейцам делегаты школы дали клятву:

— Наша школа носит имя Олега Кошевого, Мы хотим быть преданными Родине так, как был предан он, так, как были преданы комсомольцы «Молодой Гвардии», Мы будем достойными сынами нашей Родины». И действительно ученики школы достойно выполняли эту клятву. Назову ребят, с которыми я учился в 10 б классе и, закончили школу в 1949 году. Это Бабушкин Ф. А. закончил школу с золотой медалью, затем физико-математический факультет КГПУ, доцент СГУ, кандидат физико-математических наук. Кононов Ю. В., медалист, закончил МВТУ им. Баумана, работал по специальности, вырос до главного инженера Управления, работал в Каире по строительству металлургического комбината. Домашников Б. П. — друг детства, выросли на одной улице. Выпускник Уральского политехнического института. Большую часть своей жизни связал с Московским машиностроительным заводом, с которым расстался лишь в 2010 году. Он — заслуженный изобретатель России, лауреат Государственной премии, доктор технических наук. И самое главное, он до сих пор цементирует наш бывший 10 б класс, организовывая каждые 5 лет сбор выпускников в школе № 12 г. Сыктывкара. Последняя встреча была в 2009 г. в честь 60-летия выпуска. Руководство школы приняли 8 выпускников и оказали нам самое большое внимание.

Колегов В. К. Закончил исторический факультет КГПИ, работал в Коми обкоме КПСС, министром культуры Коми АССР.

1372291

ГБУ РК «История»
Политпросветкомитет

Виктор А. А. Окончил физико-математический факультет КГПИ, работал директором школы в г. Одесса, преподавал в Одесском мореходном училище.

— Чеусов А. С. — Окончил Ленинградское Высшее инженерное морское училище, инженер-капитан II ранга.

— Приезжев Г. М. — Окончил Ленинградское высшее инженерное морское училище, кандидат технических наук, начальник отдела крупнейшего НИИ электронной промышленности.

— Попов А. Л. — Закончил высшее артиллерийское училище, проходил службу в различных должностях, полковник.

— Маслеха О. В. — Окончил Одесский гидротехнический институт и уехал на Дальний Восток. Работал в Находке начальником строительства порта. Я, будучи на Дальнем Востоке в 1970 г. побывал у него в Находке и прожил там 3 дня. Была очень интересная встреча.

— Шмеккер Ю. — Окончил Пушкинское радиотехническое училище, затем Харьковскую военную академию и служил на командных должностях в Войсках ПВО страны. Получил воинское звание полковник и был назначен главным военным специалистом Радиотехнических войск ПВО страны.

— Шенин Ю. — Учился вместе со мной в Пушкинском радиотехническом училище, затем окончил Харьковскую академию войск ПВО, погиб при испытаниях ядерного оружия в 1960 г.

После окончания школы в июне 1949 года я по направлению военкомата уезжаю поступать в Пушкинское радиотехническое училище Войск ПВО Страны. Успешно сдав вступительные экзамены, я становлюсь курсантом этого училища по специальности эксплуатация радиолокационных станций, как дальнего обнаружения, так и прожекторных РЛС. С огромным удовольствием вспоминаю годы учебы в этом училище.

Это была прекрасная пора жизни — активная, интересная, наполненная ежедневным познанием нового, как в области моей будущей специальности, так и в области удивительного богатства ленинградской культуры: музеи, театры, прекрасные города под Ленинградом. Это Пушкин, Павловск, Петергоф, Ориенбаум, Гатчина — да что говорить, просто улицы, проспекты и площади Ленинграда, где все пропитано богатой историей нашей страны. А ведь совсем недавно закончилась Великая Отечественная война, и город пережил 900-дневную блокаду и многие здания и дворцы были ещё в разрухе.

Когда мы первый раз пришли в Екатерининский парк города Пушкина, мы были поражены, разрушениями дворца, от которого остались кое-где одни стены, подпираемые Атлантами (как в песне: — Атланты держат небо на согнутых руках). Мы, курсанты, почти каждое воскресенье работали по восстановлению одного из самых красивых дворцов России — Екатерининского дворца. И когда много лет спустя, я приехал в Пушкин

и увидел этот дворец, моему восторгу не было конца. Былое великолепие было восстановлено в лучшем виде, и даже была восстановлена нашими художниками-реставраторами знаменитая Янтарная комната. Было приятно сознавать, что в это вложен и наш скромный труд по восстановлению Екатерининского дворца. Со временем были восстановлены и другие дворцы Ленинградской области.

Нельзя не вспомнить прекрасных преподавателей училища, которые учили нас очень многому. Нам преподавали очень много предметов по самым разным направлениям деятельности человека. Помимо чисто военных предметов, как-то: тактика, стрелковое дело, строевая подготовка, военные уставы, вооружение и военная техника вероятного противника, материальная часть радиолокационных станций и другой военной техники, мы изучали металлообработку, автодело, сварочные работы, санитарное дело и другие полезные предметы, которые в дальнейшем могли пригодиться в службе.

Но особенно большое внимание в училище уделялось физической и спортивной подготовке курсантов. Утро обычно начиналось с кросса и с зарядки, которую мы проводили в Екатерининском парке. А после зарядки в летнее время мы купались в чистейших прудах парка, получая огромное удовольствие от этого. После купания мы возвращались в училище прямо к завтраку. Систематически проводились различные соревнования и спартакиады училища. Я входил в сборную училища по конькам вместе с помощником командира взвода Сельцовым Жаном. Он давал возможность нам проводить очень интенсивные тренировки на катке в Екатерининском парке или в спортивном зале. Поэтому наши результаты в соревнованиях по конькам были успешными, даже на первенстве Ленинграда среди военных училищ. В сборную также входила Ольга, которая жила в военном городке и была дочерью преподавателя училища. А присутствие женщины в команде было непременным условием участия в соревнованиях команды на первенстве города Ленинграда. Совместные тренировки и соревнования сблизили нас с Ольгой. Она мне сразу понравилась после знакомства на первой же тренировке на катке своим улыбчивым характером, настойчивостью, с которой она тренировалась бегу на коньках, доброжелательностью и красотой. В дальнейшем симпатия переросла в любовь, которая продолжалась до окончания училища.

Увлекался я и другими видами спорта, а именно: в волейбол играл за сборную дивизиона, увлекался баскетболом, стрельбой из карабина и пистолета, играл прилично в шахматы.

Но главное внимание в преподавании все же уделялось основам радиолокации и материальной части техники. Боевое использование и эксплуатацию радиотехнических станций требовалось знать в совершенстве. Это вызвано тем, что дислокация радиолокационных постов предполагает

отдаленные места, изолированные от ремонтных баз и складов с запасными частями. Поэтому поддержание в исправности радара возлагается в первую очередь на начальника радиолокационной станции. А для этого нужны глубокие знания материальной части и методов устранения неисправностей радара. Понимая это, я проявлял усердие в учебе и окончил училище по первому разряду, с присвоением квалификации радиотехника по специальности боевое использование, эксплуатация и ремонт радиотехнических станций и прожекторной техники.

Это давало выпускнику училища после получения первичного офицерского звания лейтенант право выбора округа и части при назначении на должность. Действительно, после сдачи выпускных экзаменов в сентябре 1949 года нам отличникам предложили выбор гарнизона и части для прохождения службы. Я выбрал Киевский военный округ, Крым и город Евпаторию, где располагался радиотехнический батальон.

А после окончания училища нам полагался отпуск целых тридцать дней. Я послал телеграмму домой, чтобы обрадовать маму и брата о моем прибытии в отпуск вначале октября.

И вот наступил день прощания с училищем. На плацу выстраивается все училище: командование во главе с начальником училища генералом Мориным., преподавательский и офицерский состав, обслуживающий персонал. Выносятся знамя училища, духовой оркестр исполняет Гимн Страны. Выпускники училища выстроены отдельно от общего строя. Их насчитывается более трехсот человек. Начинается процедура вручения погон лейтенанта, отпускных билетов и командировочных предписаний. Молодые лейтенанты четким строевым шагом подходят к начальнику училища, получают погоны и документы и довольные убывают из городка в отпуск. Строй выпускников с каждой минутой все редеет и редеет. С волнением жду, когда очередь дойдет до меня. Но моя фамилия все не называется и не называется. И вдруг я замечаю, что в строю осталось всего пять человек вместе со мной. — Что такое? — проносится в голове. К нам подходит начальник училища и говорит:

— Поздравляю вас с окончанием училища, но я вынужден огорчить вас. Ваш отпуск отменяется и вы командуетесь в город Москву, в управление кадров ВВС. Прибыть туда незамедлительно и там получить предписание для дальнейшей вашей службы.

Мы с изумлением смотрим друг на друга. Вот избранники судьбы: Володя Кирдеев, Николай Клыкковский, Юра Вандышев, Петр Рукавицын и я.

Он не стал нам объяснять, причину такого поворота событий, приказал немедленно убыть в Москву.

Огорчению не было предела. Первое, что мы сделали, то сообщили своим родным об отмене нам отпуска, сообщив также о том, что когда будет отпуск, мы не знаем.

Трогательным было прощание с Олей. Она обещала писать мне письма и ждать моего возвращения в Ленинград для продолжения наших отношений. Наша любовь с Олей была чистой, юношеской, она не предполагала близких отношений до замужества. Так были воспитаны и она и я.

Совсем скоро мы приезжаем на Московский вокзал и поезд Ленинград — Москва уносит нас в столицу. Утром мы прибываем на Ленинградский вокзал, оставляем вещи в камере хранения и едем на Большую

Пироговскую улицу, где располагается управление кадров ВВС. Нас встретил начальник управления кадров и перво-наперво отправил нас устраиваться в гостиницу Советской армии, которая была расположена на площади Коммуны рядом с Центральным Домом Советской Армии. После этого мы снова вернулись на Большую Пироговку.

Начальник Управления кадров полковник Данилов проинформировал нас о дальнейшей нашей службе. Он сказал, что вы убываете в правительственную командировку на Дальний Восток, а затем в Китай,

— Вы знаете, что в Корее идет война и вы направляетесь туда для выполнения боевых задач. Вам всем необходимо написать завещание о том, кому перечислять ваше денежное содержание. Документы, которые вы имеете, остаются у нас, в управлении кадров. Вы их получите после прибытия из командировки. Завтра вам вручат билеты на поезд до станции Отпор, и вы поездом Москва-Пекин уезжаете с Ярославского вокзала. Желаю вам удачной службы и скорейшего возвращения на Родину.

Каждый из нас сел писать завещание. Я 40 процентов оклада решил перечислять матери и брату, а 60 процентов — перечислять на мой счет.

На следующий день мы получили билеты, сдали все наши документы: это удостоверение офицера, билет кандидата в члены ВКП (б), диплом об окончании училища и другие документы и распрощались с начальником управления кадров ВВС Советской Армии.

А через два дня мы уезжали на Восток, в неизвестность.

Последний вечер в Москве мы провели в ресторане Арагви, заказав отдельный кабинет на пять человек. Вечер удался на славу. Стол ломился от вин и закуски, то и дело предлагались тосты за окончание училища, за лейтенантские погоны, за наших родных и близких, которых неизвестно когда мы увидим, за любимых девчонок, которые остались в Пушкине, за нашу удачу в этой правительственной командировке и за многое другое, что бывает в дружеской попойке. Выпито было много коньяка и водки, поэтому сумма оплаты оказалась очень приличной. Вспоминается, что это была моя первая выпивка, в которой я позволил себе расслабиться.

В вагоне, под успокаивающий стук колес я начинаю припоминать события 1950–1951 годов.

ВОЙНА В КОРЕЕ

25 июня 1950 года началась жестокая корейская война — война между Северной и Южной Кореей. Она началась с пограничных конфликтов, подогреваемых Соединенными

Штатами Америки, которые после второй Мировой войны обосновались на территории Южной Кореи, поддерживая режим Ли Сын Мана. А Северная Корея, возглавляемая Ким Ир Сеном, тяготела к Советскому Союзу, желая построить в своей стране справедливое социалистическое общество

Вместе с США на стороне Южной Кореи поддерживали и воевали ещё 16 стран, в том числе Англия, Австралия, Канада, ЮАР, Греция, Таиланд, Дания и другие страны, входящие в Северо-Атлантический пакт. Эти страны предоставили для участия в боевых операциях свою авиацию, военно-морской флот, артиллерию и пехотные части.

В начальный период войны Северокорейские вооруженные силы сумели разгромить Южнокорейские войска, захватить столицу Сеул и продвинуться далеко на юг Корейского полуострова. Поэтому американцы провели мощную десантную операцию в Инчхоне при поддержке союзников и им удалось оттеснить северокорейцев вглубь их территории к границе с Китаем. Эта операция сопровождалась мощными воздушными бомбардировками по аэродромам, электростанциям, военным объектам, городам и мостам. В итоге части народной армии, в том числе военно-воздушные силы, были обескровлены и прикрывать пехотные соединения, части и коммуникации было нечем.

По договоренности Ким Ир Сена с Мао Дзедунем в войну вступили китайские народные добровольцы.

По просьбе правительства КНДР И. Сталин дал согласие на оказание военной помощи Северной Корее в борьбе против американцев. Для этой цели на территории Северо-Восточного Китая в ноябре 1950 года был создан 64 истребительно-авиационный корпус (64 ИАК). Корпус базировался на приграничных с КНДР аэродромах Китая. И в его боевую задачу входило прикрытие от ударов с воздуха авиацией США административных, промышленных и экономических центров, железнодорожных узлов, мостов, электростанций и дислокации войск. Авиация корпуса и артиллеристы совместно с прожекторным полком прикрывали и днем и ночью крупнейшую в Китае Супхунскую ГЭС.

Эти меры позволили значительно укрепить Северокорейские вооруженные силы и в дальнейшем добиться серьезных успехов в войне.

Советский народ и мы, курсанты, переживали за судьбу Корейского народа, так безжалостно, уничтожаемого американской военщиной. Поэтому, когда в училище был объявлен смотр художественной самодеятельности, у нас с Владимиром Кирдеевым появилось желание исполнить песню, посвященную корейскому народу, ведущему жестокую войну с американскими захватчиками. Мы нашли такую песню и исполнили её на смотре. Успех был большой: на бис мы эту песню исполнили с Володей несколько раз. А слова этой песни мне запомнились до сих пор.

Огнем пылает возмущение
И гнев сжимает сердце нам.
И нет пощады, нет прощенья
Заокеанским палачам.

Припев: Сыны Кореи, мы с вами в этот час.
Сыны Кореи, мы твердо верим в вас.
Непобедим в борьбе народ,
Когда он в бой за Родину идет.

Пылают города и села,
Напалмом выжжены поля.
Бойцы-герои в битвах смело
Освободят свои края.
Припев: Сыны Кореи, мы с вами в этот час,
Сыны Кореи, мы твердо верим в вас
Непобедим в борьбе народ
Когда он в бой за Родину идет.

Домой вернется с поля боя
Освободившийся народ.
Они все заново построят
Корея снова расцветет.

Припев Сыны Кореи, мы с вами в этот час,
Сыны Кореи, мы твердо верим в вас.
Непобедим в борьбе народ,
Когда он в бой за Родину идет.

Вот такую песню мы пели в дальнейшем много раз. За что нас друзья прозвали «корейцами». И куда бы мы с Володей не шли, о нас говорили:
— Смотри, корейцы пошли.

А примерно месяца за два до выпуска нас пригласил на собеседование начальник особого отдела училища. Мы тогда не придали этому значение, а теперь мы поняли, для чего он нас вызывал. Он подбирал будущих офицеров для направления на Корейскую войну.

А путь нам предстоял долгий, практически, мы едем через всю огромную страну, проезжая Свердловск, Омск, Новосибирск, Иркутск, озеро Байкал, Читу и далее к Китайской границе до станции Отпор. По расписанию в Отпор мы должны будем приехать на восьмые сутки. Время в пути пролетело быстро. Мы играли в шахматы, шашки, преферанс. На остановках покупали пиво и с удовольствием закусывали воблой, а после Байкала и вкуснейшим омулем горячего копчения, за уши не оттянешь. Так мы доехали до станции Отпор. По величайшей российской глупости железная дорога Союза не соответствует ни европейским стандартам, ни азиатским. Она шире, чем у всех людей. Поэтому, чтобы ехать дальше в Китай, необходимо поменять наши колеса под вагонами на колеса китайцев. Эта процедура занимает несколько часов, которые используются, обычно, для прощания с Родиной. Мы тоже вывернули свои карманы и с грустью увидели жалкие остатки былых капиталов. Что делать? Чем поднять тост за прощание с Отечеством? Мы посмотрели на свои чемоданы, которые были набиты приданным, выданным нам в училище для будущего устройства офицерской жизни.

И тут, откуда ни возьмись, к нам подходят местные женщины и предлагают продать им все наши шмотки (одеяло, простыни, наволочки, бельё), говоря, что это там ничего не потребуется. Какая удача! Мы снова с деньгами. Идем в ближайший магазин, покупаем водку и закуску и устраиваем прямо на рельсах импровизированный банкетный стол для торжественного ритуала — прощания с Родиной. Святое дело за это выпить тост. Но водка и закуска кончились быстро, так как мы продали шмотки совсем дешево. И снова в путь на станцию Маньчжурия, которая уже расположена в Китае.

Дальше происходит всё как в детективе. На вокзале нас встречают китайцы, которые предлагают нам сесть в шикарные машины и везут в гостиницу. Там нас расселяют в отдельные номера и приглашают в ресторан на завтрак. Но получился не завтрак, а обжираловка, с множеством закусок, вторым блюдом — трепанги в соевом соусе, и много чего другого. После завтрака началось переодевание. Мы сняли с себя советскую офицерскую военную форму, а нам дали форму китайских офицеров: китель и брюки, из хорошего сукна цвета хаки, широченную шинель того же цвета, шапку ушанку с козырьком и хорошие ботинки. Глядя друг на друга, мы не могли сдерживать гомерического смеха, настолько нелепо мы выглядели. Но со временем мы привыкли к этой форме, найдя

её даже очень теплой и удобной. Так мы стали китайскими народными добровольцами, защищающими корейский народ.

Далее наш путь продолжался уже по территории Китая и конечным пунктом был город Андунь, город, который располагался на самой границе с Кореей. На машинах нас доставили на командный пункт корпуса, при котором была небольшая гостиница. Встретил нас полковник Аксельрот, как мы узнали потом, он был начальником радиотехнических войск корпуса. Он предложил нам отдохнуть и завтра утром представиться командиру корпуса генерал-полковнику Слюсареву С. В.

На следующий день мы прибыли в штаб корпуса для встречи с командиром корпуса. Дежурный офицер пригласил нас в кабинет командира. Это был довольно большой просторный кабинет с большим столом, за которым, видимо, собирались командиры дивизий, полков, батальонов для решения задач боевых действий. Представил нас командиру начальник РТВ корпуса полковник Аксельрот.

— Представляюсь по случаю прибытия в 64 истребительно-авиационный корпус для прохождения дальнейшей службы, — доложил я и все остальные.

— Вы прибыли в корпус, который, выполняя интернациональный долг, ведет активные боевые действия с американскими захватчиками и их союзниками по защите важнейших объектов КНДР. Летчики корпуса ведут жестокие воздушные бои с их авиацией, нанося большие потери противнику в воздушных боях. В обороне важнейших объектов Кореи активное участие принимает и зенитная артиллерия корпуса. Артиллеристы ведут огонь на уничтожение самолетов противника или ведут заградительный огонь. Вы по специальности радиолокационные техники, поэтому ваша задача заключается в том, чтобы обнаруживать самолеты противников и в ночных условиях освещать их лучом прожекторов.

Вы будете обеспечивать командный пункт корпуса информацией о полетах вражеской авиации в вашем районе. Для нас особенно важно получить от вас информацию о налетах «летающих крепостей» бомбардировщиков Б-29, которые несут на борту более 9 тонн бомб и могут причинить огромные потери войскам наших союзников и объектам нашей обороны. Более подробную информацию о боевой работе вы получите у командира полка полковника Беленко.

А теперь о назначениях: лейтенанты Кирдеев, Вандышев и Рукавицын остаются на Китайской территории, а Канов и Клыковский командуются в Корею на должности начальников прожекторных радиолокационных станций в составе 10 зенитно-прожекторного полка.

— На вас возлагается особая ответственность, потому что мы не имеем право легализовать присутствие советских военнослужащих на Корейском

театре военных действий. Поэтому вы не имеете с собой никаких документов, ваши станции должны быть заминированы и в случае опасности захвата, они должны быть уничтожены. А самое главное ваше пленение недопустимо со всеми вытекающими выводами. Советский Союз официально не принимает участия в Корейской войне и вы все дали подписку в управлении кадров ВВС о неразглашении участия СССР в этой войне. Если все понятно, то в ближайшее время вы убудете к местам вашей службы.

Таким было напутствие командира Корпуса генерал-полковника Слюсарева С.В.

Сборы были недолгими и уже через три дня на машине, которая возила продукты по боевым позициям, я ехал в Корею, чтобы заменить погибшего при бомбежке начальника станции. При налете была уничтожена и позиция станции, поэтому нам вместе с командиром роты пришлось выбирать новую позицию в районе Супхунской ГЭС.

По прибытии первым делом знакомлюсь с боевым расчетом радиопрожекторной станции РАП-150.

Об этой станции следует сказать особо. Поскольку в 1951–1952 годах американская авиация вела боевые действия, в основном, ночью, на корпус возлагалась задача уничтожения самолетов противника в ночных условиях. Для этого корпусу придавался 10 прожекторный полк, который имел в своем составе обычные зенитные прожектора, показавшие себя хорошо в Великую Отечественную войну, и радиопрожекторные станции РАП-150. Эти станции позволяли обнаруживать воздушные цели на расстояниях до 50 километров с помощью радиолуча узкой направленности и затем уже включать луч прожектора. И от слаженности работы боевого расчета зависел успех истребительной авиации по уничтожению вражеского самолета, освещенного лучом прожектора.

Солдаты и сержанты воюют здесь уже почти два года, все они старше меня, кто на год, кто на два, потому что служат по четвертому году, (срок службы в армии установлен четыре года). Все они профессионалы высокого уровня и знают боевую работу отлично.

Боевая работа была организована так. С наступлением темноты, примерно, в 19 часов с командного пункта полка при обнаружении самолетов противника объявлялась боевая тревога. Боевые расчеты занимали свои места. В первую очередь электромеханики запускали мощный дизель «Листер», который обеспечивал электроэнергией всю аппаратуру нашего поста. Занимали свои места операторы у экрана РАП-150, радиотелеграфисты и телефонисты принимали информацию о воздушном противнике с радиолокационных станций дальнего обнаружения или с командного пункта полка, прожектористы занимали места у прожекторов. Сопрово-

ждение самолетов на экране радара начиналось с расстояния, примерно, 50 километров и при достижении расстояния до цели 10–12 километров начальником станции подавалась команда: — «Луч». Включались прожектора, освещая самолет врага, давая возможность нашим летчикам на МИГах атаковать и уничтожать американские самолеты. И когда мы видели подбитый и падающий американский самолет, нашей радости не было предела.

Для обороны наиболее важных объектов КНДР и обеспечения боевых действий авиации 64 ИАК ночью создавались световые прожекторные поля силами и техникой 10 прожекторного полка. На одном из важнейших направлений обороны по защите Супхунской ГЭС на реке Ялудзян была развернута позиция моей станции.

Вначале все мы жили в палатках и быт был самый неприветливый, армейский.

Только через месяц нам привезли разобранный сруб и мы своими силами построили казарму. Учитывая боевую обстановку, отношения с подчиненными строились мною весьма строго: дежурство, обслуживание техники, боевая работа, доклады командованию о воздушной обстановке — все было предельно важным. А еще для меня было важным забота о подчиненных солдатах и сержантах. Обеспечение продуктами, обмундированием, чистым бельем, наконец, куревом — повседневная обязанность командира.

Боевой расчет станции хорошо выполнял свои обязанности, и мы имели хорошие результаты в боевой работе.

Но через два года боевых действий 10 прожекторный полк, где я служил, убывает в Союз. Он находился в Корее с февраля 1951 года.

У нас появилась маленькая надежда уехать на родину вместе с полком. Но, увы! Этому не суждено было осуществиться. Офицеры должны были отслужить здесь два года. Поэтому командование корпуса переводит нас в 133 отелный радиотехнический батальон на должности начальников радиолокационных станций метрового диапазона.

Пишу письмо матери в Сыктывкар о том, что моя командировка продлевается на неопределенный срок и пока не надо ожидать моего приезда домой, в отпуск.

Представляю, как это известие огорчит её. Больше всего пугает неизвестность. В мирное время не понятно было никому, почему от сына приходят письма с адресом «Полевая почта» также, как в Великую Отечественную войну с обратным адресом «Полевая почта» приходили письма от нашего отца. И некоторые тексты письма замаскированы тушью. Для чего была нужна такая жесткая цензура на переписку?

Снова, как и четыре месяца тому назад, нас, с Колей Клыкковским, вызывают к командующему корпусом генерал-полковнику Слюсареву С. В.

Такой был порядок. При отправке офицера на территорию Кореи инструктаж проводил лично командир корпуса.

Генерал объявил о том, что нам предстоит убить на корейскую территорию, под Пхеньян, на вспомогательный командный пункт ВПУ-1 в Фуциори.

— Выберите позиции для станций, которые обеспечивали бы максимально возможную дальность обнаружения американских самолетов, которые дислоцируются на Южно-корейских аэродромах. Важно для нас получить информацию о налетах как можно раньше. От вас мы ждем данные о количестве самолетов, участвующих в налете, типах самолетов и особенно важно выделить количество стратегических бомбардировщиков Б-29, участвующих в налете, и количество штурмовиков прикрытия самолетов Б-29. После развертывания станций вы должны заминировать их. Для этого вам дается 20 килограмм взрывчатки. В случае непредвиденных обстоятельств, вы должны подорвать всю технику и продвигаться с личным составом на китайскую территорию. Корейское командование выделяет в ваше распоряжение роту охраны в количестве сто человек, которая будет обеспечивать вашу безопасность и позволит вам нормально вести боевую работу. Командиром роты командованием Народной армии Кореи назначен капитан Пак Ин Хен.

Боевую работу, лейтенант Канов и лейтенант Клыковский, организуйте по 6 часов поочередно. Промежутки между боевой работой используйте для ремонта и профилактики радаров. Продукты вам будут подвозить еженедельно, но имейте ввиду, что возможно уничтожение машин с продуктами американскими штурмовиками, поэтому обязательно создайте неприкосновенный запас продуктов. Если нет вопросов, желаю вам удачи.

Уже через два дня мы с Николаем Клыковским убывали на ВПУ 1, который был расположен совсем недалеко от линии фронта, под Пхеньяном, в районе деревни Фуциори, где нам предстояло развернуть радиолокационные станции П-15 А.

День был пасмурный, с низкой облачностью, что исключало полеты вражеских штурмовиков, и мы не опасались их появления на нашем пути. Дорога была почти полностью разбита бомбежками, но к чести китайских дорожных частей, она после налета быстро восстанавливалась. А для этого вдоль дороги были заранее заготовлены и гравий, и песок и другие строительные материалы для восстановления мостов и переправ.

На следующий день мы прибыли на ВПУ 1. Командовал вспомогательным пунктом управления подполковник Бирюк, списанный с летной работы пилот. Я доложил ему о благополучном прибытии и готовности

убыть на позицию, где будет развернута радиолокационная станция П-15 А. Подполковник Бирюк представил меня боевому расчету, который уже имел опыт ведения боевых действий.

После получения позывных командования и кодов опознавания, раздается команда:

— По машинам!

И мы отправляемся в деревню Инжуори, которая расположена в 15 километрах от ВПУ.

Прибываем мы туда еще засветло, но выбор позиции и помещения для размещения солдат и сержантов, я решаю провести завтра. В сумерках вокруг деревни просматриваются сопки, покрытые густой растительностью и довольно высокими соснами.

— Это нам подходит для размещения РЛС, — подумал я.

А утром мы вместе с сержантами осмотрели то, что раньше было деревней. Примерно половина деревни была уничтожена варварскими бомбардировками авиации противника, и торчали только печные трубы. Однако и в уцелевших домах никто не жил, они были пустыми. Население деревни ютилось в землянках, опасаясь налетов авиации врагов, что создавало огромные бытовые трудности. Но героический народ Кореи мирился с ними, ведя ожесточенную войну за свободу и независимость своей Родины.

Буквально в центре деревни мы увидели довольно большой целый дом, в котором мы решили сделать казарму для размещения бойцов расчета РЛС. Я исходил из того, что американцы уже не бомбили разрушенные деревни. Они знали, что там уже давно никто не живет после бомбовых ударов и напалма. И это было определенной гарантией нашей безопасности.

После осмотра дома было принято мной окончательное решение — поселиться именно здесь. В доме была целой отопительная печь, дымоходы которой проходили под полом, создавая уют и тепло в доме, а также имелось помещение и очаг для приготовления пищи, которое немедленно занял наш повар Иван Попов. Таким образом, вопрос размещения личного состава был решен.

Но самым главным для боевой работы было размещение радиолокационной станции.

Осмотрев несколько окрестных сопки, мы выбрали довольно высокую сопку на северо-востоке деревни, вершина которой была покрыта соснами, что могло служить хорошей маскировкой антенны РЛС. А рядом была довольно ровная площадка, на которой можно было установить индикаторную машину станции, машину с электростанцией и связную станцию.

После этого я собрал весь расчет станции и поставил задачу: — На следующий день полностью завершить развертывание станции и доложить командованию о готовности начать боевую работу.

Работа закипела. Личный состав знал свое дело, так как солдаты и сержанты участвовали в боевых действиях более года, и я был уверен, что станцию мы развернем к установленному сроку.

А приблизительно в 30 километрах от моей позиции разворачивал свою станцию лейтенант Клыкковский. Нам предстояло работать вместе с ним, быть глазами авиакорпуса, сообщая на командный пункт авиакорпуса о приближении вражеских самолетов, их количестве, направлении полета, а самое главное определить, какие типы самолетов участвуют в налете.

На следующий день работы по развертыванию РЛС была завершена. Я произвел юстировку антенной системы, настройку передатчика на максимальное излучение мощности, что позволяло определять дальность обнаружения американских «Сейбров» до 280–300 километров, проверил работу системы «Я свой». Связисты доложили об установлении связи с ВПУ и с командным пунктом корпуса.

О готовности вести разведку в воздушном пространстве под Пхеньяном я доложил начальнику ВПУ-1 подполковнику Бирюку.

— С 18 часов сего дня вы начинаете боевую работу. Боевая работа не должна прекращаться в любом случае, даже, если будет бомбежка вашей позиции. Такой приказ командования, работать будете по 6 часов поочередно со станцией лейтенанта Клыкковского. А обеспечением вас продуктами, куревом, бельем, обувью для солдат и сержантов и медикаментами будут заниматься офицеры ВПУ.

Итак, с 18 марта 1953 года начинается боевая работа здесь на ВПУ-1.

Задача радиолокационного обеспечения боевых действий истребительной авиации 64 ИАК, выполнялась с помощью наземных радиолокационных станций обнаружения и наведения метрового диапазона П-3, П-3 А, П-8, Лида-4, Лида-313 и станций сантиметрового диапазона П-20; наземных запросчиков радиолокационного опознавания РЦ-127 А и НРЗ-1; станций целеуказания и орудийной наводки зенитной артиллерии типа СОН-3 К, СОН-2, СЦР-584 и радиопрожекторных станций типа РАП-150.

В целях обеспечения управления авиацией, действующей на дальних подступах к обороняемым объектам, командованием было организовано четыре вспомогательных пункта управления (ВПУ), расположенных в районах Супундон, Хичен, Пхеньян,

Анджу. Развернутая на территории КНДР сеть ВПУ позволяла обнаруживать самолеты противника на расстоянии до 250 километров после

взлета их с аэродромов базирования на территории Южной Кореи, вести непрерывное наблюдение, получать информацию о полетах самолетов противника и своих самолетов на территории КНДР и осуществлять наведение наших истребителей на самолеты противника.

Для управления истребителями на командном пункте командующего были оборудованы: стол боевого управления, стол ночного наведения и устанавливался также выносной индикатор ПО-03 радиолокационной станции П-20.

Боевые расчеты командных пунктов получали, обрабатывали и наносили данные о воздушном противнике на планшеты столов боевого управления, командование оценивало воздушную обстановку и принимало решение на отражение налета авиации противника. В зависимости от обстановки принималось решение на подъем эскадрильи, полка, дивизии.

Наведение осуществлялось с таким расчетом, чтобы к моменту встречи с противником наши истребители имели преимущество в высоте и скорости. За несколько минут до встречи с противником подавалась команда: — Сбросить баки — после чего скорость самолетов МиГ-15 увеличивалась, что позволяло летчику обеспечить более выгодное положение для ведения боя.

Горный рельеф местности КНДР ограничивал зону радиолокационной видимости и создавал значительные трудности при выборе позиций для РЛС. Поэтому для обеспечения нормативной зоны видимости станции метрового диапазона устанавливались на вершинах сопков высотой 50–80 метров над уровнем окружающей местности.

При размещении РЛС учитывались возможности их маскировки, надежность охраны и обороны, наличие подъездных путей. Помимо основных позиций для каждой станции подбирались запасные позиции.

Для маскировки радиолокационных станций на позициях от визуального наблюдения антенны станций устанавливались обычно среди деревьев или высоких кустарников. На открытой местности антенномачтовые устройства маскировались с помощью деревьев, которые специально насаждались вокруг антенн.

Управлением работой РЛС осуществлялось централизованно с командных пунктов ВПУ или с командного пункта корпуса. Для этого в расчеты КП была введена должность дежурного офицера по радиотехнической службе, который подчинялся ответственному дежурному (командиру) командного пункта. Дежурный офицер руководил боевой работой всех радиотехнических станций, подчиненных данному КП и отвечал за своевременное обнаружение самолетов противника.

При обнаружении самолетов противника дежурный офицер по радиотехнической службе принимал меры по их опознаванию и осуществлял

маневр РЛС различных диапазонов частот. Система радиолокационного опознавания в значительной степени увеличила эффективность радиолокационного обеспечения воздушной разведки. Она давала возможность оператору своевременно устанавливать принадлежность самолетов в любых метеоусловиях, днем и ночью. Эта система, кроме своего основного назначения, позволяла более успешно решать задачи наведения истребителей на самолеты противника в ночных условиях.

Постоянная работа РЛС позволила операторам накопить хороший опыт обнаружения и проводки целей в условиях горного рельефа местности, определении состава групп и типов самолетов, а также в определении времени сбрасывания подвесных топливных баков, как нашими истребителями, так и самолетами противника. Точное определение момента сбрасывания подвесных баков давало возможность авиационным командирам своевременно вскрыть замысел противника и принять меры для успешного отражения налета. Сбрасывание подвесных баков американскими истребителями, как правило, производилось во время выхода в район бомбометания бомбардировщиков или при встрече с нашими истребителями.

Особо следует сказать о работе расчетов радиолокационных станций в условиях применения противником помех. Американцы начали применять активные и пассивные помехи для подавления радиолокационных станций в 1951 году.

Основным видом активных помех, применяемых противником, были шумовые помехи. Они создавались специальными передатчиками помех, установленными на бомбардировщиках. Шумовая помеха на индикаторе с амплитудной отметкой станций метрового диапазона имела вид возросших в несколько раз собственных помех приемника РЛС. Они с равномерной интенсивностью засвечивали экран по всей длине развертки. Если амплитуда помехи превышала амплитуду сигнала от цели, то наблюдение за целями становилось невозможным. При малом уровне шумовой помехи отметки от целей наблюдались.

На экране индикатора кругового обзора шумовые помехи имели вид засвеченного сектора. Ширина сектора помех изменялась в зависимости от расстояния до самолета постановщика помех и иногда достигала полной засветки экрана.

Пассивные помехи работе радиолокационных станций создавались путем сбрасывания с самолетов металлизированной ленты. Они на индикаторах с амплитудной разверткой станций метрового диапазона наблюдались в виде импульсов, подобных сигналам от группы самолетов. Отличались они от импульсов целей относительной малоподвижностью и опытные операторы легко распознавали пассивные помехи.

На индикаторах кругового обзора пассивные помехи создавали засвеченные полосы и пятна, что затрудняло возможность проводки целей.

Вот в таких сложных условиях мы выполняли задачи радиолокационного обеспечения боевых действий нашей авиации, причем, большое внимание уделялось определению точного количества самолетов, участвующего в налете, и установлению их типов. При определении типа и количества самолетов операторы обращали внимание на конфигурацию импульса, характер его пульсации, направлением и скоростью полета целей.

Боевая работа личного состава станции была очень напряженной, так как налеты вражеской авиации продолжались и днем и ночью, большими группами. В некоторые дни мы проводили до 500 самолетов, которые были нацелены на важнейшие объекты Северной Кореи, а именно: Суххунскую электростанцию, мосты и железнодорожные станции, города и крупные населенные пункты, а также расположение войск и зенитных расчетов. А штурмовики часто просто расстреливали автомобильный транспорт, движущийся по фронтовым дорогам.

Однако американцы потеряли былое преимущество в воздухе и при налетах несли большие потери в воздушных боях с нашими летчиками.

А все началось в апреле 1951 года, когда начались ожесточенные воздушные бои с летающими воздушными крепостями и истребителями их прикрытия.

Особенно крупное военное сражение, как нам рассказывали, произошло 12 апреля 1951 года.

Радиолокационные станции с ВПУ-1 и ВПУ-2 донесли на командный пункт корпуса о налете больших сил воздушного противника на ГЭС и мост через реку Ялудзян. В налете участвовало 48 бомбардировщиков Б-29, 48 истребителей Ф-80 и Ф-84, а также 32 самолета Ф-86. Стратегические бомбардировщики Б-29 имели на борту радиоуправляемые бомбы «Тарзан» или по 9 бомб каждая весом по 900 килограмм. Бомбометание предполагалось вести группами по 6–8 самолетов с интервалом от 2 до 10 минут. Боевой порядок «летающих крепостей» состоял из звеньев в строю «ромб» с превышением каждого последующего звена над впереди идущим звеном.

В этой ситуации командир 324 дивизии полковник Кожедуб И. Н. принимает решение поднять в воздух все боеспособные самолеты в количестве 44 самолетов МиГ-15. Как оказалось потом, это решение было совершенно правильным.

Первым поднимается 176 полк под командованием майора Кошеля. Вслед за ним 196 полк подполковника Пепеляева. Вот как об этом бое вспоминает участник этого боя командир эскадрильи капитан Крамаренко С. М.

После объявления боевой тревоги и команды на взлет, звено за звеном мы вырुливаем на взлетную полосу и попарно взлетаем. Моим ведомым является Сергей Родионов. Я увеличиваю обороты, стремясь догнать первую эскадрилью, которую ведет майор Шеберстов. На высоте 7500 метров занимаем боевой порядок. Но вот ведущий нашего полка передает по радио:

— Впереди слева и ниже противник!

Я смотрю вниз и вижу, как навстречу нам летят бомбардировщики — две группы огромных серых машин. А чуть выше летят десятки истребителей.

Командир командует: - Атакуем, прикрой!

Ударная группа — 18 МиГов — устремляются в атаку за командиром вниз. Истребители противника оказываются сзади и выше наших атакующих истребителей. Это очень опасный момент. Моей группе надо было сковать истребители противника и отвлечь их от защиты бомбардировщиков. Я даю команду ведомым: - Разворот влево, атакуем! Через мгновение я оказываюсь сзади ведущего группы истребителей противника, прицеливаюсь и открываю огонь по передовому самолету группы — «Тандержету». Первая очередь проходит мимо, но вторая накрывает его. Самолет его переворачивается и, из сопла его самолета вырывается сизобелый дым и «Тандержет», крутясь, падает вниз.

Опешившие американцы от неожиданности замешкались, не понимая, кто их атаковал. В этом бою Лазутин и я сбили по два «Тандержета». Я смотрю вниз и вижу, как наши МиГи расстреливают «сверхкрепости» Б-29. У одной отвалилось крыло, и она вся разваливается в воздухе, еще три или четыре машины горят. Из горящих самолетов выпрыгивают экипажи, десятки парашютов медленно летят к земле, где их ждет позорное пленение.

После боя летчики подробно рассказали, как разворачивалась атака ударной группы 176 полка по двум группам самолетов Б-29.

Командир ударной группы майор Шеберстов пропустил первую группу «крепостей» и дал команду атаковать строй Б-29. Быстро сближаясь с ними, с дистанции 800–500 метров летчики открывали огонь из всех трех пушек. При этом попадание одного 37-миллиметрового снаряда делало такие огромные дыры в фюзеляже или плоскости бомбардировщика, что это сразу выводило самолет из строя. Шеберстов выбрал для атаки самолет ведущего группы, но при сближении попал под обстрел пулеметов, шедших сзади бомбардировщиков, и он был вынужден выйти из атаки. Но тут вступает в бой пара истребителей Гончаров-Гесь, следовавшая за парой Шеберстова, Примерно с дистанции 600 метров Гесь открыл огонь по крайнему бомбардировщику Б-29. Очередь на-

крыла самолет и в нем начали разрываться снаряды, которые привели к разрушению самолета. Бомбардировщик резко развернулся и объятый пламенем начал уходить на юг в сторону моря.

Вторая пара звена Геся атаквала другой самолет противника. Несколько очередей прошли «Сверхкрепость», она загорелась и рухнула вниз.

Вторая эскадрилья атаквала замыкающие самолеты первой группы. И она действовала в более благоприятных условиях, так как строй бомбардировщиков, был уже нарушен. Старший лейтенант Сучков атаквал Б-29 с минимальной дистанции. После чего бомбардировщик вспыхнул и начал снижаться. Старший лейтенант Милоушкин, несмотря на огонь «Сейбров», атаквал «крепость» и поразил её. Самолет задымил и стал снижаться вниз.

Капитан Субботин с группой, которая вела бой с «Сейбрами», ушел от истребителей противника и атаквал последнее звено «Летающих крепостей»

Сблизившись с ними, он открыл огонь по замыкающему самолету и увидел, что хвост «крепости» отвалился и она пошла вниз.

Также активно вели сражение летчики 196 полка под командованием полковника Пепеляева Е. Г. Однако им было сложнее, так как их атакам стали препятствовать самолеты прикрытия. Тем не менее, летчики буквально прорывались сквозь прикрытия, расстреливая «крепости».

Сначала пара капитана Бокача атаквала звено «Сейбров», заставив их уйти от бомбардировщиков вниз.

И Бокачу удалось подбить Б-29, который дымя, ушел в сторону залива.

Вторая пара звена под командованием капитана Назаркина атаквала следующий «ромб» этой группы. Он удачно провел атаку по первому самолету «ромба» и горящий Б-29 рухнул прямо возле моста, так и не сбросив свой смертоносный груз.

Удачно провел воздушный бой капитан Абакумов, который перевел свой самолет в атаку и дал пушечную очередь, выпустив весь боекомплект. Хвост «крепости» развалился, экипаж покинул самолет на парашютах.

Пара капитана Яковлева в это время вела бой со звеном Ф-80, и ему удалось подбить один из них.

Этот бой для наших летчиков закончился убедительной победой, все наши летчики вернулись на свой аэродром.

А для американцев итог этого дня был печален: в бою было сбито 12 «крепостей» Б-29 и 5 истребителей, 13 подбитых «крепостей» упали в море или разбились при посадке на свой аэродром и были списаны за непригодностью к эксплуатации. Этот день был назван американцами

«черным четвергом» и на целую неделю в американских ВВС был объявлен траур по погибшим летчикам.

Таким образом, американцы за один день потеряли 25 сверхмощных стратегических бомбардировщиков и около сотни человек летного состава. Более ста летчиков были взяты корейцами в плен. Потеря такого количества сверхмощных крепостей потрясла летный состав ВВС США. Почти на три месяца прекратились полеты Б-29 в зоне действия МиГов. Корейские села и города были спасены от «ковровых» бомбардировок, от сжигания напалмом корейской земли, тысячи жителей Кореи уцелели от воздушного геноцида.

Я потому так подробно рассказал об этом бое, чтобы всем было понятно о завершающей фазе боя. Сотни специалистов работают на то, чтобы обеспечить успех боя летчиков с противником. А самая первичная информация о действиях авиации противника исходит от радиолокационных постов, особенно тех постов, которые находились на ВПУ-1 и ВПУ-2.

ДОЛИНА СМЕРТИ

23 июля меня вызвал начальник ВПУ-1 подполковник Бирюк, как он сказал, по очень важному делу. Во второй половине дня я был в Фуциори, где были собраны все офицеры ВПУ.

— Боевым расчетам Канова и Клыковского предстоит ответственная работа по свертыванию станций и переезд на Китайскую территорию в город Андунь. На свертывание станции и переезд на ВПУ дается один день. Завтра к исходу дня вы должны быть здесь на ВПУ. Китайскую границу вы должны пересечь не позднее 24.00 26 июля. Это приказ командования корпуса. Задание ответственное, дорога сложная не мне вам говорить об этом. Вы знаете, сколько раз были разбиты наши машины с продовольствием и другим имуществом американскими штурмовиками. Если все понятно, можно отдыхать, а завтра рано утром вы должны быть на позициях.

А на следующий день рано утром я покинул ВПУ.

Это было невероятно: выйдя из землянки, в которой я переночевал в кругу своих друзей-офицеров, я увидел ослепительное солнце, искрящееся тысячами лучиков в лужах прошедшего дождя, в траве и листьях деревьев, в водоемах и ручьях. Оно было всюду, создавая хорошее настроение и волнение оттого, что ливень южный, тропический, нескончаемый прошел и можно спокойно возвратиться к себе на позицию в деревню Инджуори.

Приказ предельно понятен: в течение дня свернуть боевую технику и сменить место дислокации, совершив пятьсот километровый марш по территории Кореи, на который нам отпущено всего два дня и ни часа больше. И как не порадоваться тому, что мы покидаем это «горячее» место, а ливень, которому, казалось, не будет конца, кончился, и хорошая погода будет способствовать выполнению столь ответственного приказа.

А пока буду идти, — подумал я — спланирую действия расчета по быстрому, а главное надежному свертыванию техники и подготовке к предстоящему маршу.

Я замечаю в дороге, что все вокруг стало другим: каштаны и акации стоят все умытые и чистые, наполняя воздух ароматом своих цветов; рисовые поля изумрудно зеленые залиты водой почти полностью и идти можно лишь по узкой полоске земли, отделяющей одно поле от другого; луг и лес насыщены влагой. А обычно маленькая безымянная речушка, которую я накануне перешел свободно, превратилась в бурную горную речку, глубокую и широкую, с бурунами и водоворотами, мутную и беспощадную в своем норове.

Что делать? — пронеслось в голове, ведь дорога каждая минута, а надежды на помощь в переправе, никакой. Решение одно, надо преодолеть реку вплавь, тем более, что я плаваю хорошо.

Я снял одежду, оружие, продукты и все это обвязал армейским ремнем. Получился довольно тяжелый узел, с которым мне предстояло переплыть эту речку. Опыт подсказывал мне, что надо сделать пробный заплыв с аналогичным грузом в руке, например, с булыжником. Найдя на берегу приличный булыжник, равный приблизительно весу моей упаковки, я погрузился в воду и поплыл на противоположный берег, гребя левой рукой и удерживая булыжник в правой руке. Течение стремительно подхватило меня и понесло. Но, прилагая всю свою силу и умение, я упорно приближался к цели, к противоположному берегу реки. И когда до берега осталось несколько метров, я понял, что и второй раз, но уже с другой ношей, преодолеть эту преграду.

Путь обратно без злополучного камня был быстрым. Немного отдохнув на берегу, согревшись на солнце, я зашел в воду. И снова, как и в первый раз, поток горной реки подхватил меня, накрывая порою с головой и переворачивая. Но сильные гребки позволяли преодолевать бурное течение, приближая к берегу. Вот уже и середина реки, совсем близка цель.

Но вдруг я почувствовал, что стремительно ухожу под воду и все мои усилия не позволяют выбраться на поверхность. Какая-то мощная сила тянула меня вниз. Я открыл глаза. Было темно, свет еле-еле пробивался сквозь мутную воду.

— Водоворот, — пронеслось в сознании. Вторая рука, в которой была одежда и продукты, мешала вырваться из этой западни. Больше не было никаких сил находиться под водой. Отчаянные гребки одной рукой не помогали преодолеть водоворот. Становилось все темнее и холоднее, воздух в легких был на пределе. Для спасения оставалось одно — выпустить узел.

Я выпустил узел из руки, сделал мощный рывок двумя руками и тут же почувствовал, что меня несет вверх, к свету, к жизни. Вынырнув на поверхность, я вдохнул всей грудью живительный и спасительный воздух и на пределе сил достиг берега.

Несмотря на усталость, меня охватило чувство радости: солнце безудержно палило, быстро согревая меня, я сумел победить разбушевавшуюся стихию и выбраться из трудного положения.

А то, что утонули вещи, невелика беда ...Жалко часы, которые я купил в Ленинграде еще будучи курсантом. А без продуктов мы обойдемся, тем более, что можно использовать неприкосновенный запас. Форма у меня имеется в резерве, хотя солдаты скажут:

Хорош командир, прибыл на позицию в плавках.

Я совсем согрелся и окинул взглядом эту безымянную, коварную речку и с изумлением увидел почти у самого берега плавающий узел.

Вот это, да! с удивлением воскликнул я. Почему же он всплыл?

Но не стал больше раздумывать, нырнул в речку и через несколько минут был уже на берегу, довольный тем, что все обошлось благополучно...

Быстро шагая к деревне, я снова подумал:

Почему же всплыл узел? А где пистолет?

Я развернул узел, осмотрел вещи и, точно пистолета там не оказалось. Узел всплыл после того, как выпал из него пистолет.

Вот еще беда, — невольно воскликнул я, и это тогда, когда совершенно не остается времени на сборы. Я вспомнил о том, что вечером пистолет мне дал мой друг Слава Гнеушев. Я вначале отказывался брать его пистолет, но потом уступил настойчивым просьбам друга.

И вот он утоплен. Я сделал несколько попыток найти его на дне реки. Но где там. Как только я достигал дна в районе злополучного водоворота, меня выкидывало на поверхность. Да и в мутной воде нельзя было что-нибудь рассмотреть.

Нужно дождаться спада воды и тогда продолжить поиски пистолета, решил я и быстро направился в деревню. Прибыл я в расположение боевого расчета станции, когда солдаты заканчивали завтрак.

Сержант Асташенко, доложил, что на позиции все в порядке, всю ночь продолжалась боевая работа...

— Столько гадов пролетело представить жутко. Что там у них случилось?

Летят и летят. Нас хвалят за четкую работу, — добавил он. Приказываю построить взвод. Вот они все передо мной: молодые энергичные, возмужавшие за годы войны. Сколько всего пришлось пережить с ними, как постепенно складывался этот монолитный боевой коллектив, позволяющий решать самые сложные задачи боевой работы в условиях бомбежек и провокаций. Враги знали, что мы где-то рядом, что не пролетает незамеченным ни один самолет, оповещение о них немедленно передавалось на КП. Часто над нами разгорался жестокий воздушный бой и небе становилось жарко. Но победа была как правило на нашей стороне, хотя были и наши потери. А сколько попыток было испепелить напалмом нашу сопку, где находился радар. Но чудом наша сопка оставалась невредимой и работали, работали. Бомбежки происходили, как правило, в ночное время. Вначале прилетал «старшина», так мы называли легкий самолет-разведчик, который спокойно и размеренно бросал фотабы-осветительные ракеты на парашютах, служившие средством целеуказания для бомбометания, затем прилетали бомбить самолеты, несущие смертельный груз — бомбы, напалм.

Так случилось и 28 мая. Разведка нас предупредила о том, что сегодня ночью вас будут бомбить — пытаться уничтожить станцию и личный состав. Примите меры к недопущению этого. Вы очень нужны как воздушные разведчики на переднем крае, напутствовали меня с ВПУ.

Я собрал боевой расчет — солдат, сержантов и сообщил им о грозящей опасности, приказав свободному от боевой работы расчету находиться в укрытии. Поняли главное — ничто не должно помешать выполнению боевой задачи по обнаружению вражеских самолетов и передаче этой информации на командный пункт корпуса. «Здорово, подумал я, они думают так же, как и я. Они готовы на все. Пусть будут провокации, бомбежки, попытки голодом уморить нас... Но в назначенное время мы снова выйдем в эфир и будем давать данные о воздушных налетах противника».

Первой чувствовала приближение самолетов задолго до их появления в нашей зоне собака, верный наш страж, Люстра, которая громким лаем предупреждала о налете. Причем, в этом случае лай был особым, громким и тревожным и все это понимали. Действительно вскоре появлялись первые самолеты, невидимые в южной ночной темноте. К счастью, сделав разворот над нами, они обрушили всю мощь своих бомб на Пхеньян. За первым эшелон следовал второй, третий, четвертый..., десятый и так продолжалось в течение двух-трех часов. Трудно было представить, что там можно еще бомбить. Уже давно этот красивейший в прошлом город с садами и водоемами, где рос чудо цветок — лотос, находились великолепные памятники древности, где бурлила жизнь миллионного города, превращен в руины, где нет ни одного целого здания, люди покинули его и ютятся в землянках и пещерах ближайших сопок. Что еще там нужно уничтожать, когда уже все уничтожено! Однако бомбежки совершались, практически, каждую ночь, волна за волной. Горизонт пылает ярким огнем взрывов и напалма. Какая жестокость, какое варварство! Это все происходило на наших глазах. Мы располагались в 20 километрах от Пхеньяна.

Через некоторое время наступало затишье. Ночное небо светилось огромными звездами, где у самого горизонта «Большая Медведица» и такая близкая всем нам «Полярная Звезда».

Вдруг снова раздается тревожный лай собаки и к нам пожаловал самолет разведчик, который повесил осветительные ракеты, но не над нами, а над ближайшей к нам сопке. Это уж точно по нашу душу. И действительно, через десять минут началась жуткая картина — прилетели штурмовики и начали бомбежку, стремясь уничтожить все живое, а самое главное боевой расчет и радар, которые как бельмо на глазу, как заноза в теле не дают им покоя. Казалось, конца не будет этому кошмару. «Как вовремя мы укрылись в земле и сейчас наблюдаем из амбразуры

обезображенную от разрывов снарядов землю, — подумалось мне. А еще раньше я с радостью отметил, что место целеуказания самолетом разведчиком выбрано ошибочно и бомбы будут падать не на нашу сопку.

Когда налет кончился, все вышли из укрытия и увидели пылающие соседние сопки, расположенные от нас в трех-пяти километрах.

«Доложите обстановку?» — позвонили с командного пункта.

«Личный состав цел и невредим, техника в порядке» — кратко доложил я. «Включить станцию и начать работу»- последовала команда. Расчет сержанта Асташенко занимает свои места и начинает работу. Мы снова выходим в эфир и даем данные на командный пункт корпуса о воздушных налетах вражеских самолетов. Данные передавались УКВ радиостанциями в телеграфном режиме. Мои радиотелеграфисты имели высочайший класс передачи данных морзянкой.

Вспоминаю событие, которое случилось 7 апреля 1953 года в годовщину установления Народной власти в КНДР.

Командир нашей роты охраны капитан Пак предложил непременно участвовать в этом значительном для корейского народа событии: с торжественной частью, с выступлением ансамбля песни и пляски Народной Армии Кореи, с поздравлениями и подарками, куда приглашалось и местное население. Отказаться было решительно нельзя, не позволяла наша солидарность, чувство братства к этому народу и, попросту, хорошее отношение к нам представителям Союза. Для этого мероприятия был выбран большой уцелевший дом, бывший клуб, в котором чудом сохранилась сцена и большое количество скамеек для зрителей.

Однако в силу обстоятельств мы не смогли прибыть к назначенному сроку и прибыли тогда, когда все места в помещении были уже заняты солдатами охраны, местным населением — женщинами, детьми — и личный состав расчета вынужден был остаться вне помещения. Правда, мне и двум сержантам лобезно были предложены места в первом ряду зрительного зала. Мы устроились прямо у сцены, где уже начиналось представление артистов. Как за время войны мы отвыкли от хорошей музыки, песен особенно в профессиональном исполнении. Поэтому любая песня, любой номер воспринимались всеми с восторгом, бурей оваций. Как особенно по-новому, прекрасно звучали наши советские песни в устах этих очаровательных кореянок. Особенно всем понравилась песня из фильма «Кубанские казаки» — «Ой цветет калина» в исполнении симпатичной кореянки в сопровождении целого букета таких же созданий, таких близких здесь на сцене и таких далеких, недоступных нам на самом деле. Или две кореянки, которые исполнили песню «И кто его знает».

Какой овацией были встречены их выступления, казалось, конца не будет благодарности и восторгу в зрительном зале.

И вдруг страшный треск и грохот оглушил присутствующих в помещении людей. Все начало рушиться: и потолок, и стены, и сцена, засыпая обломками людей. Страшный невообразимый крик разорвал тишину ночи. Я даже не успел сообразить, что же происходит, но почувствовал сильный удар по голове и спине и потерял сознание.

А вокруг происходило невообразимое — большое здание старинной постройки с черепичной крышей с загнутыми вверх углами, в один миг превратилось в груды кирпича, бревен и черепицы, погребя под обломками женщин, детей и солдат. Прошло некоторое время прежде, чем обезумевшие, оставшиеся в живых люди, кто был вне помещения, поняли всю трагедию положения. Началась паника особенно среди женщин, которые искали и не могли найти своих детей, родственников, знакомых.

Чтобы организовать спасение погребенных под руинами людей, необходима была железная выдержка, организованность, дисциплина и полное отсутствие паники. Всем этим обладали наши солдаты и сержанты, которые остались вне дома. Буквально через несколько минут начались спасательные работы, которые продолжались более двух суток. Солдаты буквально валились с ног, но самоотверженно делали свое дело — дело спасателей людей.

Я очнулся от страшной боли в спине и души. «Где я?» — промелькнула мысль. И тут же сознание нарисовало все происшедшее. «Опять провокация, мы погребены под руинами здания. А где же сержанты, которые сидели рядом со мной?».

«Алексей!» — позвал я. Но в страшных криках, которые были слышны отовсюду, невозможно было что-нибудь различить. Кричали оставшиеся в живых дети, женщины, солдаты охраны. Но почему-то все кричали: «Сулен-капитан, помогите, сулен-капитан, помогите!» — обращаясь ко мне. Это ужасно, чем я мог помочь им, сам находясь на грани гибели. Я поднял руку — она двигалась, поднял другую — тоже цела. И ноги целы. Только вот спина жутко ноет, не давая пошевелиться. «Алексей!!» — снова позвал я. И вдруг откуда-то из глубины завала, как будто с того света, он услышал: «Я здесь, лейтенант, и, кажется, цел».

«Ты можешь доползти до меня? И где Асташенко?» — с волнением спросил я.

«Он тоже жив, хотя тяжело ранен»

«Это уже хорошо, что все мы живы, вместе будем вести борьбу за жизнь, выбираться отсюда». Он поднял руку вверх и обнаружил, что над ним имеется небольшое свободное пространство — «Видимо, конек крыши».

«Алексей, пробирайтесь ко мне — позвал я — вместе будем искать возможность выкарабкаться отсюда».

«Попытаюсь» — прозвучало в ответ. И тут я снова почувствовал, что стало совсем трудно дышать. Под руинами оказалось слишком много людей и количество воздуха катастрофически сокращалось с каждой минутой.

«Что же делать в крошечной темноте?»

Я ощупал перекрытие, которое было надо мной, и понял, что разрушить как-то мощную черепичную крышу, совершенно невозможно и нужно искать другой путь.

Через некоторое время мне удалось освободить ноги и сделать попытку приподняться на коленях. Я медленно пополз на крик своих сержантов. Дышать становилось все труднее, но крики и стоны, погребенных, как и мы людей, продолжались, приводя нас в ужас от беспомощности.

А там наверху шла упорная борьба за жизнь каждого человека. Солдаты сразу поняли, что лейтенант и два сержанта, там внизу в руинах. Живы ли они? В каком месте их искать? Решение пришло сразу — «Надо проникнуть внутрь через конек крыши», сказал один из солдат. Конек каким-то чудом остался цел и возвышался над руинами. Всем взводом вместе с корейскими солдатами охраны начали отбрасывать балки, бревна, глыбы битого кирпича и черепицы в надежде сделать лаз под коньком крыши. Летели минуты, часы, но, кажется, все попытки достигнуть цели были обречены на провал. Гора развала уменьшалась очень медленно и, казалось, этому не будет конца. Из-под обломков удалось спасти нескольких человек в тяжелом состоянии и это вселяло надежду на то, что они живы.

Я теперь уже вместе с сержантами ползти медленно, разгребая руками битый кирпич и прочий мусор. Эта давалось с трудом из-за удушья и боли в спине, каждое движение становилось невыносимым. Вдруг мы обратили внимание на то, что криков о помощи стало меньше, лишь кое-где раздавались стоны и тяжелое дыхание. Неужели живых стало меньше? Увы, но это так. Суровая и жестокая реальность. А долго ли нам осталось жить? Мы понимали: пока хватит воздуха. При этой мысли движения становились более энергичными и мощными насколько позволяли силы. — Но кто-то должен нас спасти?! Эта мысль не покидала нас ни на минуту. Я больше не мог продвигаться вперед. Меня охватила жуткая апатия и безразличие:

— А, будь, что будет — решил я.

В сознании пронеслись эпизоды из моей очень короткой жизни. Вспомнилась гибель отца на фронте в декабре 1942 года под Сталинградом,

окончание школы в 1949 году и поступление в Пушкинское радиотехническое училище — прекрасная пора жизни — активная, интересная, наполненная ежедневным познанием нового как в области будущей специальности, так и в области удивительного богатства ленинградской культуры: музеи, театры, прекрасные города Пушкин, Павловск, Петергоф, Ориенбаум, Гатчина — да что говорить, просто улицы, проспекты и площади Ленинграда, где все пропитано богатой историей нашей страны.

Затем окончание училища и без отпуска — правительственная командировка сюда на корейскую войну.

Все это возникало в забытьи где-то далеко. Но в глубине сознания неотступно и навязчиво сверлило: — Неужели это все? — кислорода катастрофически не хватало, удушье перехватывало горло. Я уже не слышал голосов сержантов и криков о помощи. А руки касались холодных тел, которые были подо мной...

И когда силы совсем покинули меня, и сознание лишь смутно анализировало, что происходит вокруг, совершенно неожиданно вдруг в глубине завала вспыхнул свет. — Что это такое? Конец света или спасение? Но судя по тому, что меня обдало свежим воздухом, до одури ароматным и живительным, я понял — это спасение!!! Энергичные действия солдат взвода увенчались успехом. Им удалось разобрать завал и сделать лаз прямо под коньком крыши, где был я и сержанты. Всех охватило радостное чувство жизни и свободы. Однако выразить это громким голосом оказалось невозможным и на вопрос: — Вы живы? — они услышали лишь жалкий лепет, который тут же замолк — я потерял сознание.

На поправку ушло буквально три дня и мы уже снова были в боевом строю.

Свертывание техники в походное положение шло споро: все знали свои обязанности, закрепляли все прочно и основательно. Шофера Иваненко и Соколов проверяли исправность машин. Путь предстоял долгий и сложный. Остальные солдаты укладывали в ящики боевую технику, имущество, продовольствие и боеприпасы. А первым делом я разминировал станцию. Обстановка требовала: в случае опасности захвата — уничтожить все и уходить на север. К счастью этого не случилось.

Большую помощь в сборах нам оказывали солдаты роты охраны. Это были люди, прошедшие с боями многие километры и имеющие по 2–4 ордена «Солдатская слава»- высший корейский солдатский орден за героические действия в бою.

За прошедшее время совместной работы нас связывала крепкая дружба. Мы чувствовали постоянно днем и ночью бдительную охрану техники и людей. А сколько выдумки предпринимал ротный капитан

Пак, чтобы обезопасить нас от возможных провокаций. Например, меня всегда удивляло слишком медленное хождение населения в деревне. И когда я об этом спросил командира роты охраны, тот ответил: — Мы специально ввели такой порядок, при котором любой посторонний человек, не зная об этом, немедленно себя разоблачит.

Видя наши сборы, к нам стали подходить местные жители. Они уже успели привыкнуть к нам особенно после той кошмарной ночи. Ведь столько детей и взрослых было тогда спасено из-под обломков нашими солдатами...

А потом началось лечение тех, кто получил различные травмы. Сержант Асташенко, как взводный санинструктор, ходил по деревне с санитарной сумкой. Он промывал и перевязывал раны, делая все возможное, чтобы поднять на ноги корейцев, получивших ранения во время катастрофы. Для этого были использованы все наши запасы лекарств и бинтов. Особенно запомнился такой случай. Через три дня после той кошмарной ночи к нам приходит старый кореец и со слезами просит: — Посмотрите, пожалуйста, мою внучку, которой очень плохо. У нее сильный жар от раны, которую она стесняется показать. Я вместе с сержантом отправились в землянку, где была эта девушка и убедились в том, что её состояние было крайне тяжелым. Большая рана была в паховой области, вся уже загноившаяся. Меры принятые Асташенко дали положительные результаты и девушка быстро пошла на поправку. Она была спасена.

Наконец все готово к походу. Раздается моя команда: «По машинам!». Наступает время прощания с деревней, где мы прожили много трудных боевых дней. Каштаны и акации надежно укрывали нас, а высокие сосны делали невидимой антенную систему радара.

Провожать нас пришли все. Солдаты и офицеры охраны выстроились в стройный ряд. Собрались и жители деревни, среди которых была учительница. В минуты отдыха мы посещали ее гостеприимный дом, чтобы послушать единственный во всей округе патефон. Очень любили мы этот дом, где можно было послушать нежную, мелодичную корейскую и японскую музыку. К великому сожалению русских пластинок у учительницы не было. Со временем мои отношения с Катей переросли в симпатию, она мне нравилась своей открытостью, умом и изумительной красотой. Помимо музыки, она учила нас корейскому языку, и мы уже могли общаться с корейцами не жестами, а некоторым запасом корейских слов.

Но однажды, придя к землянке Кати, мы там не обнаружили никого, землянка была пуста... На мой вопрос. Пак ин хену:

Где учительница? — Он мне сказал:

По нашим законам военного времени местному населению нельзя общаться с русскими и поэтому я выселил эту семью в соседнюю деревню.

А где эта деревня? — спросил я.

В 15 километрах отсюда. Так закончилось мое знакомство с этой чудной корейкой.

Пришла проводить нас и молодая корейка, Надя, которая много внимания и заботы уделяла нам. Прощаясь с нами, многие не скрывали своих слез. Это всех нас очень тронуло.

А теперь в путь. Вскоре за поворотом скрылась деревня, и мы едем на юг, на ВПУ-1. в п. Фуциори Туда нужно ехать окружным путем, где находился мост через ту безымянную речку, в которой я еще совсем недавно чуть не утонул. Я все же не терял надежды найти пистолет и поэтому оставил на том злополучном месте солдата. Пока мы будем в дороге, солдат попытается найти пистолет.

С самого начала пути не все шло благополучно: останавливалась из-за поломок то одна, то другая машины. Сказывалось длительное отсутствие эксплуатации машин, так как они в свое время были поставлены на деревянные колодки и не эксплуатировались.

Двигались с большой осторожностью, постоянно ведя наблюдение за воздухом. Каждую минуту можно было ожидать или «мустангов», или «крестов», которые прочесывали дороги. К счастью, все обошлось благополучно и к вечеру мы прибыли на вспомогательный пункт управления. Вдруг ко мне подбегает солдат, которого я оставил искать пистолет, и в воздух выпускает всю обойму. Какая удача! Солдат проявил завидное упорство и смекалку, чтобы найти пистолет. Здесь же состоялась церемония передачи пистолета ТТ его законному хозяину — Славе, а я подарил солдату свои часы «Победа», от души благодаря его.

Итак, первый совсем небольшой участок пути позади. А предстоит еще длительный марш в условиях постоянной опасности и тревоги, как с воздуха, так и с земли. Но самым опасным участком пути будет «долина смерти», так мы ее окрестили. Это тридцатикилометровая открытая долина, некогда красивейшая земля, превращенная ныне в развалины, где лишь маленькая полоска дороги жила постоянно. Десятки машин двигались изо дня в день, подвозя к фронту снаряды, боевую технику, продовольствие, солдат.

Но в случае налета невозможно было найти укрытие, а зенитные средства корейских и китайских боевых расчетов не всегда могли дать отпор врагам. Поэтому много техники и людей гибло в этой долине. Именно ее предстояло нам преодолеть. Отдыхали мы совсем мало и задолго до рассвета снова вышли на марш. Дорога была грунтовая, кое-где разбитая авиабомбами. Поэтому ехать надо было внимательно и осторожно. Вдоль

шоссе росли душистые, грациозные акации, пирамидальные тополя, папоротник, ясень и другие деревья. Это было нашим спасением, потому что с воздуха практически трудно было рассмотреть в этих зарослях две движущихся машины, которые к тому же замаскированы ветками.

Я, как мне и положено, ехал в первой машине с Иваненко, а на второй машине ехали сержанты Асташенко и Яговитин. Машины держались друг от друга на небольшом расстоянии, чтобы, в случае, опасности можно было принять совместные меры.

А нам навстречу двигались колонны с солдатами, которые восторженно приветствовали нас при встрече, каким-то образом узнавая в нас русских людей. И чем дальше мы продвигались, тем чаще нам встречались подбитые машины и техника, которые валялись с правой и левой стороны дороги. Иногда встречалась техника еще горящая, значит, совсем недавно здесь был налет и были жертвы. В кустах были видны зенитные расчеты, готовые в любую минуту вступить в бой с воздушными пиратами. Но им не всегда удавалось оказать достойное сопротивление и обеспечить защиту движущейся по дороге техники и людей.

Очередная остановка из-за повреждения колеса. Солдаты дружно помогали шоферам сменить колесо и после устранения поломки, мы снова двинулись в путь.

К вечеру миновали возвышенную местность, хорошо укрытую деревьями. И затем мы выехали на проклятую всеми «долину смерти». Здесь был когда-то аэродром: огромное, ровное и плоское поле. И лишь вдалеке были видны еле различимые горы. Аэродром примыкал к реке довольно широкой, но не глубокой. Здесь мы сделали короткий привал. — Пронесло бы — сказал рядовой Павлов. — Если повезет, то проскочим, — хмуро подтвердил ему Яговитин.

Ребята, по машинам!- раздался мой голос.

Те, кто в кабинах, внимательно следите за воздухом и в случае опасности уходите подальше от машин — добавил я.

И снова в путь. Ехали на максимальной скорости, объезжая воронки, разбитую технику, ящики от снарядов и другие препятствия.

Поток встречных машин становился все больше, и невольно возникало предположение о готовящейся крупной операции по уничтожению врагов. Вдоль дороги, в сопках, были видны расчеты зенитных орудий и крупнокалиберных пулеметов — это части ПВО, готовые вступить в бой с воздушными стервятниками. И все же дорога невольно убаюкивает, расслабляет, настраивает на размышления и воспоминания.

Вспомнилось, как совсем недавно со мной случилась беда.

Было это 24 июня 1953 года. Весь личный состав, за исключением дежурной смены, с удовольствием смотрели фильмы, которые были

привезены накануне из Андуня. Я вместе со всеми тоже смотрел эти фильмы. И все было нормально, но где-то во второй половине дня я почувствовал острую боль в правом боку.

А, ерунда, пройдет — подумал я и продолжал вместе со всеми смеяться над похождениями «Веселых ребят». Однако боль усиливалась и я уже не мог выбрать такое положение, при котором боль была бы минимальной.

Я вышел из дома, где мы все смотрели фильм, и вызвал сержанта Асташенко. У него мои жалобы не вызвали беспокойства. Но вдруг мне пришла в голову мысль: «А если это аппендицит?». Внутреннее сознание подсказывало мне, что надо вызывать машину. Поэтому я связался с командным пунктом и доложил командиру — подполковнику Бирюку о своем заболевании.

Хорошо, машину за вами я высылаю. Поедешь во фронтальной госпиталь, где есть советские хирурги. Это за Пхеньяном.

Шофер там уже бывал и знал туда дорогу. Это совсем недалеко от линии фронта. Машина за мной приехала часа через два, когда боль в животе была уже нестерпимой. Газик, на котором мы ехали, был старый, с разбитыми сидениями, весь обшарпанный, с пробоинами. На лобовом стекле была большая дыра. Как рассказал солдат водитель, несколько дней тому назад на одной из дорог машина была обнаружена «Мустангом». С первого же захода выстрелом был убит капитан, который сопровождал груз, и ранен в руку шофер, совсем молодой солдат. Невольно пришла в голову мысль о том, что такое же может случиться в любую минуту и с нами.

Через несколько километров пути мы подъехали к окраине города, который был когда-то Пхеньяном, столицей Северной Кореи. От города практически ничего не осталось.

Не было видно ни одного целого дома. Они представляли из себя груды развалин. Люди не жили в разрушенном городе. Они ютились в землянках на склонах сопки и по берегу реки Тедонган.

И все равно почти каждую ночь с садистской жестокостью продолжались налеты американской авиации, хотя рушиться и гореть уже было нечему. Разрушались лишь дороги.

Мне приходилось все время держать свое тело на весу, чтобы ослабить боль. Но сделать это было сложно, так как дорога была вся в колдобинах, из-за чего машину бросало из стороны в сторону, вверх и вниз.

Миновали город и часа через два мы увидели у подножья горы флаг с красным крестом. Это и был фронтальная госпиталь, где работали советские специалисты.

Ну что у тебя? — спросил у меня подошедший к машине мужчина лет сорока. Судя по всему это был врач, наш русский до мозга костей.

Наверно, аппендицит — ответил я, — что-то в боку колет.

Ишь, шустрый какой, все знает.., аппендицит. Так бы ты и стоял с этой болячкой.

А что, терпимо — как можно убедительнее сказал я.

Ну, ну, идем посмотрим, что там у тебя.

И мы вошли на территорию госпиталя. Госпиталь представлял из себя пещерный городок, все помещения в котором: в том числе приемное отделение и палаты для раненых, и операционные были оборудованы в скалах. Поэтому такому госпиталю были не страшны ни бомбардировки с воздуха, ни артиллерийский обстрел из дальнобойных орудий врага — скалы защищали его. Но сколько труда нужно было положить, чтобы выдолбить в горе эти огромные катакомбы.

Николай Иванович, так звали русского хирурга, который встретил меня, взял кровь для анализа и внимательно обследовал меня.

А ведь и правда аппендицит, «профессор» — сказал он мне, когда я вскрикнул от боли при нажатии в области левой части живота — давай в операционную. Анализ крови тоже подтвердил этот диагноз.

Вот так все просто, через час после приезда я лежал уже на операционном столе. Помогали хирургу две медсестры, одна русская — Нина, другая кореянка — Катюша. Я, лежа на спине, осмотрел операционную. Это было довольно мрачное помещение, освещенное малым количеством ламп, а место операции подсвечивалось автомобильной фарой, которая питалась от движка, работающего вне пещеры на улице. Операция проходила под местным наркозом. В паховую область медсестра сделала несколько уколов с обезболивающим средством, после чего живот стал твердым и безболезненным. Через некоторое время я совсем перестал ощущать боль от уколов и разрезов скальпелем по животу. Было какое-то состояние отчужденности, как будто все это происходило не со мной, а с кем-то другим. Под шум работающего движка я даже стал забываться. Но вдруг увидел, что лампа-фара стала мигать, а затем совсем погасла. Заглох движок. Николай Иванович со скальпелем в руках сыпал проклятья механику, который пытался запустить двигатель.

У меня лейтенант с разрезанным животом, ты это понимаешь? — кричал хирург. Механик конечно же понимал, что как можно быстрее нужен свет, чтобы закончить операцию. Прошло минут пятнадцать-двадцать, когда я услышал треск работающего движка. Снова загорелась лампа-фара в операционной и доктор продолжил операцию. Через некоторое время он удалил злополучный отросток, после чего я сразу почувствовал огромное облегчение — боль прошла. Однако когда накладывались швы действие наркоза уже ослабло, и последние швы делались уже

по живому телу. Но сознание того, что аппендикс уже удален придавало мне силы и я терпел эту боль..

Ну, вот и все, а теперь в палату выздоравливать! — сказал Николай Иванович. Меня поместили в грот-палату, где были раненые солдаты-корейцы. И я быстро начал поправляться. Через день я встал на ноги, а через два дня начал ходить по пещере, в столовую и на улицу.

Однажды, это было на пятый день после операции, я увидел, как к воротам госпиталя подъехала знакомая машина, которая привезла меня сюда. Из машины вышел офицер и направился к начальнику госпиталя. Через некоторое время меня вызвали к Николаю Ивановичу.

Приказано командованием доставить вас на место, в Фуциори, в каком бы состоянии вы не были. Я, как хирург, отказываюсь выполнять такой приказ, потому что швы на вашем теле могут разойтись в пути следования. Там вам никто не поможет, и исход может быть любым — сказал начальник госпиталя.

А что мог ответить ему я? Человек я военный, да еще в боевой обстановке — другого решения быть не могло — надо ехать.

Пиши расписку, что забираешь лейтенанта под личную ответственность — сказал хирург офицеру.

Тот написал расписку и передал ее начальнику госпиталя. Я оделся и мы поехали той же дорогой — разбитой и сложной.

Перед самым отъездом хирург отозвал меня в сторону и сказал:

В пути будь предельно внимателен к дороге и делай все, чтобы избежать резких толчков и тряски, а для этого держи свое тело на весу. Не дай бог, если разойдутся внутренние швы! Снимать наружные швы будешь дней через 10, когда полностью заживет рана и будет сильный зуд. Ну, давай, лейтенант, ни пуха — ни пера тебе.

К черту, к черту — быстро ответил я — и большое Вам спасибо за благополучную операцию. Век буду помнить, а дальше уже все зависит от меня.

Не буду рассказывать, с каким трудом мы с капитаном и с шофером преодолели эти километры, Скажу только, что несколько раз попали под обстрел «шутингов», чуть не подорвались на mine и едва не увязли в глубокой воронке от снаряда. В конце — концов, добрались до позиции благополучно. Кажется, швы остались целыми.

А через несколько дней рана совсем затянулась и уже не кровоточила. Появился приятный зуд. И на десятый день после операции (4 июля 1953 года) мы с моим «доктором» Асташенко благополучно сняли швы.

А впереди открытая пустынная долина приблизительно тридцать километров в длину, как ее окрестили военные, долина смерти. Раньше здесь был большой аэродром, который обеспечивал полеты как гражд-

данских, так и военных самолетов. Вокруг были служебные постройки: аэропорт для приема пассажиров, ангары, бензохранилища, мастерские для ремонта самолетов и другие постройки. Словом, это был большой городок, в котором кипела когда-то жизнь.

А после начала военных действий на него посыпались сотни и тысячи бомб, которые стерли с лица земли все, что там было. На этом месте не осталось ничего, что напоминало бы об аэродроме. Вся взлетная полоса и рулежные дорожки были разрушены мощными бомбами с самолетов Б-26, Б-29 и другими самолетами американцев. Все постройки были превращены в месиво, которые трудно было восстановить. Дорога, которая пересекала долину, подвергалась бомбардировкам постоянно, потому что это была единственная дорога, идущая с юга на север Кореи. Поэтому восстановить ее было крайне сложно. Все мосты через реку были тоже уничтожены и переезд через нее был возможен только по возведенным саперами Китайской армии переправам.

Бойцы, — сказал я своим солдатам, — перед нами очень сложная задача, успеть проскочить долину смерти до появления самолетов разведчиков и штурмовиков. Иначе нам гибель. Движение на максимально возможных скоростях, без задержек и остановок. Перед выездом еще раз посмотреть состояние автомобилей.

Мы Вас поняли, — дружно сказали водители машин.

На первой машине водителем был отличный специалист Володя Иваненко. На второй машине был молодой водитель Юрий Степанов. Поэтому я сел во вторую машину, надеясь в случае необходимости, помочь молодому солдату.

По команде «Марш» колонна двинулась вперед. Конечно, я принял меры по обеспечению безопасности движения. Один солдат был посажен на верх КУНга для того, чтобы наблюдать воздушную обстановку и в случае налета вражеских самолетов на колонну, во время предупредить меня об этом...

Вначале марш колонны был довольно скорым, но в дальнейшем стали возникать трудности в связи с тем, что было слишком много встречных машин. Это машины с боеприпасами, с вооружением и военной техникой, с продовольствием и военным имуществом. Часто встречались машины с китайскими солдатами и с воинами КНДР. Создавалось впечатление, что война только начинается и будет продолжаться еще долгое время. О причинах такого массового перемещения войск в сторону фронта стало понятно лишь тогда, когда мы приехали в Аньдунь — конечную цель нашего пути.

Когда проехали половину долины смерти, вдруг останавливается первая машина из-за того, что лопнул задний баллон. Все дружно выскочили

из машин и шофера стали устанавливать запасное колесо. Часы неумолимо отсчитывали роковые минуты. Для штурмовиков мы идеальная мишень для уничтожения. Эта процедура заняла всего двадцать минут и мы продолжаем путь дальше.

Едем вдоль реки Тедонган и я вижу уже мост через эту реку, который является спасением для нас, так как дальше начинаются горы и мы уже будем находиться под их прикрытием и защитой. Однако, подъехав к мосту, мы видим, что он разрушен и рядом сделана понтонная переправа, которая видна лишь посередине реки и заезжать на нее надо из воды. Нас предупредили о том, что перед понтонной переправой имеется воронка от снаряда и ее нужно обязательно объехать, иначе не попадешь на мост. Володя Иваненко смело въехал в воду, удачно объехал невидимую в воде воронку, заехал на мост и удачно выехал на другой берег реки. Но мой водитель замешкался, не смог вывернуть машину как надо на мост, стал заезжать на мост сбоку. Машина качнулась и повисла на опорах моста, зацепившись карданом. О, ужас! Мы оказались в ловушке. Я тихо-тихо открыл кабину, спустился вниз на мост и увидел, что тяжелая радарная машина качается над водами реки Тедонган.

Худшей ситуации представить себе невозможно. Немедленно начали собираться машины с той и с другой стороны, так как другой переправы не было. Но буквально через несколько минут ко мне подходит китайский офицер и представляется:

— Я командир отряда по восстановлению переправы и дорог. Готов немедленно приступить к вызволению вашей машины. Но на это потребуется около часа. Как бы за это время не прилетели американские самолеты — высказал он опасение. Будем надеяться на благоприятный исход.

И закипела работа. Сотни китайских солдат начали засыпать мешки песком или землей и швырять их в речку под мост, чтобы заполнить ими пространство до колес КУНГа. Течение реки было очень сильным и первые мешки относились далеко от моста. И тогда китайские солдаты сцепились по несколько человек и стали удерживать мешки под мостом, глубина речки была 1.5–2 метра. Работа пошла более успешно. А машины к переправе все прибывали и прибывали. Их было уже сотни. Для отражения вероятного налета были приведены в готовность боевые расчеты зенитных пулеметов и зенитных орудий.

А работа по вызволению из плена нашего радара кипела. Мешки с грунтом все ближе и ближе приближались к колесам машины.

И тут случилось то, что все неволью ждали. Появился американский самолет-разведчик. Он навел ужас на всех, кто был у переправы. Все понимали, что самолеты штурмовики придут сюда минут через двадцать-тридцать.

А у нас под колеса ложились уже последние мешки. На все это китайским и нашим солдатам потребовалось сорок пять минут.

Садимся в кабину, Юра заводит машину и, о чудо, машина заезжает на мост. И уже через десять минут мы в спасительных горах, где недоступны ни «шутингам», ни «сейбрам», ни «кобрам». Все вышли из кабин и устроили танцы дикарей. Так было велико наше армейское счастье. Всевышний в очередной раз отвел беду от нас.

Времени до пересечения Корейско-Китайской границы оставалось все меньше, и поэтому следует команда: — «Вперед!».

Но вот тут и началось...

Вражеские самолеты появились неожиданно. Они с диким воем ворвались в долину смерти, их было много, даже трудно было подсчитать. Бомбы сыпались на технику и людей. Расчеты зенитных орудий и пулеметов Корейской и Китайской армий по охране переправы и дороги было тоже много и они вели жестокий бой с американскими стервятниками.

Уже после первой волны часть боевых машин и военной техники была подбита и они горели, поднимая высоко в небо клубы дыма и огня. То и дело раздавались мощные взрывы боеприпасов, которые машины везли к фронту. После нескольких заходов от переправы не осталось и следа, а воды реки Тедонган подхватили и разнесли остатки разрушенного моста на многие метры по течению реки. Появились и сбитые американские самолеты, которые пылали здесь же, рядом с пылающими машинами наших союзников.

А мы продолжали движение в Анджу, где находился выносной пункт управления (ВПУ-2) наших войск. Дорога шла на перевал, уже наступил вечер и мы дальше продвигались в сумерках. Через несколько часов мы достигли места, где располагался пункт управления. Это была довольно высокая сопка и с ее вершины очень далеко просматривалась панорама окрестностей города Анджу. Во многих местах были видны огни пожарищ, результат недавних бомбардировок, разбитые бомбами дороги. Они, как правило, восстанавливались довольно быстро дорожными китайскими частями. Практически вдоль всех фронтовых дорог можно было заметить кучи щебня и песка, которые использовались для засыпки воронок от снарядов и бомб.

На командном пункте я доложил начальнику ВПУ о своем благополучном прибытии, о готовности техники и личного состава продолжать движение дальше в сторону китайской границы. И здесь от него я узнаю радостную весть, весть, которую мы все ждали, но не знали, когда это будет.

Начальник ВПУ-2 подполковник Петров сообщил нам о том, что сегодня в 24.00 по местному времени прекращаются боевые действия

между армиями Южной и Северной Кореи. Войска занимают довоенные позиции по 38 параллели. Это значит конец войне.

Вам надлежит в течение ночи прибыть на китайскую территорию в г. Аньдунь.

Слушаюсь, — отчеканил я, — мы немедленно убываем в расположение части.

Прибыв к солдатам, я не мог сдержать волнения, сообщив им весть об окончании войны. Громкое — Ура! — разнеслось по округе. Трудно передать это чувство, конец войне и мы живы все пятнадцать человек.

Перекусив на скорую руку, мы поехали дальше, зная, что полеты авиации врагов уже прекратились и нам нечего опасаться.

Ехали всю ночь спокойно, так как в сторону китайской границы машин шло мало, Машины в основном ехали в сторону линии фронта. По соглашению о перемирии вводился международный контроль за перемирием, и воюющим сторонам запрещалась перевозка боевой техники, оружия и боеприпасов.

А ранним утром 27 июля в городах, в деревнях и населенных пунктах нас встречали сотни корейцев, с сияющими лицами и громкими криками — «Победа!». Нас угощали кто чем мог, пожимали руки, обнимали и целовали, дарили цветы. Было подлинное ликование народа и мы гордились тем, что внесли определенный вклад в эту Победу.

К середине дня мы пересекли Корейско-Китайскую границу, которая проходила по реке Ялудзян, и въехали в город Аньдунь место дислокации нашего батальона.

Доклад командованию был кратким:

Боевая задача выполнена, личный состав здоров и невредим, техника в полном порядке.

Благодарю за службу — объявил командир батальона перед строем.

Служим Советскому Союзу! — громко ответили мы.

Только здесь в своем гарнизоне я почувствовал себя по-настоящему счастливым и позволил себе вместе с друзьями расслабиться за долгие месяцы боевых действий. Так закончилась для меня эта жестокая война и начались мирные будни в Китае, которые продолжались год и четыре месяца.

После войны нам стали известны имена прославленных летчиков, которые вели упорные бои с американскими агрессорами и вписали много героических страниц в эту жестокую войну. Всего за время боевых действий 64 ИАК сбил 1309 самолетов противника, из этого количества зенитная артиллерия корпуса сбила 212 самолетов, а летчики — 1097 самолетов. Потери корпуса составили 335 самолетов МиГ-15, в боях корпус потерял 120 летчиков, которые похоронены в Порт Артуре и Дальнем.

Фактически количество сбитых самолетов США и их союзников было значительно больше, так как не учитывались сбитые самолеты, которые падали в море или были повреждены и разбивались при посадке на аэродромах в Южной Корее

Но важнейшим достижением 64 ИАК в Корейской войне следует считать то, что был нанесен большой урон стратегической авиации США, имеющей на вооружении тяжелые бомбардировщики Б-29 — носителей атомных бомб. Их за время войны было сбито более ста самолетов, что отрезвляюще подействовало на заокеанских агрессоров, вынашивающих планы третьей мировой войны.

22 летчика за свои подвиги получили высокие звания Героя Советского Союза. Это ныне здравствующие командир полка полковник Пепеляев Е. Г., сбивший 23 вражеских «Сейбра», это командир эскадрильи генерал-майор авиации Крамаренко С. М., он сбил 13 американских самолетов. Также Сутягин Н. В. — 22 самолета, Оськин П. В. — 15, Щукин Л. К. — 15, Пономарев М. С. — 12, Сморгчов А. П. — 12. Бахаев С. А. — 11, Охай Г. У. — 11, Докашенко Н. Г. — 9, Самойлов Д. А. — 10, Михин М. И. — 9, Субботин С. П. — 9, Гесь Г. И. — 8, Пулов Г. И. — 8, Бойцов А. С. — 6, Карелин А. М. — 6, Науменко С. И. — 6, Шебанов Ф. К. — 6, Лобов Г. А. — 4, Образцов Б. А. — 4, Стельмах Е. М. (посмертно) — 2.

А еще 13 летчиков, которые сбили 7 и более американских самолетов, были представлены к этому высокому званию, но не получили его по не известной причине.

27 июля 1953 года

Да, этот день есть завершение
Войны Корейской огневой.
Для нас тот день был утешением,
Что ты живой, что ты живой.

С победой возвратились. Восхищение!
Мы были рады всей душой.
И нас не покидало удивление,
Что ты живой, что ты живой.

Андунь Китайский пограничный
Нас встретил мирной тишиной.
Казарма наша — дом приличный.
Как здорово, что ты живой.

Не будет больше потрясений:
Бомбежек, страха за бойцов.
И бесконечных повторений:
«Сегодня в небе сотни вражьих подлецов»

Но не было у нас сомнений,
Что летчики-герои выиграют бой,
Что шел над нами каждодневно,
Пока не наступил отбой.

Победа! Нет тебя прекрасней!
Когда повержен враг в войне.
Потери были не напрасны,
Но радовались мы вдвойне

Тому, что мы предотвратили
Угрозу третьей мировой войны
Осуществить не допустили
Бредовых планов атомной войны.

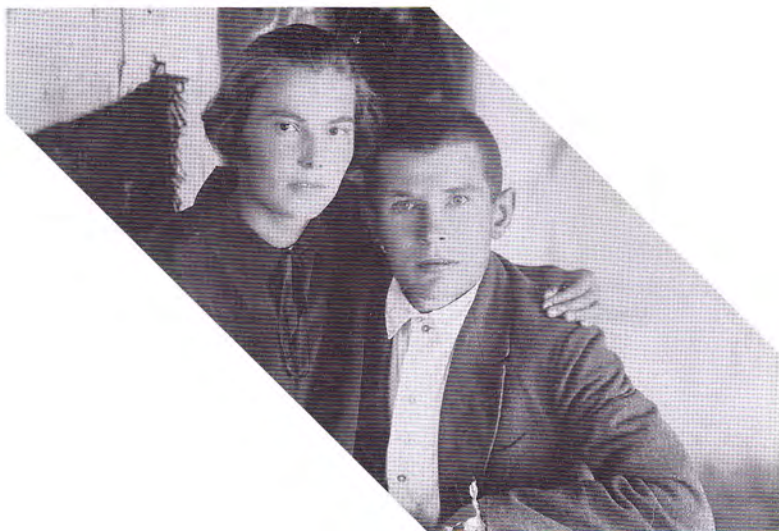
Мы славим ассов окрыленных
Победами. Господством явным в небесах
А «янки» оказались посрамлены.
Сегодня с ними мы на разных полюсах.

Мы славим всех, кто добывал победу:
Артиллеристов, техников, радарщиков, бойцов.
Мы помогли Корейскому народу.
Разбить врагов, осилить наглецов.

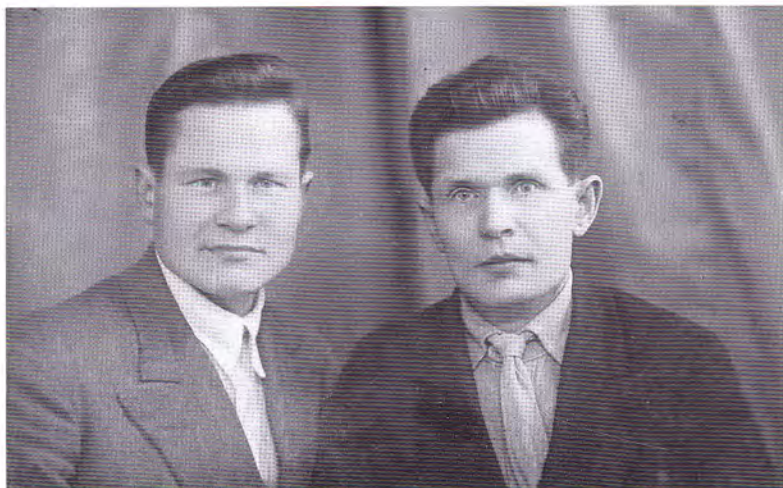
2009 г. Я.В. Каюв

Тугулым. 15.06.1932 г.
Родители Василий Васильевич и Надежда Алексеевна.
Брату Генриху 4 года, мне 1 год

Июль 1932 г. Мои родители
Канов Василий Васильевич и Канова Надежда Алексеевна

Мой отец с братом Николаем. 1936 г.

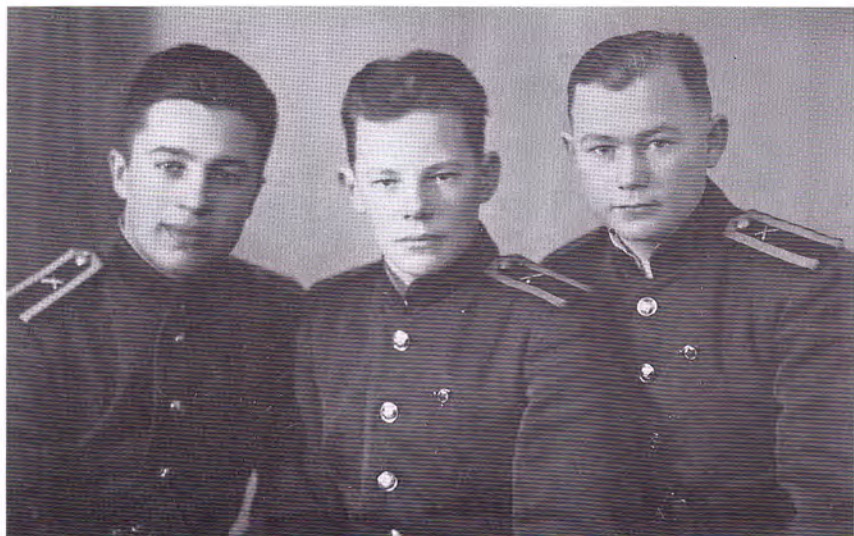
Надежда Алексеевна Канова. 1933 г.

Мама, Гена и Я. 1942 г.

10 б класс 1949 г. (выпуск)

Курсанты Пушкинского радиотехнического училища.
Канов Я.В., Шенин Ю, Аболонин П.Н. 1950 г.

г. Сыктывкар. Мои родители перед войной

Мой отец — директор МТС в первом ряду в середине

1954 г. Андунь, КНР.
После войны

22.01.1955 г.
Снялись после свадьбы.
Ян и Галя

Китай,
после Корейской войны.
20.12.1953 г.

Группа товарищей по работе, после войны. 15.09.1953 г. КНР

Елец 1960 г. Полковая художественная самодеятельность

Республика Коми, остров на реке Вишера

У подножья Эльбруса

Так выглядят могилы
Советских Воинов в Порт-Артуре,
погибших в Корейской войне
1950–1953 гг.

Камчатка. На вершине вулкана Карымского.
Весь мир на ладони, ты счастлив и нем...

Камчатка. Большой водопад

Камчатка, Гейзер Сахарный

Камчатка, река Гейзерная

Камчатка. Медведи на рыбалке. Мы их встретили 16 шт.

Камчатка. Долина Гейзеров.
Водопад Великий

Республика Коми, река Вишера.
Красота необыкновенная

Выставка в Италии «Конверсия 91»,
А.В. Рудкой знакомится с прибором ночного видения

Брат после нашего путешествия
по реке Вишера

Куба, Варадеро. Конная прогулка, 1985 г.

Куба, 1985 г.
Парк динозавров Канов Я.В.
всегда с кинокамерой

Сборы военпредов 4–6 марта 1974 г.
г. Павловский-Посад

Сборы начальнико клубов, домов офицеров
с руководством Министерства Обороны
и Московского округа ПВО. 1961 г.
В первом ряду 7 слева — Министр обороны Малиновский Р.Я.

1981 г. Комиссия по проверке Бакинского военного округа.
Канов Я.В., Шленинг А.Ф. – третий слева

Ветераны войсковой части 25580. В первом ряду третий слева
командир части Р.П. Покровский. 8 мая 1985 г.

Сборы военспредов 16 Управления МО. В первом ряду 8 слева — Е.А. Чаловский, начальник управления.
22–25 мая 1985 г. Вильнюс

1993 г. ОАЭ. Абу-Даби.
Американский истребитель F-16

14–18 февраля 1993 г. Выставка вооружения
и военной техники в Абу-Даби, ОАЭ.
Запуск ракеты С-300ПМУ

1996 г. Выставка в Чили. Курляновский А.С., Хулио Салва, Канов Я.В.
Переговоры о будущих контрактах

Апрель 2008 г. В землячестве Республики Коми.
Академик Сухарев Е.М., Канов Я.В.

Боевые друзья Адамчевский Э.А., Чижидов Л.Н., Какурин И.И., Канов Я.В.

Май 2009 г. На теплоходе по Москве реке Ветераны Войны.
Канов Я.В., Кубецкий О.М. и другие ветераны

Санаторий Марфино. Встреча с Мариной Попович 2007 г.

Соколов Владимир Александрович ген.директор ВО Электронинторг,
Курлянский Александр Сергеевич ген.директор Электронинтог-С

2010 г. Встреча в посольстве КНДР. Кореянки, которые нас обслуживали

2010 г. В представительстве Республики Коми с женой Таней

Встреча с послом КНДР в РФ Ким Ен Дже с супругой
в честь 60-летия образования КНДР. Канов Я.В., Рудик А.А., Калякин В.В.

КНР. Порт-Артур. Встреча Президента РФ с ветеранами России и КНР.
Генерал армии Гареев М.А., Генерал армии Моисеев М.А. 26.09.2010 г.

2010 г. Встреча Президента РФ Медведева Д.А.
с ветеранами КНР и России

2009 г. Выступление перед ветеранами Главы Республики Коми Торлопова В.А. Рядом постоянный представитель РК в Москве Игнатов С.В. и его заместитель Черных Г.А.

Поздравление Героя Советского Союза, летчика полковника Пепеляева Е.Г. с 90-летним юбилеем. 2008 г.

Куба, Варадеро

Чили. Встреча с Пиночетом на выставке. Он любимец народа

Сантьяго Де Чили,
главная улица

Ирак, Багдад.
Гостиница Палестина, где мы жили

Полет из Чили в Москву.
Знаменитый путешественник Конюхов летел с нами

2010 г. В посольстве КНР Багрова Т.В., Канов Я.В.,
военный атташе посольства, Рудик А.А.

2010 г. Далянь. Ветераны РФ Канов Я.В. и Иванов В.И.,
ветеран КНР Ли Минь среди молодежи КНР

Мама Татьяна Владимировна, дочка Марина, внук Никита

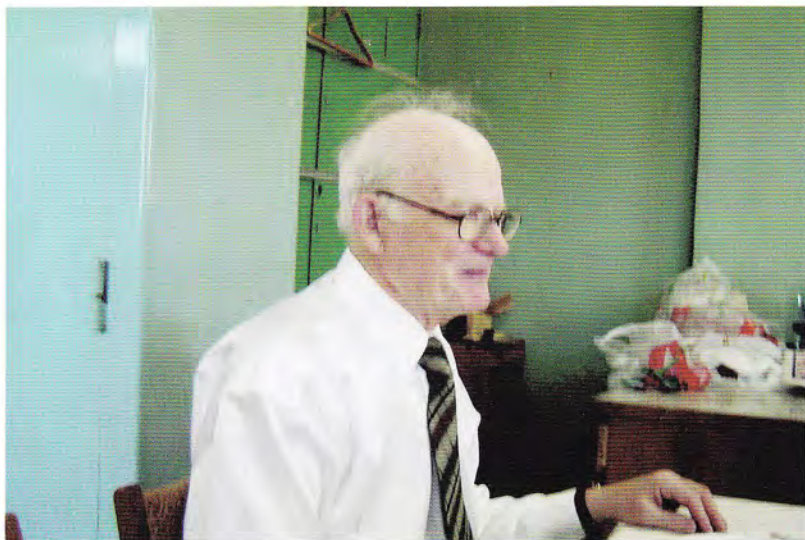
Дочка Маргарита и внучка Александра. 2009 г.

Таня, Ян Васильевич, Леонид Лошаков,
его жена Марина, их сын Никита 2005 г.

Мой внук Андрей и его жена Неля

Друг детства Домашников Борис Петрович, выпускник школы №12
г. Сыктывкара, доктор технических наук, Лауреат Гос.премии

С 1989 г. мы муж и жена

Апрель 2010 г. Встреча ветеранов в представительстве РК
в связи с 65-летней годовщиной Дня Победы

Собрание Ветеранов Войны в честь дня победы
в музее авиации и космонавтики. Фотография на память

Санаторий Русь, любимое место лечения и отдыха

Санаторий Русь. Март 2010 г. С супругой Татьяной

Семья моей дочери, муж – Сумин Андрей Геннадьевич, дочь – Маргарита, внуки – Александра и Андрей, Сумин Геннадий Федорович

28 мая 2010 г. Праздник детей в Постпредстве Республики Коми в Москве. Канов Я.В., внучка Александра и правнук Ванечка

МИРНАЯ ЖИЗНЬ

В ноябре 1954 года завершилась моя правительственная командировка и пребывание в Китайской Народной республике. А сколько было волнения, когда мы ожидали получения разрешения на выезд из Китая в Советский Союз. Мы каждый день ездили в отдел кадров корпуса в надежде получить это разрешение. Наконец через два месяца вызов из Москвы пришел и мы получили предписание явиться в управление кадров ВВС для получения наших документов и денежных накоплений за два с лишним года. А убывали мы на Родину в несколько другом составе, чем приезжали сюда: вместе со мной уезжали Николай Клыковский, Юрий Вандышев и Петр Рукавицин. Оставался в Китае еще на год Владимир Кирдеев, которого пригласили китайские военные для преподавания материальной части РЛС в академии.

Уезжали мы 6 ноября в канун праздника Великой Октябрьской Социалистической революции. Чтобы сесть на поезд Пекин-Москва, нам нужно было поездом доехать до Мукдена. Поэтому уже вечером 6 ноября мы прибыли в Мукден. В Мукдене нас встретили китайские военные и привезли в шикарную гостиницу, сообщив, что через час мы приглашаемся на торжественный ужин в честь праздника Октябрьской революции.

Прием четырех лейтенантов Советской армии, которые покидали эту гостеприимную страну, прошел на высшем уровне. И все потому, что они знали о нашем участии в жестокой Корейской войне, и с глубоким уважением относились к русским офицерам.

Стол ломился от яств. Что там только не было: и наши любимые трепанги, и вкуснейшая утка «по Пекински», и икра черная и красная, и различные морепродукты в китайском исполнении, и обилие фруктов. Нам вспомнились торжественные даты, которые мы отмечали в Аньдуне. Было, примерно, тоже самое, что и на этом Мукденском приеме.

На столе стояли прекрасные коньяки и вина. Поднимались тосты за революцию, за великий Советский Союз и Великий Китай и его руководителя Мао Дзе-Дуна, за победу над американцами в Корейской войне, за наших славных летчиков, которые разгромили американскую авиацию в Корейской войне. До сих пор мы вспоминаем этот торжественный прием. Но подошло время прихода Пекинского поезда, и нас китайские друзья привезли на вокзал и посадили на этот поезд. Самое примечательное, что в дорогу они нам дали большую корзину провианта: вин, закусок и фруктов, которые нам очень пригодились в дороге.

На следующий день мы были на пограничной станции Маньчжурия, где обычно проходит процедура смены вагонных колес на более широкую

колею. Это последняя станция, где можно израсходовать китайские юани, которые мы получали в Китае за время пребывания там. У каждого из нас была значительная сумма этих денег. И мы решаем купить на них выпивку и закуску (хорошие яблоки), зная, что ехать до Москвы, нам предстоит десять дней. Так мы и сделали. Один ящик в купе мы заполнили водкой, второй ящик мы заполнили яблоками. Больше всего этому была довольна поездная бригада, которую мы пригласили к себе в купе, и хорошо угостили их. И дальше в дороге они часто заглядывали к нам, чтобы с удовольствием откушать хорошей водки. Пользовались нашим гостеприимством и другие люди, мы не отказывали никому. В итоге, когда мы подъезжали к Москве, у нас осталось две бутылки этого напитка.

После смены колес покидаем Китай и прибываем на станцию Отпор. А дальше едем снова через всю страну в столицу Родины — Москву.

Здесь следует рассказать о событии, которое произошло со мной за три месяца до отъезда на Родину.

Был у меня друг Алексей Елисеев, который был женат, и ему разрешили краткосрочный отпуск в Москву, где проживала его семья. К этому времени у меня не осталось ни одной девчонки, с которыми я переписывался вначале командировки. Да и кто способен ждать годы своего парня, который неизвестно где и чем занимается. Уже полгода не писала мне письма Ольга из Пушкина, с которой у меня была самая долгая переписка. Однажды она написала мне о том, что устала ждать неизвестно чего, а я не мог написать ей ничего определенного о дальнейшей своей судьбе. Вот в этих условиях я шутя просил Алексея Елисеева найти мне невесту в Москве.

Алексей, как истинный друг, после возвращения в Китай, предложил адрес девушки, которую звали Галя. Она была близкой подружкой жены Алексея и была согласна переписываться со мной. Я написал ей письмо, вложил туда фотографию и просил ее о том же. Ответ пришел совсем скоро и в письмо была вложена её фотография. Девушка на меня произвела хорошее впечатление и я начал довольно часто писать ей письма, надеясь на встречу в Москве. Галя тоже писала мне письма.

И вот, когда мы приехали в Улан-Уде, я послал телеграмму Гале такого содержания:

— Еду Пекинским, в Москве буду 17 ноября. Вагон № 8. Ян.

Время в пути пролетело быстро и вот мы приезжаем в Москву.

— Встретит, не встретит меня Галя? — все чаще думал я.

Дело в том, что в Москве у меня не было знакомых, поэтому поддержка москвички была для меня очень важна. Да и переписка вызвала у меня симпатию к этой девушке.

Выходим на перрон Ярославского вокзала и я лихорадочно ищу глазами мою заочницу — Галю.

И тут ко мне подходит девушка, которая очень похожа на ту с фотографии.

— Здравствуйте — здороваюсь я с ней.

— Здравствуйте — отвечает она, Вы Ян —

— Да — пролепетал я.

— А это мои друзья, Коля, Женя и Петя.

— Ян, я предлагаю вам поехать ко мне, а там посмотрим, как вам устроится.

Я согласился с её предложением, так как у моих ребят в Москве были родственники и знакомые.

Мы с Галей садимся в такси и едем на улицу Марины Расковой, где они живут с матерью. Это рядом с метро «Динамо». Комната Косухиных, располагалась в коммунальной квартире, где проживали еще три семьи, в том числе жил с семьей довольно известный композитор Иорданский, который писал, в основном, детские песни (например: «У дороги чибис»). Комната была довольно просторной для двоих и они предложили мне остаться у них, Этот вариант меня вполне устраивал, так как мне был выделен широкий диван.

Галя работала в Военно-Воздушной академии имени Жуковского, которая тоже находилась рядом с метро «Динамо» в знаменитом Петровском дворце. Поэтому я каждый вечер встречал её у академии после работы и мы шли в ресторан, чтобы поужинать и познакомиться поближе. Иногда к нам присоединялись мои корейские друзья и мы весело проводили вечер.

А в воскресенье я пригласил Гаю за покупкой. Была у меня давняя мечта купить себе хороший аккордеон, хотя я играть на нем не умел, но желание научиться играть на аккордеоне было огромным. Тем более, я восторгался тем, как классно играет на нем мой друг Володя Кирдеев. Мы посетили несколько комиссионных магазинов, хорошего инструмента нам не попадалось. Но в магазине на улице Горького нам предложили аккордионированный итальянский баян «Соло болеро». Я был сражен красотой и чистотой звука этого баяна, да и цена вполне устраивала меня. Полагая, что мне все равно, на чем учиться музыке, я купил этот инструмент. И забегая вперед, должен сказать, что до сих пор этот инструмент любим мной и я с удовольствием играю на нем.

Мое заочное знакомство с Галей было пророческим. 19 декабря мы с ней поженились и справили свадьбу в их в коммунальной квартире. Свидетелем со стороны невесты была тоже Галя а с моей стороны был Коля Клыковский, который все уговаривал меня не спешить со свадьбой и решить этот вопрос после отпуска домой. Но после того, как мы в ЗАГ-Се расписались, Коля вытаскивает из сумки шампанское, хрустальные

фужеры, конфеты и фрукты и поднимает тост за наше бракосочетание и счастливое будущее. Свадебный стол был накрыт в комнате Иорданского (они любезно предоставили нам такую возможность), далее проходил через коридор и заканчивался в комнате тещи — Нины Андреевны. Двери комнат были напротив друг друга. Конечно, помимо наших друзей и знакомых на свадьбе присутствовали все жители коммунальной квартиры.

Словом, свадьба прошла весело, особенно все были довольны игрой Вячеслава Дмитриевича Иорданского на рояли, который стоял в его квартире. Причем, он с блеском играл и классическую музыку и современные песни на любой вкус. Далеко за полночь разошлись гости и закончился этот суматошный, но счастливый для молодоженов день.

Известие о моей женитьбе у мамы, которая ждет меня более трех лет, вызвало неудовольствие и я, конечно, чувствовал себя виноватым перед ней. Но что поделаешь, я влюбился в Галю и решил, что она должна быть моей женой, тем более, что мы оба были девственниками. У меня не было близких отношений ни с кем и у нее тоже самое.

Уже на следующий день после свадьбы мы уезжали в Сыктывкар, на мою родину, где я так долго не был.

Под стук колес мы рассказывали друг другу о своих родителях, увлечениях, о наших планах на будущее. Родители Гали были в разводе, о чем очень переживала Галя. Мать её работала в гостинице «Пекин», а отец жил в Киеве и был начальником оперативного отдела Киевского округа. С улыбкой вспоминали, как мы с ней убежали от моих друзей, чтобы где-то уединиться и поговорить. Чаще всего мы посещали ресторан Ленинградский, который находился на улице Горького или ресторан Арагви, в котором очень хорошо готовили и закуски и всякие армянские блюда. тогда спокойно могли посещать любые рестораны, потому что за время правительственной командировки, мы получили довольно большие суммы денег. На них спокойно можно было купить машину «Победа» да и осталась бы после этого еще приличная сумма.

Но и эти деньги разлетелись слишком быстро. После согласия Гали на брак, необходимо было купить обручальные кольца, подарки будущей жене, пошить невесте свадебное платье, купить туфли и другие свадебные аксессуары. Организовать, наконец, хороший свадебный стол. Все это требовало больших расходов. И в итоге после свадьбы мы с грустью обнаруживаем лишь малую долю денег, оттого, что было.

В Сыктывкаре нас встречали мама, брат и многочисленная родня, которая за три года увеличилась. Все поздравляли меня, что остался жив и здоров, что обзавелся женой. И Галю поздравляли с законным браком и желали долгого семейного счастья..

Как здорово снова оказаться дома! Расспросам и воспоминаниям не было конца. Мы засиживались далеко за полночь. Особенно много переживаний досталось на долю матери. Она недоумевала, почему в условиях мирного времени, от сына приходили письма с обратным адресом «Полевая почта», как когда-то она получала письма от своего мужа Васи в Великую Отечественную войну. А еще её возмущала жесткая цензура, когда тушью зачеркивались многие строки писем сына. — Что он там мог написать? — гадала мать.

Но однажды мать поняла, где находится её сын, А дело было так. Был у нас в батальоне мой земляк — Сенькин — который при бомбежке его позиции, получил тяжелые ранения и поэтому был списан с военной службы и откомандирован в Сыктывкар, где он проживал с семьей.

— Вот удача — подумал я — есть возможность передать домой весточку и подарки.

Я попросил его заехать к моим родным и передать подарки и послание. Он согласился это сделать и побывал у нас дома в Сыктывкаре. Как же я жалел потом об этом. Мать увидела совершенно израненного человека и поняла все: её сын на фронте и с ним может случиться то же самое, что случилось с его другом. Это прибавило седины в голове моей матери. Поэтому приезд в отпуск сына для неё был большим праздником и радостью.

А через два дня снова была свадьба: торжественная, веселая, а может быть и немного грустная, потому что я окончательно улетал из родительского гнезда.

Дни отпуска летели быстро. Я знакомил Галию с городом, со школой № 12, где я учился. В школе работали до сих пор те же учителя, которые учили меня. Это Ксения Александровна Попова - наш классный руководитель 10-б класса — учитель русского языка и литературы, Захаров Борис Иванович — учитель истории, учитель физики Сухарева Мария Алексеевна и директор школы Липин Иван Иванович. Эти встречи были очень интересны и запомнились надолго.

Но время пребывания в Сыктывкаре пролетело быстро, и мы уезжаем в Киев, где проживает отец Гали — полковник Косухин Иван Дмитриевич. Он по рождению ровесник века и в Отечественную войну командовал кавалерийским полком, а в гражданскую войну служил в кавалерии Буденного С. М. и за усердную службу имел награды.

Встретили в Киеве нас хорошо. Снова была свадьба, подарки молодоженам и пожелания долгих лет счастливой семейной жизни.

Мой двухмесячный отпуск подошел к концу и нужно было уезжать в город Елец к новому месту службы в авиационно-техническую базу на должность освобожденного секретаря комсомольской организации базы. Моя служба приняла совсем нежелательный для меня оборот.

А случилось вот что. Когда до завершения командировки осталось три месяца, меня вызвал к себе заместитель командира батальона по политчасти подполковник Коршаков В. А. Он рассказал мне, что скоро состоится отчетно-выборное комсомольское собрание, на котором будет избираться секретарь. И предложил мне быть секретарем комсомольской организации батальона. Я встретил это предложение без восторга, хотя повышалась категория в воинском звании и увеличивался оклад так как в дальнейшем мечтал быть инженером по эксплуатации радиолокационных станций. Но Коршаков сумел убедить меня и я согласился участвовать в выборах комсомольского бюро. А дальше все пошло по накатанной колее Меня, как кандидата в члены КПСС, выбрали в состав бюро, а члены бюро проголосовали за меня, выбрав секретарем бюро. Так я стал политработником.

Поэтому новое назначение я получал не в управлении кадров ВВС, а в политуправлении Московского округа ПВО.

В Ельце дислоцировалась истребительная авиационная дивизия, которой командовал участник Корейской войны генерал-майор авиации Шевелев П. Ф. Дивизия состояла из трех полков, два из которых размещались в Ельце, третий полк — в Ефремове. Обслуживала эту дивизию авиационно-техническая база первой категории, куда я получил назначение секретарем комсомольской организации. Приехали мы в Елец в феврале 1955 года.

В связи с тем, что гарнизон не имел свободного жилья, нам пришлось снимать комнату у местных жителей, В доме, где мы сняли комнату жила одна хозяйка и это нам было удобно.

По приезду в гарнизон, я представился командиру базы полковнику Дмитриеву и начальнику политотдела дивизии полковнику Парфенчикову Это были боевые офицеры участники Великой Отечественной войны, имеющие за плечами огромный боевой опыт и много боевых наград.

А через некоторое время состоялось комсомольское собрание базы и я был избран секретарем комсомольской организации. Так началась моя Елецкая служба.

Елец представлял из себя старинный купеческий город, которому было более 800 лет, и он претендовал когда-то на губернский город. А губернский город по правилам должен был иметь собор и не менее 30 церквей. Поэтому собор был построен на берегу реки Сосна Быстрая и отличался своим великолепием. А вот 30 церквей построены не были, поэтому Елец не стал губернским городом. В Великую Отечественную войну Елец был опорным пунктом Красной Армии, где шли жесточайшие бои и фашисты понесли огромные потери в этих боях. Поэтому в 2007 году город Елец был отнесен указом Президента России к горо-

дам Боевой Славы России. Когда мы прибыли в Елец, следы военных разрушений были видны еще повсюду.

Задача АТБ состояла в том, чтобы обеспечивать полеты двух полков, которые дислоцировались в Ельце, а также содержать в порядке взлетно-посадочную полосу аэродрома. Конечно, это весьма хлопотное дело особенно в зимнее время. Полеты, как правило, проходили и днем и ночью, практически, при любой погоде.

Полки имели на вооружении самолеты МИГ-15, которые отлично проявили себя в Корейской войне и были основным реактивным истребителем, стоящим на вооружении в ПВО страны.

А командиры авиационных полков полковник Петолин и полковник Буйдин, командиры эскадрилий и многие летчики были настоящими асами, которые прошли Отечественную войну и передавали свое боевое мастерство молодым летчикам.

Было в полках несколько Героев Советского Союза.

Командование базы, офицеры, солдаты и сержанты с честью справлялись с обслуживанием как обычных полетов и стрельб на полигоне, так и при проведении различных учений. А самое главное — обеспечивали боевое дежурство по охране и обороне воздушного пространства Московского округа.

А нарушения наших воздушных границ со стороны вероятных противников случались и это требовало от командования и всего личного состава дивизии особой бдительности.

Моя работа, как секретаря, заключалась в том, чтобы мобилизовать личный состав базы и, в первую очередь, комсомольцев на отличное выполнение задач боевого дежурства и боевой подготовки.

Моими коллегами в авиационных полках были Евгений Овсянников и Владимир Мурзин, с которыми я довольно быстро подружился и многие вопросы мы решали в тесном взаимодействии. Это очень помогло нашей работе.

Я с удовлетворением вспоминаю порядок, который был установлен в войсках — секретари комсомольских организаций были отнесены к рангу руководства дивизии вместе с секретарями партийных организаций. Поэтому я приглашался на все мероприятия, проводимые командиром дивизии или командиром АТБ. Это давало возможность быть в курсе всех событий дивизии, полков и АТБ будь-то боевая работа или учения, проводимые командованием Московского округа ПВО или командованием ПВО Страны, то есть Батицким П. Ф. или Бирюзовым. С. С.

Кроме того, ежегодно с секретарями комсомольских организаций проводились командованием округа сборы, как правило, недельные и мы приезжали в Москву на эти сборы. Проходили они довольно интересно,

потому что перед нами выступали крупные военачальники: командующий Московским округом ПВО или его заместители.

В программу сборов, как правило, включались интересные экскурсии по музеям и выставочным залам, посещение воинских частей, театров и других мероприятий. Все это помогало в нашей повседневной работе с личным составом части.

А свободное от службы время мы проводили в офицерском клубе. В Ельце был прекрасный офицерский клуб, который размещался в бывшем здании дворянского собрания. Там можно было и посидеть в кафе, и послушать выступление заезжих артистов, или самим участвовать в художественной самодеятельности, руководителем которой была жена моего большого друга летчика Коли Майорова — Ирина. Получалось так, что мы были заводилами во всех мероприятиях, проводимых в клубе. Проводились там турниры по шахматам, по бильярду, конкурсы на лучший танец или лучшее исполнение песни со сцены клуба. Пользовались популярностью и мастера художественного слова. До сих пор вспоминаю выступление летчика Дмитриева, который со всей серьезностью читал юмористические стихи типа:

— И ничего, что поседела
Лысеть начнешь само собой,
Но ты мне лысая дороже
Кудрявой девушки любой!

Зал грохотал от смеха всех присутствующих в клубе.

Такие мероприятия сплачивали коллектив, что способствовало выполнению главной задачи дивизии: Защите Московского неба от вторжения авиации предполагаемого противника.

ЕЛЕЦ И АНДРЕАПОЛЬ

А моя служба, между тем, шла своим чередом. Спустя год после службы в ОАТБ командование дивизии в лице начальника политотдела дивизии полковника Парфенчикова и замполита базы майора Завьялова предложили мне право поступления в военную политическую Академию в Москве. Причем, это была большая честь для офицера политработника. Мне пришлось серьезно взвешивать это предложение. Во-первых, жена моя Галя была москвичкой и не выписывалась из московской квартиры матери. Во-вторых, приближался критический возраст для поступления в академию — 27 лет, а мне уже было 26 лет. И потом проучиться четыре года в столице вообще здорово.

Но все же я отказался от этого предложения, так как в дальнейшей жизни не видел себя политработником, а мечтал продолжить свою карьеру в области радиолокационной техники, получив высшее инженерное образование.

Мой отказ ехать в академию вызвал неопикуемый гнев моих начальников. Особенно негодовал Завьялов, который сказал мне:

— Ну, я напишу тебе такую аттестацию, в тюрьму не примут.

И действительно, в связи с тем, что тот год был аттестационным для офицеров, он написал

плохую характеристику, которая сопровождала меня всю последующую службу, как бельмо на глазу.

Но умные мои командиры, как правило, не обращали внимания на эту характеристику, потому что несколькими месяцами раньше, он же написал прекрасную объективную характеристику для поступления в Академию.

А в дивизии продолжалась интенсивная летная работа по освоению новых самолетов, поступивших на вооружение — МиГ-17, МиГ-17ПФ. Полеты продолжались и днем и ночью, летчики совершенствовали свое мастерство, так как войска ПВО всегда находились на боевом дежурстве. Случались порой поломки и аварии, но серьезных катастроф с гибелью летчика, я не припомню.

Командир дивизии генерал-майор авиации, Герой Советского Союза Шевелев П. Ф. — участник двух войн — Великой Отечественной и Корейской — всегда отмечался в лучшую сторону командованием Московского округа ПВО и командованием Войск ПВО Страны.

Наступил 1957 год, который ознаменовался печальными событиями для авиации военно-воздушных сил. А дело в том, что в послевоенные годы начались активные разработки ракетного вооружения для армии,

Причем, разрабатывались ракеты самого различного класса, а именно: ракеты класса земля-воздух для борьбы с воздушным противником, ракеты воздух-воздух для ведения боевых действий с авиацией противника, ракет земля-земля для поражения различных объектов наземного базирования. Безусловно, развитие новых видов ракетного вооружения совместно с традиционными видами вооружения и военной техники (авиации, сухопутных войск, военно-морского флота, ВДВ) сыграло положительную роль в защите рубежей Советского Союза. Однако некоторые «горячие головы» в лице Н. Хрущева и его приспешников, решили, что в дальнейшем авиация, как род войск будет не нужна в боевых действиях и ее заменят ракетные войска.

Такая «стратегия» привела к пагубным последствиям для обороны страны. И мы офицеры, проходящие службу в авиационных частях, на своей шкуре прочувствовали пагубность хрущевских закидонов.

Повсеместно стали сокращаться авиационные части. Так, например, в Елецкой дивизии из трех полков остался один полк, дислоцированный в Ефремове, а два полка, в котором проходили службу прекрасные летчики, в основном фронтовики, участники Великой Отечественной войны, были даже Герои Советского Союза, были уволены в запас, а молодые офицеры, недавно окончившие военные училища, были разбросаны по разным гарнизонам страны. Новейшие самолеты МиГ-17, были уничтожены, сваркой разрезаны на металл.

Летчики со слезами на глазах наблюдали за этой варварской акцией, проклиная бездарных руководителей страны.

Подлежала ликвидации и авиационно-техническая база, в которой проходил службу я. Мне была предложена служба в Калининской области, в Андреапольском радиотехническом полку, которым командовал полковник Линник А. В. Роты радиотехнического полка дислоцировались в Калининской и Московской областях, и я был назначен заместителем командира роты по политчасти в Западную Двину, что недалеко от Великих Лук.

Для жилья мне был выделен финский домик, который требовал серьезного ремонта. В домике не было печки, стены не утеплены, окна не подогнаны как надо, обои требовали обновления. Конечно, в такой дом привозить семью было нельзя. Командир роты капитан Ваганов выделил для ремонта солдат, и работа закипела. Солдат-печник сложил хорошую печь с плитой, другие солдаты утеплили домик, отремонтировали рамы, обклеили обоями комнату и кухню. Через месяц ремонт был закончен и я послал телеграмму жене о приезде ее с дочкой в Западную Двину. Все это время она жила в Москве у матери.

Через некоторое время, сразу после нового года, я получил телеграмму о приезде в Западную Двину моей семьи. От вокзала до нашего

городка было примерно три километра и для встречи семьи командир выделил мне лошадь с ездовым. И мы с ним поехали на вокзал. Поезд пришел вовремя, из вагона вышли жена Галя и дочка Рита. Я забрал вещи и посадил их в сани, В этот день стоял лютый мороз, полозья скрипели на снегу, которого было очень много.

— Ну и завез ты нас, — сказала Галя, высунув голову из тулупа.

— Что делать, такая моя служба в ПВО, — робко пояснил я.

Сани катили быстро и примерно через сорок минут мы были на месте. Приглашаю жену и дочку в дом, который я с утра хорошо натопил. Квартира произвела на них хорошее впечатление.

И началась наша жизнь в этом заброшенном медвежьем краю, как все радиотехнические роты, которые вели воздушную разведку в небе Московского округа ПВО.

А утром я пригласил жену ознакомиться с расположением городка. Он состоял из хорошей солдатской казармы со всеми подсобными помещениями и пяти домиков для офицеров с семьями. Рядом протекала река Западная Двина и далее начинались бесконечные леса средней полосы России. А когда мы с Галей только вышли из дома, увидев следы похожие на собачьи, Галя воскликнула:

— Ой, здесь у вас и собачки живут? Я промолчал, потому что собак давно съели волки, но часто по-прежнему ночью приходили в городок в поисках добычи, оставляя свои следы.

А служба шла своим чередом. Боевое дежурство было постоянным, поэтому я был включен в боевой расчет оперативным дежурным и сутки находился на командном пункте, куда были вынесены индикаторы кругового обзора РЛС П-20 и боевой расчет отслеживал все воздушные цели, пролетающие в зоне действия РЛС. Случались и нарушения воздушных границ московского неба. В этом случае с командного пункта авиационного полка, куда поступали наши данные, поднимались самолеты для пресечения нападения на охраняемые нами объекты. Но это случалось крайне редко.

А в свободное время мне, как замполиту пришлось организовать художественную самодеятельность солдат, офицеров и их жен. В роте проходил службу профессиональный музыкант Владимир Похабов, который отлично играл на баяне и, поэтому он стал руководителем солдатского хора и также выступал с сольными номерами. Нужно сказать, что я тоже научился играть на своем итальянском баяне простые песенные мотивы и помогал Владимиру в музыкальном сопровождении. Вместе с тем Володя помог мне освоить нотную грамоту и изучил со мной по нотам некоторые музыкальные произведения. Особенно мне удалась маленькая пьеса Брамса «Ласточка», которую я выучил по нотам, под

руководством Володи. За три месяца моего пребывания в роте мне удалось создать хорошую самодеятельность с выступлением хора, сольными номерами популярных песен, чтением стихов различных поэтов и игрой на баяне Владимира Похабова и меня.

А в мае месяце в роту прибывает полковая комиссия по проверке боеготовности, боевой выучке солдат, сержантов и офицеров, а также организации досуга личного состава роты.

Комиссию возглавлял командир полка полковник Линник Алексей Васильевич.

Все началось с боевой тревоги и работе личного состава по обнаружению самолетов условного противника, передаче данных о воздушном противнике на командный пункт в Андринополь и обеспечение сопровождения и наведения наших самолетов в процессе их боевой работы. Личный состав роты справился со всеми вводными, которые мы получали от командира, и командир полка дал высокую оценку боевой работе роты. А дальше были стрельбы из личного оружия, строевая и физическая подготовка личного состава. А заканчивалась проверка, это уже была давняя традиция, смотром художественной самодеятельности, которую представлял я, как заместитель командира роты по политчасти.

Мы с командиром роты были спокойны за этот участок, так как у нас в роте была приличная самодеятельность, обкатанная многократно в окрестных деревнях Западной Двины. А мне приходилось открывать концерт стихами Маяковского из его поэмы «Хорошо» и стихотворение Симонова «Сын артиллериста». Несколько песен исполнил хор под руководством В. Похабова, выступила с двумя песнями и Галя, моя жена. А еще были и силовики, и гимнасты, и даже фокусник. И я решил сыграть пьесу Брамса «Ласточка», так как она всем нравилась. В общем, концерт прошел на славу и получил одобрение и комиссии и, что особенно важно, и командира полка.

Комиссия высоко оценила действия личного состава и мы получили отличную оценку по итогам проверки.

Перед отъездом меня вызвал командир полка и предложил вариант моей дальнейшей службы. Он сказал:

— Совсем скоро меня переводят служить командиром 6 РТП в подмосковный гарнизон Красный Строитель. Мне бы хотелось в полку иметь такого офицера, как Вы, в должности начальника клуба. Если вы согласны с моим предложением, мы командиром Вас на учебу в г. Владимир, на Центральные офицерские курсы Войск ПВО страны, и после окончания этих годовичных курсов, я постараюсь, чтобы вы были переведены для дальнейшего прохождения службы в 6 РТП.

— Я согласен с таким предложением, — робко сказал я. Это решение у меня зрело давно. Я не видел для себя перспективы в этом полку. Да и моя жена, коренная москвичка, все время говорила мне, о том, что ей не по душе эта глухомань.

— Хорошо, — сказал Алексей Васильевич, — вы мне напишете рапорт по поводу учебы, но в рапорте укажите обязательно: «Прошу направить меня на учебу в г. Владимир с исключением из списков части», только в этом случае я могу добиться вашего перевода в 6 РТП.

— Я все сделаю, как надо, — с восторгом сказал я.

И в декабре 1958 года я покидаю Западную Двину и уезжаю в г. Владимир на учебу.

Жену и дочку я оставляю в Москве, снова у тещи до устройства во Владимире.

Так началась моя новая жизнь. Владимир это старинный Русский город, когда-то давно даже был столицей Российского княжества, правда, недолгое время. Поэтому здесь был выстроен прекрасный собор на берегу реки Клязьмы. От собора открывалась на многие километры панорама поймы реки Клязьма с быстрым и норовистым течением.

В связи с тем, что курсы не имели своего жилья для слушателей, то мне пришлось снять комнату в частном доме тоже на берегу Клязьмы. Там мы прожили почти год.

Учиться было интересно, так как нас знакомили с самыми новыми радиолокационными станциями, как метрового, так и сантиметрового диапазона. Это были станции дальнего обнаружения, высотомеры и станции опознавания «Я свой», которые позволяли определять принадлежность самолета. Мы изучили станции П-20, П-12, высотомер ПРВ-10, станции питания РЛС, а также нам преподавали тактику радиотехнических войск ПВО и другие предметы.

СЛУЖБА В МОСКВЕ

В октябре 1959 года я окончил ЦОК с общей оценкой отлично, получив, одновременно, знак специалиста РТВ 2 класса. Начальник управления кадров РТВ войск ПВО Станы вручил мне предписание о назначении меня в 6 радиотехнический полк в распоряжение командира полка полковника Линника А. В.

Полк дислоцировался в городке Красный Строитель недалеко от Варшавского шоссе и имел две большие казармы для личного состава и несколько жилых домов для семей офицеров. Но мне предложили однокомнатную квартиру в «финском» доме в соседнем Аннинском городке. Он был расположен примерно в километре от Красного Строителя.

Так мы с Галей начали осваивать новое жилье в Аннинском городке. Квартира была в ужасном состоянии. Строители при возведении дома не уложили под фундамент гидроизоляцию. Поэтому стены всегда были мокрые, иногда покрывались плесенью, создавая полный дискомфорт и, вызывая часто заболевание легких. Мы с женой сделали полный ремонт квартиры и только после этого въехали туда. Отопление было печным и топили мы печь, в основном, углем. После завтрака я уходил в часть, а Галя занималась воспитанием ребенка. Она не работала до тех пор, пока дочери не исполнилось пять лет.

А дорога в часть шла через дубовую рощу, прекрасный уголок Подмосковья. Я до сих пор вспоминаю эти тропинки в лесу и птичьи трели, которые наполняли этот удивительный лес. По дороге можно было собирать грибы, в том числе и белые, и дома делать жаркое.

С новым для меня участком работы я освоился довольно быстро. Работа начальника клуба требует инициативы и активности. Клуб части находился в одной из казарм и вмещал около трехсот человек. Мы имели хорошую киноаппаратуру, набор духовых инструментов, пианино и прочие атрибуты для организации отдыха солдат и офицеров части. Была и хорошая библиотека.

6 радиотехнический полк — это восемь радиолокационных рот, расположенных вокруг Москвы на расстояниях от 100 до 200 километров, осуществляющих постоянное боевое дежурство по обнаружению нарушителей воздушного противника. Полк входил в состав Московского округа ПВО, командовал которым генерал армии Батицкий П. Ф. Впоследствии он стал Главкомом ПВО страны.

Задачи полка были весьма ответственными, требовалась четкая работа всех боевых расчетов и взаимодействие с Главным командным пунктом округа и с командными пунктами авиации округа и зенитной артиллерии.

Я вспоминаю, где находились РЛС, потому что мне часто приходилось бывать в ротах с поручениями командира полка и политотдела. Прежде всего, это Волоколамск, где располагалась рота, имеющая новейшую РЛС сантиметрового диапазона П-50 стационарного типа. Эта станция по своим тактико-техническим характеристикам была одна из лучших в ПВО. Она позволяла определять дальность до 400 километров, азимут и высоту полета цели, причем, точность определения координат целей была достаточно высокой по тем меркам. Станция имела хорошую помехозащищенность, как от активных, так и пассивных помех. Эта рота надежно защищала воздушное пространство Москвы с северо-запада.

Самая ближняя от Москвы рота располагалась в Химках. Она имела на вооружении станции П-20 и П-3А.

Далее, местами дислокации рот были города Подмосковья Ступино, Балабаново, Инютино, Киржач, Борки и Калинин.

Причем, каждой роте определялся свой сектор обзора. График работы РЛС строился таким образом, чтобы под контролем находилось все воздушное пространство Московского региона.

А моя задача состояла в том, чтобы в каждой роте был телевизор, библиотека с художественной и политической литературой, хорошо оформленная наглядная агитация и, конечно, художественная самодеятельность.

Управление и штаб полка располагались в военном городке Красный Строитель, который находился в одном километре от Варшавского шоссе на юге Москвы и в двух километрах от железнодорожной станции Красный Строитель.

Через три месяца после моего прибытия в полк, произошла смена командира полка. Линник А. В. получил повышение по службе, став заместителем начальника радиотехнических войск Московского округа ПВО.

Командиром полка был назначен полковник Шевелев М. А. Начальником штаба был подполковник Шулятицкий, а начальником политотдела — Данилов. В политотдел входили также офицеры: Лебедев П. В., Лямин Э. А., Удодов, Ширяев. Я тоже входил в политотдел. Кроме того, через год работы в полку, меня избрали секретарем партийной организации штаба полка и с этой должности, я был избран коммунистами управления полка делегатом на первое Всеармейское совещании секретарей партийных организаций Вооруженных Сил СССР, которое проходило в Большом Кремлевском дворце Москвы.

Это было большим событием в моей службе. До сих пор помню торжественность и важность этого мероприятия, потому что на этом совещании обсуждались насущные проблемы, связанные с укреплением обороноспособностью нашей страны, развитие новых видов вооружения

и военной техники, улучшение воспитательной работы среди личного состава Армии и Флота. Выступали не только высшие руководители страны, Советской армии, но и простые коммунисты, которые поднимали вопросы поддержания высокой боеготовности частей и подразделений, вопросы благоустроенности офицерского состава, увеличения денежного довольствия, активизации работы партийных организаций Советской Армии.

В итоге были приняты важные решения, которые со временем были внедрены в армейскую практику.

Я не буду подробно останавливаться на этом периоде службы, остановлюсь лишь на отдельных событиях этого периода.

При клубе полка мы создали ремонтную мастерскую по восстановлению отказавших телевизоров из рот. Дело было очень хлопотным, но важным., потому, что телевизор играл все большую роль в жизни части и подразделений. И вот наш киномеханик Владимир, обладая хорошими знаниями и умением разобраться в любой неисправности телевизора, согласился не возить их в мастерские, которые за ремонт брали очень большие деньги, да и сроки ремонта были неоправданно большими, а ремонтировать их у себя в клубе. Командиры рот были очень довольны качественным и оперативным ремонтом отказавших телевизоров.

Следует также сказать о выпуске кино газеты «С фотоаппаратом по части». В те далекие годы не было в частях ни киносъемочной аппаратуры, не говоря уж о видеотехнике. И тем не менее, мы на на экране в клубе с помощью позитивной фото пленки показывали офицеров, сержантов и солдат части. Все это делалось перед показом фильма и вызывало бурю восторга зрителей, когда солдаты видели себя, друзей сослуживцев на экране, имеющих хорошие достижения в боевой работе и службе. Этот опыт оказался весьма интересным и привлек внимание окружной газеты «На боевом посту». На ее страницах появился хороший материал о работе нашего клуба.

Задача клубных работников СА состояла в том, чтобы организовать хороший досуг личному составу частей. Поэтому при призыве солдат в армию наши офицеры обращали внимание на талантливых призывников и отличными специалистами и талантами в других областях. Таким был рядовой Ивасюк, который прекрасно владел искусством живописи. Мы сделали для него мастерскую, где он писал отличные картины. Например, «Встреча конных разъездов». Это очень динамичная и просто красивая картина, выполненная на холсте масляными красками. Вздрыбленные кони, всадники с шашками в руках, огнем в глазах и красивый русский пейзаж, на фоне которого происходит это событие, может быть со смертельным исходом для одного из участников боя.

Он рисовал много в свободное от боевого дежурства время, не считаясь ни с увольнениями, ни с выходными днями. А я обеспечивал его холстом, красками, кистями и сюжетами для его живописи. До сих пор его работы вызывают восхищение у людей.

Нельзя не сказать о библиотеке, которая находилась в клубе. И ее заведующей Прибытковой Л. И. Она была отличным специалистом своего дела. Услугами библиотеки пользовались не только военнослужащие гарнизона, но и члены семей, дети.

Но большой вклад Лидия Ивановна вносила в комплектование ротных библиотек новыми книгами, журналами и газетами. Причем, на покупку литературы политотделом всегда выделялись большие деньги.

Наконец следует сказать о том, что Лидия Ивановна, обладая прекрасным голосом, принимала активное участие в художественной самодеятельности.

А художественная самодеятельность в части создавалась практически из профессиональных музыкантов, хороших певцов, декламаторов, были также отличные танцоры и практиковались другие жанры.

Особенно мне вспоминается художественный руководитель нашего хора и оркестра немец по происхождению рядовой Карлштремс, который имел высшее музыкальное образование, прекрасно играл на пианино, аккордеоне, трубе и других инструментах.

Ему удалось создать джаз оркестр из десяти музыкантов, который пользовался большим успехом у солдат и офицеров полка, а деревни, в которых мы выступали с концертами, были без ума от нашего джаза.

Его сменил после увольнения Энн Карлович Клоорен, призванный из Таллина, артист Таллинского драматического театра. Он также прекрасно профессионально играл на пианино и был отличным руководителем хора и оркестра. А когда вечерами приходил он в клуб, чтобы исполнить на пианино классику — Бетховена, Шопена, Моцарта, клуб заполнялся свободными от службы солдатами, и они с удовольствием слушали прекрасное исполнение Энн Карловичем произведений этих великих композиторов.

У нас был очень хороший репертуар. Естественно была патриотическая тема — стихи и песни. Мне, как правило, приходилось открывать концерт стихами В. Маяковского или К. Симонова. Наши певцы исполняли солдатские, лирические песни, песни зарубежных композиторов. Поэтому, когда мы на автобусе отправлялись в роты с показом нашей самодеятельности, личный состав рот с огромной благодарностью относился к участникам художественной самодеятельности. А бывать с концертами в ротах приходилось два-три раза в год.

Конечно, я, как каждый офицер, мечтал поступить в академию, но мои годы не позволяли это сделать. В армии существовал возрастной

предел — 27 лет — дающий право для поступления в академию для получения высшего военного образования.

И вдруг я узнаю в 1960 году о том, что офицерам разрешили заочно обучаться в гражданских институтах. Я пишу рапорт командиру полка о моем желании поступить во Всесоюзный заочный энергетический институт на факультет конструирование радиоэлектронной аппаратуры. И командир полка Шевелев Михаил Андреевич разрешил мне сдавать экзамены в этот институт. Я успешно сдал экзамены и был принят во ВЗЭИ на выбранный факультет. Пять с половиной лет учебы в институте пролетели быстро и я, политработник, получил диплом радиоинженера.

В связи с тем, что по штату в полку было только две инженерных должности — командир полка и инженер полка — места мне в полку не нашлось. Но Михаил Андреевич обещал мне оказать содействие в моем устройстве.

РАБОТА ВОЕНПРЕДОМ

Прошло совсем мало времени, когда меня вызвал к себе командир полка и предложил связаться с отделом кадров войсковой части 25580 (часть центрального аппарата Министерства обороны) для ознакомления со мной и с предложением работать в военных представительствах МО на предприятиях промышленности. Это совсем другая работа: интересная, творческая и перспективная. По телефону мне назначил встречу начальник отдела кадров части полковник Кутузов Валентин Анатольевич. В назначенный день я подъехал на Ленинградский Проспект, где и состоялась моя встреча с Кутузовым. После ознакомления с моими документами и беседы со мной, он сказал, что вы подходите нам для работы в военных приемках.

— Мы направим командованию Московского округа ПВО письмо с просьбой откомандировать вас в распоряжение нашей части.

А дальше все произошло так, как было сказано в письме и, я решением командующего Московским округом ПВО был откомандирован в войсковую часть 25580, командовал которой генерал-полковник авиации Покровский Роман Петрович. Одновременно он занимал должность заместителя министра обороны по радиоэлектронике.

Я был приятно удивлен таким решением командования Московского округа ПВО, так как лично командующим генерал-полковником Батицким П. Ф. был отдан строжайший приказ, запрещающий перевод офицеров округа в другие части. Видимо сыграли два обстоятельства: — во-первых, была просьба Покровского Р. П. — весьма уважаемого генерала в Министерстве обороны и, во-вторых, меня переводили в центральный аппарат министерства обороны с политработы на инженерную работу.

В кадрах части мне предложили должность младшего военпреда на заводе «Старт», который относился к министерству электронной промышленности и выпускал полупроводниковые приборы для оборонных заводов, делающих вооружение и военную технику.

Завод располагался рядом с метро «Бауманская» и я быстро нашел его. А еще хорошим ориентиром был Елоховский собор, который тоже был рядом.

Военные приемки на оборонных заводах были введены Петром I, специальным указом в начале 18 века, который гласил:

— Фузеи и пищали, выпускаемые заводом Демидова, стреляют плохо ...

В указе Петра 1 для контроля производства и приемки вводились государственные люди — дьяки — руководители военных приемок и подьячие —

это нынешние военпреды. Им строго предписывалось следить за качеством сборки оружия и только хорошее оружие поставлять в армию.

Войсковая часть 25580 структурно состояла из двух управлений и одного отдела. Одно управление под командованием генерала Петрова занималось измерительной техникой, которая поставлялась в войска. Второе управление, куда был направлен я, осуществляло приемку всех комплектующих изделий, которые производились электронной промышленностью, электротехнической промышленностью и заводами других министерств для нужд оборонных заводов и обеспечения частей для ремонта и восстановления техники. Начальником управления был опытейший генерал-лейтенант Сугробов Павел Иванович, а его заместителями были генералы Чаловский Е. А. и Рябов В. Н.

А отдел осуществлял силами военпредов приемку аппаратуры «Я свой» для всех видов войск. Это прежде всего, войска противовоздушной обороны, и авиация, и ракетные части, и военно-морской флот.

Наше 16 Управление было самым большим по численности и имело семь отделов, которые осуществляли заказы на разработку изделий, приемку и поставку их на заводы и в части. Наша военная приемка подчинялась начальнику первого отдела, которым командовал полковник Дюткин И. Н. — боевой офицер, который прошел всю Отечественную войну в боях за нашу родину.

Структурно военные приемки подчинялись районному инженеру, который командовал несколькими приемками данного региона, как правило, сходной номенклатурой, выпускаемой оборонными заводами.

Военная приемка на заводе «Старт» подчинялась полковнику Малышеву Юрию Александровичу, кабинет которого находился на заводе «Старт».

По прибытии на завод, я представился вначале Районному инженеру, затем руководителю военной приемки.

Еще в управлении П. И. Сугробов дал мне наказ:

— Чтобы правильно организовать работу, нужно глубоко изучить всю документацию, которая определяет взаимодействие завода с военными представительствами Министерства обороны, а также «Общие технические условия, предъявляемые к качеству изделий военного назначения» и «Правила приемки изделий военного назначения». Ставлю перед вами задачу о глубоком изучении технологии производства изделий электронной техники, которые будут поставляться в войска или на другие военные заводы для производства вооружения и военной техники. Только после этого Вы будете допущены к ответственной работе по приемке и поставке изделий в войска и на заводы.

На это Вам потребуется три-четыре месяца, в течение которых, я надеюсь, вы станете полноценным специалистом. Все возникающие вопросы Вы решаете через руководителя приемки или районного инженера.

Так началась моя работа на заводе «Старт». Районный инженер познакомил меня с руководством завода. Директором завода был Воронцов Владимир Иванович, бывший сотрудник министерства электронной промышленности, (кажется он работал заместителем министра, но по какой-то причине был переведен в директора). Главным инженером был Дохман Сергей Александрович очень толковый специалист и знающий свое дело практик. Главным контролером был Микаэльян, с которым мне предстояло работать непосредственно по всем вопросам производства и приемки изделий.

Завод специализировался на полупроводниковых приборах, а именно: делал силовые диоды для различных систем, стабилизаторы для стабилизации напряжения в сетях, туннельные диоды и выпускал широкую гамму простых диодов.

Особое внимание уделялось приборам с индексом «ОС». Эти изделия поставлялись для производства ракетной и космической техники на многие заводы Советского Союза. К ним предъявлялись очень высокие требования, с точки зрения качества. А главное требование — это нулевые отказы при всех видах испытаний. От военпредов требовался жесткий контроль при производстве этих приборов и приемке их. И лежала особая ответственность за качество этих приборов. как на руководстве завода, так и на военном представительстве.

Совсем скоро я понял о том, что работа в военной приемке это очень ответственное дело, требующее глубоких знаний технологии и конструкции приборов, а самое главное, от нас требовались стабильные поставки всех изделий, как в войска для ремонта и восстановления военной техники, так и на заводы для сборки аппаратуры.

Спустя три-четыре месяца я освоил основные методы работы по проведению приемки и испытанию полупроводниковых приборов, как периодических, так и конструктивных, и получил разрешение руководителя приемки на эти работы. Но по распределению обязанностей за мной были закреплены силовые диоды, за которые я полностью отвечал.

Самым ответственным событием в работе коллектива военных приемок является их связь с военными приемками аппаратных заводов, которые использовали наши изделия при сборке аппаратуры. Причем, это бывает очень важная аппаратура, к которой относится ракетная и космическая техника, боевая авиация и другие виды вооружения и военной техники.

Поэтому приборы выпускаются с различными индексами, в том числе: «ОС» — особая серия для ракетно-космической техники, с индексом «М» —

для аппаратуры, например, для полета на Марс; или просто «ВП» — для остальной военной аппаратуры.

Несмотря на наш жесткий контроль технологии производства полупроводниковых приборов и жесткую систему испытаний, иногда мы получаем рекламации от заводов-потребителей этих приборов. И показатель уровня рекламаций всегда являлся главным показателем работы военного представительства.

Вспоминается такой случай, который произошел с моими изделиями, отгруженными в Киевский завод радиоаппаратуры, находящийся в Дарнице. Завод «Старт» получил рекламацию на довольно большую партию силовых диодов с индексом «ОС».

Меня вместе с технологом цеха командировуют в Киев для разбирательства.

Прибыв в Киев, мы едем в Дарницу на завод, который рекламирует диоды.

Руководство завода крайне агрессивно отнеслось к нам, заявив, что срывается программа поставок ракет в войска из-за невозможности продолжать их производство. Надеемся, что вы разберетесь в причинах брака и в кратчайшее время поставите новые партии диодов, взамен этого брака. Диоды не могут быть запущены в производство, так как они не прошли входной контроль.

— Вы можете познакомиться с результатами замеров их параметров в ОТК.

В ОТК, нам предъявили диоды, смонтированные на алюминиевых платах, как это требуется по ТУ, которые при замерах действительно показывали брак по величине обратного тока коллектора. Это вызвало у нас полное недоумение, потому что по этому параметру был очень большой запас, и претензий от других потребителей не было никогда.

Пытаемся многократно проверить схему замера этого параметра, но постоянно убеждаемся в правильности режимов измерений и в браке диодов.

Для решения вопроса по рекламации нам дали три дня.

Самое неприятное в этой истории состояло в том, что поставка и качество проборов «ОС», находилось под особым контролем командования и в министерстве электронной промышленности.

А директор завода нам заявил:

Вы должны признать брак диодов, а мы должны получить новую партию годных диодов.

Эти приборы используются в системе рулей ракеты, и вы должны понимать, насколько важна их исправная работа.

С тяжелыми мыслями мы стали перебирать разные варианты возникновения этого брака. Но мы не находили ответа. Так прошли два

дня. У нас почти кончились деньги, и как-то надо было решать проблему с питанием. Мы ее решили довольно просто. В заводской столовой (сегодня в это трудно поверить) на столах всегда лежали хлеб, огурцы и помидоры. Поэтому в буфете мы покупали стакан сметаны, которая стоила копейки, из овощей делали салат, сдобрив его сметаной, получалось дешево и сытно.

На третий день приходим на завод, и который уже раз с грустью смотрим на алюминиевую плату, где закреплены наши диоды.

И вдруг, о чудо! В лучах солнца, которое ярко светило в окно, я замечаю просвет между алюминиевой платой и корпусом диода, что свидетельствует о том, что силовой 20-амперный диод не плотно закреплен гайкой к плате, что необходимо делать при замерах. Об этом дано четкое указание в технических условиях на силовые мощные диоды.

Я прошу гаечный ключ и плотно закручиваю гайку, ликвидируя просвет и обеспечивая надежный тепловой контакт. Заново начинаем замеры параметров диодов, которые полностью соответствуют требованиям ТУ.

Приглашаем главного инженера завода и демонстрируем ему, полностью качественные диоды. В итоговом акте завод подтвердил свои ошибки и оплатил все наши расходы по этой командировке. Командование высоко оценило наши действия и благодарило нас за работу. Авторитет военной приемки окреп, и это было самым приятным в нашей работе.

Моя работа на заводе «Старт» закончилась менее, чем через год. Командование Управления предложило мне работу в должности военпреда в НИИ «Пульсар» с опытным заводом. В связи с тем, что это была уже майорская должность, я согласился работать в таком престижном институте.

Руководителем военной приемки на Пульсаре была женщина, что довольно редкое явление для этой категории начальников. Но они остались еще с Великой Отечественной войны, так как военных мужчин было недостаточно для работы в тылу. Поэтому женщины работали на офицерских должностях на предприятиях промышленности и осуществляли военную приемку вооружения и военной техники. Так они работали до семидесятых годов.

Ее звали Мамлина Сара Аншельевна, она была подполковником и руководила приемкой более пяти лет. У меня перед назначением была встреча с ней на Пульсаре. Ее интересовала моя служба, образование, семейное положение и главное желание работать под ее командованием. Она произвела на меня хорошее впечатление, как знающий дело специалист, опытный руководитель, прошедший школу Великой Отечественной войны.

Вскоре состоялось мое назначение в эту военную приемку № 23 МО.

Приемка подчинялась отделу полупроводниковых приборов 16 Управления МО. Начальником отдела был полковник Дюткин Иван Николаевич, боевой офицер, прошедший Отечественную войну и имеющий много боевых наград. Он пригласил меня к себе и дал доброе напутствие в работе.

О НИИ Пульсар следует сказать особо.

Это первый в стране институт полупроводниковой электроники с опытным заводом, сотрудники которого разработали сотни типов транзисторов, лавинно-пролетных диодов, микросхем и оптоэлектронных приборов. В этом институте были созданы впервые комплексированные изделия: электронные часы, самолетный ответчик «свой-чужой», твердотельные блоки радиолокационных станций и другие устройства твердотельной электроники.

А открытие транзистора — его изобретение, случилось в июле 1948 года и авторами этого биполярного транзистора были Уильям Шокли, Джон Бардин и Уолтер Браттейн. Они за это изобретение в 1956 году были удостоены Нобелевской премии, и их детище — транзистор — который пришел на смену электронной лампе, начал свое триумфальное шествие по миру.

У нас в Советском Союзе первый транзистор был создан в 1953 году разработчиками Красиловым Александром Викторовичем и Мадоян Сусанной Гукасовной.

Транзисторы виделись разработчиками аппаратуры, как альтернатива радиолампам, в виде высоконадежных, экономичных, малогабаритных приборов. Так оно в дальнейшем и произошло.

В связи с необходимостью целенаправленно вести разработку и производство транзисторов правительством в сентябре 1953 года создается НИИ-35 с опытным заводом по адресу Открытое шоссе дом 61.

В постановлении Правительства указано:

«В связи с необходимостью быстрого освоения и внедрения технологии производства полупроводниковых приборов, разработки технологического оборудования, создать НИИ-35 (НИИ полупроводниковой электроники) с опытным заводом».

К моему назначению в 1967 году институт имел огромные заслуги перед радиоэлектронной промышленностью. Разработанные транзисторы и другие комплектующие, широко применялись в производстве военной радиоаппаратуры и прежде всего в радиолокации, вычислительной технике, авиационной технике и космической аппаратуре.

Директором института был Трутко А. Ф., а его заместителем по науке — Федотов Я. А., который издал в свое время прекрасный учебник для ВУЗов и специалистов «Физика полупроводниковых приборов». Этот учебник и сегодня считается одним из лучших в этой области. Главным инженером

был Докучаев Ю. П. Директором опытного завода был Беглецов И. Н., затем его сменил Корнев И. П., а главным инженером завода был Петров В. М.

Вот с таким коллективом НИИ мне предстояло работать, обеспечивая оборонные заводы и КБ новейшими транзисторами и другими полупроводниковыми приборами.

В составе нашего военного представительства было организовано три группы: группа приемо-сдаточных испытаний, ее возглавлял Урдин Ю. Д., группа периодических испытаний, во главе с Ледяевым Л. Н. А мне была поручена группа научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, то есть этой группе поручалось контролировать ход новых разработок, выполняемых отделами института, в интересах министерства обороны. Приемка же НИР и ОКР проводилась специалистами 22 ЦНИИ МО, нашей приемки и специалистами заинтересованных оборонных предприятий.

Работа была интересной, творческой, требующих знаний в области теории транзисторов, диодов и других приборов.

В связи с тем, что категория военпреда была майорской, вскоре я получил очередное воинское звание — майор.

Определенное время ушло у меня на изучение технологии и конструкции, выпускаемых приборов и в этом мне большую помощь оказали ученые и ведущие специалисты завода и института. Особо следует сказать самые теплые слова о таких ведущих специалистах как Красилов А. В., Диковский В. И., Виноградов Р. Н., Сопов О. В., Петров В. М., Ржанов, Докучаев Ю. П., Федотов Я. А. и, конечно, о генеральном директоре НИИ-35 Трутко А. Ф.

Через два года работы в должности военпреда благополучно решился мой квартирный вопрос. По приезде из г. Владимира в 6 радиотехнический полк я получил в военном городке однокомнатную квартиру в доме шлакоблочной конструкции, которая не имела ни водопровода, ни канализации. Кроме того стены были постоянно влажными, потому что строители забыли уложить гидроизоляцию, что сказывалось на здоровье нашей дочери, её преследовали простуды и кашель.

Поэтому спустя некоторое время я обратился к директору завода Корневу Ивану Павловичу, с заявлением об улучшении жилищных условий моей семьи. В связи с тем, что завод строил жилые дома по улице Госпитальный Вал, И. П. Корнев обнадежил меня в получении двухкомнатной квартиры, в построенном 12 этажном доме.

А через некоторое время жилищная комиссия завода выдала мне ордер на двухкомнатную квартиру с балконом на 8 этаже. И в 1969 году мы вселились в эту квартиру к великому удовольствию всех членов семьи. Квартира была теплой, сухой и болезни дочери сразу прекратились. Квартира была удобна и тем, что находилась совсем рядом с работой.

Руководитель приемки — Мамлина С. А. во всех отношениях устраивала нас, офицеров. У неё был огромный опыт работы в ВП в период ВОВ и она умела строить свои отношения с руководством НИИ и завода. В основе своей работы она считала высокое качество продукции с ВП и своевременность поставок продукции промышленности. Строгое соблюдение основополагающих документов, определяющих работу ВП, требовалось и от нас, всего личного состава ВП.

Однако служба женщин-офицеров в Советской Армии была прекращена в 1969 году, и все они были уволены в отставку. Также была представлена к увольнению подполковник Мамлина С. А.

После её увольнения мне временно было поручено исполнять обязанности руководителя ВП в НИИ Пульсар и на меня свалилась ответственность за организацию работы ВП. Дело упрощалось тем, что работа была налажена, и менять ничего было не надо. Проводилась приемка изделий, её отгрузка, периодические и конструктивные испытания, приемка НИР и ОКР. Правда, нужно было подобрать офицера на свободную должность младшего военпреда. В связи с этим, вспоминается решение назначить на эту должность в наше ВП сотрудника из отдела разработки мощных транзисторов, ведущего специалиста этого отдела — Виноградова Романа Николаевича. В те годы существовал порядок, при котором дипломированные выпускники гражданских ВУЗов, обязаны были отслужить два года в армии на офицерских должностях.

Ко мне обратился Р. Н. Виноградов и сообщил о том, что он получил повестку из военкомата о призыве его в армию на два года. И мне пришла в голову идея, почему бы не призвать его в нашу военную приемку. Его двухгодичная работа в нашей приемке принесла бы большую пользу для всего коллектива, так как он мог бы проводить занятия с личным составом по теории и технологии производства полупроводниковых приборов, также принимать участие в комиссиях по оценке качества НИР и ОКР, сдаваемых институтом.

С таким предложением я рапортом обратился к командованию Управления, и оно поддержало мое предложение и назначило Виноградова Р. Н. на должность младшего военпреда 23 ВП МО.

Как показало время, это было очень правильное решение. Мы с ним договорились о распорядке его работы. До трех часов он работал в военной приемке, а после трех, если позволяла обстановка, он мог работать у себя в отделе. Я был благодарен ему за классное обучение личного состава и глубокие знания, которые он передал всем нам. Одновременно он не терял своей квалификации, как разработчик, продолжая создавать новые полупроводниковые приборы.

КАМЧАТКА. ДОЛИНА ГЕЙЗЕРОВ

Через полгода службы Виноградову был положен отпуск, и он обратился ко мне с рапортом о предоставлении ему отпуска с убытием в Петропавловск-Камчатский, поселок Жупаново. Роман Николаевич давно увлекался туризмом, был во многих уголках нашей Родины. И не воспользоваться таким случаем, когда за счет Министерства обороны можно побывать в любой точке Советского Союза, он не мог. Меня очень заинтересовало это путешествие и я тоже написал рапорт об очередном отпуске с убытием на Камчатку. Командование разрешило мне убыть в отпуск.

Конечным пунктом нашего путешествия на Камчатку была знаменитая Долина Гейзеров и два вулкана — Крашенинникова и Карымский действующий вулкан. Мы подробно разработали маршрут нашего путешествия и пребывания на Камчатке.

В процессе подготовки к нам присоединились еще два офицера, это Валеев Фаим и Дима.

И вот мы четверо безумцев во главе с командором — Романом — 3 августа 1969 года улетаем в Петропавловск-Камчатский. Наши рюкзаки набиты до отказа провиантом, четырехместной палаткой, одеждой и прочими предметами, необходимыми для подъема на вулкан. В самолет нас пустили после доплаты за лишний вес. Вылетали мы из Домодедово с посадкой в

Хабаровске и Верхоянске. Поразил нас Верхоянск очень высокой температурой, более 30 градусов, и тучами огромных комаров, от которых не было никакого спасения, только в помещении аэровокзала можно было избавиться от них.

А после Верхоянска мы приземляемся в Петропавловске-Камчатском. Аэродром Елизово расположен рядом с городом, который построен фактически в горной местности и его улицы круто спускаются вниз к Тихому океану. Панорама сверху открывается особенно красивой. Внизу виден порт, куда швартуются океанские теплоходы, танкеры, военные корабли. А вдали виден потухший вулкан, который извергался очень давно и сегодня для жителей города не представляет никакой опасности.

Мы не стали устраиваться в гостинице, а как истинные туристы, прямо на окраине аэродрома Елизово, на лесной опушке развернули палатку и это для нас был настоящий люкс.

На следующий день мы поехали в порт, чтобы узнать, когда будет рейс в Жупаново, откуда мы должны начать наше движение в сторону

Долины Гейзеров и к Кроноцкому озеру, где находится вулкан Крашенинникова. В порту нам сказали, что ближайший теплоход на север, в том числе и в Жупаново, будет только через неделю.

— Ничего себе, потерять целую неделю, сказал Роман. А есть еще какие-нибудь варианты, — спросил Роман у дежурной.

— Поговорите с рыбаками, которые иногда берут к себе пассажиров. Может быть они согласятся взять вас на рыболовный траулер, — посоветовала дежурная по порту. Что мы и сделали. Через два дня уходил траулер «Находка» на Север и капитан корабля согласился взять нас за умеренную плату.

Однако нам крупно повезло. Когда мы через два дня прибыли в порт, то увидели там на причале теплоход «Петропавловск», который совершал внеплановый рейс на север Камчатки. Обрадованные таким оборотом событий, мы оформили билеты и через два часа отплываем в Жупаново, любясь водами Тихого океана. Размещаемся по каютам и обсуждаем наши дальнейшие действия и знакомимся с попутчиками. Пассажиры теплохода плывут в самые разные места: в Ключи, кто дальше, к Берингову проливу, но несколько человек плыли до Жупаново. Особенно нам понравилась совсем молодая девушка Светлана из Ленинграда, студентка 4 курса института, которая приезжает на Камчатку уже второй раз в качестве инструктора по туризму.

Вначале была прекрасная солнечная погода, что создавало хорошее настроение и хорошую перспективу на поход. Но во второй половине дня поднялся сильный ветер и океан начал изрядно штормить, прилично раскачивая наш теплоход. И не все пассажиры переносили нормально эту безумную качку. Многих просто выворачивало наизнанку. Что касается нас, то мы спокойно перенесли этот шторм. Около 8 часов вечера теплоход бросил якорь прямо напротив поселка Жупаново. Предстояла в этом штормующем океане сложная посадка на теплоход пассажиров с баржи, которая причалила к теплоходу из Жупаново, и наша высадка на баржу, которую бросало из стороны в сторону. Капитан принимает решение посадку и высадку пассажиров произвести с помощью страховочной сетки, в которую садились люди и, таким образом, обеспечивалась безопасность погрузки-выгрузки. Наконец все закончилось, и мы сели на баржу, которая быстро доставила нас до берега.

Но на этом неприятности не закончились, так как пошел проливной дождь. А до лагеря туристов, откуда начинался наш маршрут, надо было идти еще примерно два километра. Вот так не ласково нас встретила Камчатка. Где-то через минут сорок мы прибываем в лагерь. Это довольно большой палаточный лагерь, откуда начинаются плановые путешествия по Камчатке. Но в этот период в лагере не было никого.

Мы заняли одну из палаток, сменили мокрую одежду, на костре приготовили ужин, поужинали и все дружно отошли ко сну, забившись в спальный мешок.

А утром снова поливал дождь, он практически шел всю ночь, все кругом было сыро, в лужах. Это нас очень огорчило, так как под проливным дождем выходить на маршрут не хотелось.

На завтрак мы пригласили Светлану, с которой мы познакомились на теплоходе. Она сказала, что туристы, которых она должна сопровождать, ещё не прибыли и поэтому она свободна. Завтракаем и стараемся как-то скоротать время, а дождь продолжает лить и лить. Играем в карты, шахматы, шашки, поем песни. Довольно поздно отходим ко сну.

А утром все повторяется — проливной нескончаемый дождь. В голову лезут всякие нехорошие мысли:

— И чего мы забрались сюда на край света, и зачем нам эта Долина Гейзеров и какие-то действующие вулканы, — ворчал Дима.

Но командор принимает решение — идти, несмотря на проливной дождь, сказав:

— Мы прилетели сюда не в палатке отлеживаться, а покорять вершины гор!

С помощью пограничников на их лодке переплываем довольно широкий лиман и бодро начали движение по берегу Тихого океана в Долину Гейзеров. С правой стороны бушующий океан (5–6 баллов), с левой стороны залив и горы. А мы идем по косе под проливным дождем. Спасает полиэтиленовая пленка, которую мы купили в Жупаново. Но все равно уже через полчаса ходьбы по пояс мы становимся мокрыми.

Но вскоре дождь кончился, и выглянуло солнце. Какая удача! Перед глазами вижу пятки Романа, не могу распрямиться под тяжестью рюкзака, но все же иногда бросаю взгляд на Тихий океан, который с шумом бросает свои волны на песчаный берег, по которому мы идем.

Через несколько часов мы находим тропу, которая уходит от океана в горы, и далее мы двигаемся через березовый лес и очень высокую траву. Примерно через час хода мы подходим к лагерю «Горячие ключи», где решаем сделать привал. На весь этот переход у нас уходит 5 часов. А рядом действительно горячие источники, которые образуют падающие потоки. И первое, что мы сделали, искупались в этих потоках, смыв усталость и очистив тело от дневного пота. Собрали дрова для костра, разожгли его с трудом, так как все вокруг было мокрым после дождя и приготовили ужин. На ужин я приготовил макароны с тушенкой. А после ужина хорошо обсушились над костром. Считаем, что первый день прошел нормально, если не считать, что я потянул ногу, которая дает о себе знать. Ложимся спать и засыпаем сразу, усталость берет своё.

Утром после завтрака идам на гейзер «Бурлящий». Нам предстоял довольно сложный переход, с преодолением крутого перевала, под дождем. Идем по очень высокой траве, поэтому буквально через несколько минут я становлюсь мокрым по пояс. Тропа все время идет в гору и примерно на высоте 500 метров появляется первый снег. И дальше уже нам пришлось идти по снегу. Через два часа делаем привал, я делаю киносъёмку прекрасных Камчатских пейзажей и снова в путь. Идти становится все сложнее, так как тропа идет все время в гору. Снова привал на берегу какой-то горной речки. И тут мы очень пожалели, что у нас не было готово ружье для охоты, оно находилось в рюкзаке у Димы. На нас из кустов выскочил заяц и стремглав скрылся в траве. Это мы учли и приготовили ружье к охоте. Из растительности постоянно встречается каменная береза, кедрач, сланник и сосна. Все деревья карликовые, деформированные ветрами до предела. Но очень высокие и разнообразные травы, наполняющие воздух дивным ароматом. Это прежде всего ирис, или как его еще зовут касатик, шоломайник, иван-чай, кукушкин лен и много еще чего.

На следующем привале делаем перекусон — бутерброды с сыром, сладкий чай и обязательно пара таблеток глюкозы. Она моментально восстанавливает силы.

Проходим вулкан «Центральный Семлячик», кругом огромные валуны и потоки застывшей лавы. Можно представить силу стихии извержения, когда каменные глыбы, величиной с небольшой дом, зашвыриваются вулканом на несколько километров.

С трудом вброд переходим речку «Первую» и сразу же начинается крутой подъем к перевалу. Если раньше мы делали остановки через час, то сейчас через 20–30 минут, а последние метры перевала преодолеваем с огромным трудом, делая остановки через каждые 20–30 шагов. Тянет вниз тяжелый рюкзак.

Наконец в 19 часов мы наверху. Это значит, что в дороге мы уже 6 часов, а до гейзера «Бурлящий» надо пройти еще 4–5 километров по тропе, которая то и дело теряется.

Вот где проверяется человек, его физические и моральные качества. Кажется после подъема в тебе не осталось уже никаких сил, надо подниматься и идти дальше.

Тропу не находим и идем по бездорожью, по компасу. Через час пути начинает темнеть и мы решаем на вершине одной горы разбить лагерь. Во время перехода к нашему удивлению мы находим много грибов, в основном, подосиновиков и с удовольствием собрали их. Теперь проблема номер один — дрова и костер, в условиях, когда вокруг одни камни. Но нам повезло, совсем рядом находим высохшую сосну и довольно быстро я разжигаю костер с помощью небольшого кусочка свечки. И ка-

кой хороший ужин мы приготовили с Фаимом! Суп, рожки с тушенкой и жареные грибы, приготовленные по всем правилам, даже с луком. После ужина сушка у костра и сон. Несмотря на такой трудный переход и усталость, не могу заснуть примерно три часа.

А ночью начался дождь, который не прекратился и утром. Сидим в палатке и решаем, что делать дальше? Дима и Фаим ушли за грибами и дичью, а мы с Романом готовим завтрак. Все же решаем идти дальше, несмотря на дождь. Сразу находим тропу, она оказалась правее, чем мы шли. Эта тропа приводит нас к гейзеру «Бурлящий» и мы осматриваем это чудо природы — гейзеры. Наибольший из них «Бурлящий». Клубы пара с силой вырываются из-под земли, поднимаясь высоко в небо, впечатление фантастическое! Вокруг основного гейзера масса маленьких гейзеров, которые бурлят и поминутно извергают наружу жидкообразную массу, очень сильно пахнущую сероводородом. Видимо, сказывается присутствие серы во всех гейзерах, тем более, что склоны гор покрыты тоже серой. А рядом расположен лагерь туристов, где мы и останавливаемся. В лагере обилие сусликов до ужаса любопытных и нахальных. Как только мы отходим от своей палатки, они мигом за скакивают туда в поисках чего-нибудь съестного.

А утром снова в поход. Сегодня нам предстоит один их труднейших переходов в древнейший кратер «Узон». Вся сложность маршрута заключается в том, что туда уже давно никто не ходит, и тропы нет. Поэтому двигаться нужно по азимуту, по ориентирам, что мы и делаем. Однако все осложняется туманом, который не дает выбрать вдалеке нужный ориентир, и проливной дождь. Двигаемся строго на север, и наш путь проходит, в основном, по снежникам, каменным россыпям и тундровым полям. А кругом столько ирисов, которые украшают эту землю. Чтобы попасть в Кольдеру Узон, мы должны обязательно выйти на речку Безымянную и где-то в 5 часов мы вышли на эту речку, но несколько правее, чем нужно, и в результате нам предстоял крутой спуск с каменной осыпью. Преодолеваем спуск, вброд переходим речку Безымянную, и попадаем в комариное царство, и далее весь наш путь проходит в сопровождении этой кучи комаров.

Преодолеваем небольшой горный перевал и к вечеру достигаем Кольдеры Узон.

Располагаемся на ночлег в небольшом лесочке, ставим палатку и, с большим трудом Роман разводит костер. Надо отдать должное колоссальной выдержке и терпению Романа, который, как правило, разжигает костер. Дело в том, что в походе обязательно должен быть костер, для того, чтобы приготовить пищу и обсушиться. А на высоте костер всегда разжигается плохо.

По этому поводу у меня родились стихи.

КАМЧАТСКИЕ КОСТРЫ

Что путнику в походе надо:
Рюкзак да торную тропу,
Пологий склон, брод и обходы,
Сиянье солнца наверху.

Поддержки друга в час суровый,
Когда идти нет больше сил,
Назад, а впереди обрыв здоровый
И белый свет тебе не мил.

Но всех милее и дороже
Для путника в долине гор
Уставшего, промокшего к тому же
Простой ласкающий костер

Источник света в тьме кромешной
Очаг уюта и тепла,
Где можно обсушиться и, конечно,
Носки и кеды сжечь дотла.

Однако прежде чем увидишь,
Огня ты пламень небольшой,
Ты долго дуешь лежа, сидя,
Всей мощью легких, всей душой.

Дрова мы телом нашим грели,
Чтоб за ночь высохли они,
Чтоб утром радостные трели
Огня увидеть все могли.

А он не хочет разгораться,
Хотя все мощью налегаешь ты.
Уже готов ты разругаться:
Сюда б немного бересты!

Но побеждали мы стихию
И был наградой дивных гор
Всегда, о чем пишу стихи я,
Простой ласкающий костер.

Утром после бессонной ночи, в окружении безжалостных комаров, настроение подавленное, но Дима обрадовал нас убитой дичью, несколькими куропатками, из которых мы приготовили прекрасное жаркое.

Целый день проводим в Кольдере Узона. Это кратер огромного вулкана, который извергался много тысяч лет тому назад и до сих пор остались следы вулканической деятельности в виде гейзеров, фумарол, горячих источников. А рядом «Банное» озеро вулканического происхождения, в котором мы с удовольствием искупались, Вода в нем теплая, целебная, с запахом серы. После купания в нем усталости как не бывало. Побывали на озере «Дальнем» тоже вулканического происхождения, в озере очень чистая вода, но рыбы в нем нет. Это показалось нам странным.

А вокруг Кольдеры очень много грибов, белых и подосиновиков. Набрали, сколько могли.

Под вечер уходим из Узона. Погода была в этот день солнечная, чудная, так что получились хорошие съемки. Просматриваются вершины многих гор: Зубчатая, Красная,

Крашенинникова и другие. Вначале попадаем в болото, но оно было небольшим и мы свободно прошли через него. Затем идем вдоль реки «Шумная», на берегу которой устраиваемся на ночлег. Нам крупно повезло, потому что «Шумная» нерестовая речка, в которой есть и кета, и горбуша, и голец. Фаим воспользовался этим и наловил пять гольцов. Сделали икру, уху и нажарили три сковородки рыбы. Все это было уничтожено в миг.

А дальше путь в «Долину Гейзеров».

Этим путем мало, кто ходит. Обычно туристы предпочитают тропу, которая от Тихого океана приводит их к речке Гейзерной, которая и протекает через Долину Гейзеров. А мы выбрали верхний путь через плоскогорье, которое примыкает к Долине. И он оказался достаточно сложным. Вначале шли по распадку реки, затем по снежнику на перевал и далее довольно сложный спуск по узкому и длинному ущелью, длина которого составила около трех километров. Ещё издали заметили клубы пара, поднимающиеся в очень многих местах. Подлинное ущелье дьявола, как называют Долину местные аборигены. Погода хорошая, без дождя. Примерно в 17 часов достигаем Долины Гейзеров. С самого первого момента увиденная картина поражает своей красотой и, какой-то волшебностью. То здесь, то там из-под земли с шумом вырываются потоки горячей воды, фонтанируя на огромную высоту. Замечаем массу гейзеров самых разных размеров и характеров.

Выбираем место для палатки прямо на берегу речки Гейзерной на месте, где теплая земля.

А рядом большая «ванна» с горячей водой (температура в ней примерно 95 градусов), из которой мы готовим пищу. Здесь мы встретили нашу знакомую из Ленинграда Светлану, с которой мы познакомились в Петропавловске и на теплоходе плыли вместе в Жупаново.

Она, как инструктор по туризму, сопровождает группу туристов по маршруту Жупаново — Долина Гейзеров. Обильный ужин был нами устроен для гости. Была в изобилии красная икра собственного изготовления, жареная рыба, уха, каша рисовая, блины и какао. Кажется, наелись до отвала. Даже Роман сказал: — Вот это, да!

Следующий день был посвящен ознакомлению с гейзерами Долины. Нашим гидом была Светлана и ее мама, которая вместе с дочерью совершала путешествие по Дальнему Востоку. Это Камчатка, Сахалин, Курильские острова.

Долина Гейзеров очень красива и привлекательна. Крутые берега речки Гейзерной сменяются пологими склонами с бурной растительностью пихты, сланника, березы каменной. Но самое удивительное — это гейзеры. Очень красив гейзер «Фонтан». Он работает каждые 15 минут примерно по одной минуте. Гейзер «Большой» — через полтора два часа. А при входе в Долину расположены три гейзера: это «Первенец», который извергает огромную струю кипятка каждые 15 минут на расстояние до 20 метров. Дальше идет «Трехглавый» гейзер, который извергается каждые 2 часа, выбрасывая в разных направлениях три струи воды. Гейзер «Сахарный» работает довольно часто, образовав вокруг себя нечто подобное огромным сахарным головкам. Красив также гейзер «Девичьи слезы», работающий постоянно.

Но самым большим гейзером Долины является гейзер «Великан», действующий каждые четыре часа в течение нескольких минут, выбрасывая из недр огромный фонтан воды до сорока метров в высоту. Таких гейзеров в мире очень мало и один из них, находится в этой долине. Это настоящее чудо природы. Мы с трепетом ждали начала извержения, поражаясь силе этого природного явления.

Красивы также Первые и Вторые «Ворота», по которым течет река Гейзерная и водопады на реке «Шумной». Мне удалось сделать кинокадры и фотографии, которые и сегодня смотрятся с интересом.

Самое странное то, что Долина Гейзеров была открыта совсем недавно, в 1941 году Устиновой. До этого аборигены наблюдали мощные клубы пара, как считалось «исчадие ада», и проникнуть в Долину никому не удалось. Пугал также гейзер «Первенец», который извергаясь под углом 45 градусов каждые 15 минут, перекрывал любопытным дорогу в Долину. Вот такая легенда. А в 2007 году в Долине Гейзеров случилась катастрофа, когда огромный оползень перекрыл речку Гейзерную и уни-

чтожил фактически большинство гейзеров. Сегодня в Долине образовалось огромное озеро, которое скрыло под собой почти все гейзеры.

После осмотра всех гейзеров сворачиваем палатку и прощаемся с этим уникальным и удивительным местом нашей страны, даже всего мира, и уходим на вулкан Крашенинникова, поднимаясь вверх по реке Гейзерной.

Это потухший вулкан, который извергался очень давно, но интересен характером извержения, в результате которого образовалось Кроноцкое озеро. Сегодня там Кроноцкий заповедник. Тропы туда нет и, поэтому маршрут приходится выбирать самим по компасу. Двигаемся по берегу реки Гейзерной, переходя, периодически, то на один, то на другой берег. Так идем до водопада, а дальше поднимаемся по крутому склону на гору, буквально зубами цепляясь за кусты и землю. Дальше идем строго на север. Местность очень сложная: то непроходимые кусты, то невероятно крутые спуски. На одном таком спуске не удержался и полетел вниз Роман. Я шел за ним и не успел среагировать. Склон горы, по которому мы шли, был покрыт тонким слоем земли и она не удержала Романа.

Мы спускаемся вниз и видим лежащего командора на земле. Пролетев метров 20, Роман грохнулся на большой валун, который был внизу. Здесь же делаем привал. Перевязали плотно ногу Романа, к счастью перелома не было.

— Ребята, молитесь богу, чтобы я завтра поднялся, — с грустью сказал Роман.

Ставим палатку, разводим костер, готовим ужин. Роман забирается в спальник и быстро засыпает.

А утром я не обнаруживаю его в палатке, — Что случилось? — пронеслось в голове.

Выскакиваю из палатки и вижу Романа, который ходит по лужайке.

— Кажется, все обошлось, сказал он, улыбаясь, — можно снова в путь, но я прошу вас разгрузить мой рюкзак.

— Да нет проблем, обрадовались мы, — давай все нам.

Так разгрузив Романа, мы начинаем движение дальше к вулкану Крашенинникова. Сразу начинается крутой подъем в гору, чтобы преодолеть узкий и крутой сброс реки Гейзерной.

Поднявшись на гору, проходим около километра по вершине и затем спускаемся вниз к реке. То и дело встречаются на берегу следы медведей. Переходя в очередной раз Гейзерную, я свалился и принял холодный душ. Промок с головы до пят и тут случилось предвиденное — мы с Романом нос к носу встретились с хозяином лесов, с медведем.

Он был в метрах 10 от нас и что-то ел. Некоторое время он, не обращал на нас внимание, но увидев нас стремглав кинулся прочь и по крутому склону прыжками скрылся в лесу. Несмотря на то, что у нас было

ружье, испуг сковал наши действия. Вспомнились слова егеря, который наставлял нас не бояться и не стрелять медведя. Он говорил, что летом медведь сыт и не нападает на человека. Хорошее напутствие егеря, но дрожь по телу проползла у всех.

Снова преодолеваем крутой подъем к перевалу, когда приходится прощупывать рукой и ногой каждый камень, чтобы преодолеть очередные метры подъема, и оказываемся на плато. Идет сильный дождь, как говорят все 24 удовольствия: сплошной туман, дождь, ветер невероятной силы и холод. Мы на высоте, примерно 3000 метров. Идем несколько часов под проливным дождем и подходим к вулкану, который, конечно же, не просматривается в сплошном тумане.

В этих условиях бессмысленно подниматься на вулкан. Во-первых, Роман еще не оправился от ушиба, во-вторых, ничего не видно из-за тумана и дождя, а в-третьих, мы уперлись в сплошную стену застывшей лавы, результат давнего извержения вулкана.

Поэтому принимаем решение спускаться вниз к океану. Путь не близкий и сложный под дождем. Выбираем место для ночевки и впервые обходимся без костра и горячего ужина, съев немного колбасы.

Утром нам все же удается разжечь костер и приготовить обильный завтрак из куропаток, которых подстрелил Фаим, каши гречневой, молока, кофе. После завтрака идем вниз к океану, Часто приходится идти по ручьям, так что ноги коченеют, а все потому, что берегом идти невозможно из-за зарослей ольхи и рябины.

На следующий день дождь кончился, и установилась хорошая погода. Однако пробиваться по зарослям ольхи становится трудней и трудней. Кусты буквально сплошным забором окружают нас и в 5 метрах уже не видно человека. Ветки бьют по ногам, рукам, лицу. У Романа распухла ушибленная нога. И такой путь целый день. Но все же чувствуется приближение океана. Горы остались за нами, и мы выходим к низине. Перед нами открывается огромная поляна, обильно усыпанная ягодами, в основном, голубикой.

Устраиваем привал на этой поляне и собираем ягоду. А через некоторое время обнаруживаем совершенно невероятное. В метрах 50 от нас тихо, мирно пожирают ягоды два медведя, и еще в метрах 100 медведица с двумя медвежатами, которая быстро уводит медвежат в горы. И еще примерно в 300 метрах мы видим 4 огромных медведя. Вот это, да! Целое стадо медведей пасутся на голубике вместе с нами! Я это событие заснял на кинолентку. Дима на всякий случай загнал жакан в ствол ружья, мало ли что у них в голове. В страхе мы покидаем это место, оставляя обилие ягод, грибов, куропаток и медведей.

Ночь прошла спокойно. Медведи не потревожили нас. Утро выдалось шикарным. Впервые за длительное пребывание на Камчатке мы

увидели солнце — теплое, ласковое, обильное. И какая прелесть открылась кругом: медвежья ягодная поляна раскинулась на несколько километров, лес березовый и рядом тихая речка. В это утро мы даже искупались в речке и после обильного завтрака легли загорать на солнце. Горы сбросили с себя облачную паранджу, и мы увидели их во всей красе и величии. Даже просматривался вдали непокоренный нами вулкан Крашенинникова. И, казалось, не было вчера такого долгого, мучительного перехода через сплошной кустарник, горные реки, перевалы и снежники. На поляне обилие грибов и мне потребовалось несколько минут, чтобы набрать полную сетку, и приготовить жаркое на завтрак. Так не хотелось покидать это место, но труба зовет в путь.

Вначале идти было хорошо, поляны сменялись небольшими скоплениями деревьев и кустарников, но затем началось длинное и труднопроходимое болото. Идем по болоту час, два, три, но ему нет конца. Болото примыкает вплотную к речке Тихой, вдоль которой мы идем. И вдруг упираемся ещё в одну небольшую, но глубокую речку с крутыми берегами. Вначале перебрасываем рюкзаки, а затем и сами перепрыгиваем через неё. Благо, что ширина её 3–4 метра. Вот, где пригодилась прыгучесть.

Ещё немного пути и раздаётся громкое, четырехголосое — Ура!!! — оглушает пространство. Мы увидели Тихий океан, к которому двигались 12 дней. Он весь освещен солнцем и имеет самую различную окраску от нежно голубой до темно синей. Это волнующие, трудно передаваемые минуты.

Примерно через 5 километров делаем привал. Какая благодать — лагерь на берегу океана! Дров навалом, вода рядом в речках и неописуемая красота океана.

Дальше все время идем берегом океана. Следов человека не видно, лишь следы медведей, большие и маленькие, сопровождают нас. По пути собираем дары моря: крабов, моллюсков, гребешки, различные предметы. А в небе огромное количество уток, которые летят вдоль берега океана. Дима то и дело стреляет по ним, но как правил мимо. К исходу дня достигаем речки «Шумной» и устраиваемся в маленьком домике, сделанном, видимо, рыбаками. В речке косяком идет красная рыба на нерест, следуя вековому инстинкту продолжения рода. Сразу начинаем рыбалку и на спиннинг ловим около 30 штук гольцов, горбуш и одну кету. Утром обнаруживаем конкурентов по рыбной ловле, прямо против нас видим медвежье семейство. К нам полное равнодушие. Хозяин лесов Камчатки занимается рыбной ловлей, чтобы накопить запас жира на холодную и длинную зиму. Икры у нас получился целый котелок, примерно 2 килограмма. Началась самая настоящая обжираловка, каждый уничтожил по одному килограмму жареной рыбы и грамм по двести икры.

Во второй половине дня уходим в путь, снова по берегу океана. Переходим вброд речку «Шумную» и, пройдя 2–3 километра, выходим на торную тропу плановых туристов. А это благодать идти по такой тропе. Маршрут пересекает большое количество речек, которые переходим вброд. Особенно сложной была переправа через «Тундровую» речку, но все обошлось благополучно. И нам остается последний переход до Жупоново примерно 35 километров.

Идем через березовый лес и переходим вброд 7 речек разной глубины и ширины. Берега океана очень живописны: то крутые скалы до самой воды, представляющие из себя самые различные «строения», то чудные бухты, то большие песчаные отмели. К вечеру показались желтые скалы, за которыми, мы это знали, течет к океану «Теплая» речка, конечная цель нашего дневного перехода. Разбиваем палатку и устремляемся к водопадам на теплой речке. Вода в ней действительно теплая, так как она берет начало у теплых ключей. С каким удовольствием окунулись в эту прекрасную речку, искупались до посинения, смыли грязь и многодневный пот, пришли к выводу: — Это лучше Московских Сандунов.

Утром встаем рано и без завтрака идем в Жупаново. Тропа отменная, и в 11 часов мы прибываем в лагерь туристов Жупоново. Нас здесь снова встречает Светлана, которая вернулась с плановыми туристами из «Долины Гейзеров» и у неё есть передышка до следующей группы. А у нас день на отдых и подготовку для восхождения на действующий вулкан «Карымский».

На следующий день группой уже в составе пяти человек уходим, как и первый раз под проливным дождем, на Карым. Пятым человеком нашей группы стала Светлана, которая с большим трудом уговорила Романа на это путешествие. Она резонно убеждала нас в том, что побывать на Камчатке и не увидеть действующий вулкан, большая потеря для нее. Тем более, что она свободна 10 дней. Мы втроем были согласны взять её в поход, а Роман опасался этого, зная из опыта, что подъем на вулкан будет достаточно сложным и как она преодолет этот подъем, он не уверен. Утром он все же согласился взять её с нами. Радость Светланы была нескрываемой.

Идем до роши пихты Грациозной, говорят, что это уникальная пихта, которой больше нигде нет в мире. Но нам показалось пихта, как пихта обыкновенная. Далее идет строго на запад хорошая тропа. За день отмахали километров 35 пути и остановились на ночлег. По пути шли по снежнику, где был небольшой ручей, что позволило нам набрать воды для приготовления пищи.

Утром продолжаем двигаться к вулкану, дождя нет, иногда даже проглядывает солнце. Преодолеваем перевал и идем по сухому руслу какой-то реки к «Сухому» озеру. К 3 часам дня достигаем «Сухое» озера. И тут слу-

чилось то, что мы все боялись. Дима и Светлана совсем близко увидели хозяина этих мест — бурого медведя, который быстро рванул в лес. Светлана, которая никогда не видела медведя, жутко испугалась и ночью попросила подкрепления в свою палатку. Мы выделили ей холостяка Диму.

Утром начинаем обратный путь в лагерь. Двигаемся очень быстро, потому что рюкзаки почти пустые, да и многодневные переходы придали нам закалку и опыт. По дороге подстрелили несколько куропаток и на ужин у нас были куропатки табака, чудная пища.

С «Сухого» озера открылась панорама на Карымский вулкан, но виден был он не весь, так как вершина его была скрыта облаками. От озера идет хорошая тропа на перевал в кальдере вулкана. Подъем заканчиваем по снежнику и дальше идем по хребту по высокой траве. А кругом очень ровные пологие склоны, прекрасные места для катанья на горных лыжах. Справа виден вулкан и огромные массы лавы. С вершины под вулканом замечаем домик, в котором мы решаем остановиться на ночлег. Путь до домика был не простым, пришлось преодолеть кустарниковые дебри и высокую траву. Но этот путь принес нам и удачу — Дима подстрелил огромного зайца, которого увидела Света. Приходим к домику около 8 вечера, прошли за день более 30 километров.

Домик вулканологов стал для нас очень уютным и приятным уголком, где мы прожили 2 дня. Растопили печь, приготовили ужин, в виде тушеной зайчатины, Роман решил испечь блины и накормить всех до отвала. Ужин прошел классно, тушеного зайца и горку блинов уничтожили в миг. А после были песни, байки, разные истории и так до 2 часов ночи.

Утром кругом сильный туман и выходить на вулкан не решаемся. Туман рассеялся лишь к 10 часам, после чего мы начинаем восхождение на Карым. Подходы к вулкану великолепны и это вселяет в нас уверенность в успехе. Но сам подъем довольно крутой 40–45 градусов. Под ногами шлак и камень, которые осыпаются при движении. Пожалуй впервые за все время похода Светлана не выдерживает темп движения и отстает от нас. Но подъем все усложняется, становится ещё круче. Очень опасны камнепады, поэтому идем гуськом, след в след, который нам прокладывает Фаим. Через три часа достигаем вершины вулкана. Как здорово на верху кратера наблюдать панораму Камчатки. Сегодня выдался чудесный солнечный день, видимость исключительная, как говорят в авиации «миллион на миллион». Кратер вулкана дышит и извергает лаву и клубы пара, сильно пахнет серой. То в одном, то в другом месте вырывается раскаленный горячий воздух и в этих местах становится жарко, как в парилке. Роман и Дима решают спуститься в кратер, который имеет достаточно большую глубину, с риском для себя. Мы с Фаимом страхуем их с помощью веревок. До самого дна кратера они спустятся

не смогли, так как там очень трудно дышать воздухом с примесью серы. Но все же съёмки внутри кратера сделать им удалось.

Вдруг на другом склоне кратера мы замечаем группу из нескольких человек. Встретились, познакомились. Оказывается, в это же время совершила восхождение группа туристов из Таллина. Как говорят, мир тесен. Даже здесь на вулкане, на краю света встретили землян.

На самой вершине сложили каменный тур, куда вложили послание следующим покорителям вулкана.

Не обошлось без песни. Это был триумф Фаима, Своим могучим голосом он пропел арию Мефистофеля, горы качались в изумлении, вулкан вторил мощным эхом и мы стояли столбами, слушая этот апофеоз Фаима.

После этого начали спуск, который был менее сложным, чем подъем. Поэтому уже через полтора часа мы были внизу. Идем по берегу Карымского озера и — о чудо — Дима подстрелил зайца, из которого мы приготовили прекрасное жаркое.

Обратный путь в Жупаново оказался легким и быстрым, так как рюкзаки были уже пустыми, да и длительные переходы принесли свои результаты, сказывалась хорошая тренировка по сложным подъемам и спускам с тяжелыми рюкзаками. Придя в лагерь, мы узнаем, что теплоход прибывает сюда именно сегодня вечером и мы, собрав вещи, идем на причал, чтобы сесть на этот теплоход.

Место причала обозначено лишь деревянными мостками на берегу Тихого океана. К теплоходу же, который будет стоять на рейде, нас должна доставить баржа. И вот мы на крутом берегу океана в ожидании теплохода на скамейке накрываем прощальный стол, выложив из рюкзаков остатки продуктов, и к нашему удивлению, Роман вынимает из рюкзака флягу со спиртом, которая была очень нужна в этот момент прощания с удивительным Кроноцким заповедником с Долиной Гейзеров. Подняли тост за благополучное завершение этого сложного во всех отношениях похода. Вместе с нами подняла тост и Светлана, которой было очень грустно расставаться с нами, мы очень сдружились и поклялись встречаться и в Ленинграде и в Москве. Но она еще оставалась в Жупаново. Она органически вписалась в наш коллектив, оживив наше мужское общество своей молодостью, энергией и, конечно же, песней. На тоже было грустно расставаться с ней.

Роман затянул песню, где были такие слова:

— Кончен поход без единого трупа,

Не пора ли собраться всей группой

Опрокинуть стаканчик-другой, хмельной!

Теплоход «Петропавловск» прибывает во время, и мы довольные занимаем, выделенные нам каюты. Утром приплываем в Петропавловск-Камчатский. И тут же отплываем во Владивосток.

3 сентября мы приплываем во Владивосток — столицу Приморского Края и жемчужину Тихого океана. Устраиваемся в гостинице и начинаем знакомство с городом. Но нас, привыкшим к странствиям, влечет не гладь асфальта, а шум тайги, бухты и пляжи. Поэтому мы знакомимся с прекрасными бухтами, которые расположены недалеко от Владивостока. Это Тигровая бухта и бухта Шамора, расположенная в 40 километрах от города. Туда мы едем автобусом. Бухта понравилась нам чистым белым песком, прозрачностью вод океана, где мы ловили крабов, морских ежей и морских звезд.

Таких бухт на Камчатке мы встречали очень много. Тигра уссурийского нам встретить не удалось, как нам обещали, видимо отлеживался в это время далеко в джунглях.

7 сентября самолетом мы возвращаемся в Москву. Так закончилось наше удивительное путешествие на край нашей Великой страны, с гордым названием Советский Союз, на Камчатку в Долину Гейзеров — одно из чудес света.

Примерно через две недели я смонтировал фильм, сделал фотографии, отработал свой камчатский дневник и мы собрались у меня, чтобы встретиться вновь после такого интересного путешествия на Камчатку. Всем пришелся по душе фильм, заснятый мной. А я вспомнил, сколько было мороки с этими съемками. Все идут вперед, а я увидел интересный вид Камчатки и стараюсь отснять его, а группы уже не видно за поворотом и спешно приходится нагонять её. И так весь маршрут. Зато как приятно увидеть всех в самых сложных ситуациях, и красоты этого удивительного края нашей страны. Особенно поразили съемки нашего маршрута по берегу Гейзерной речки. Нам то и дело приходилось переходить с одной стороны реки на другую. И вот при одном переходе берег реки был крутым и покрыт каменными плитами, гладкими и скользкими. Поэтому было принято решение всем идти верхом. Но Дима оказался самым строптивым и самостоятельным. Мы не успели отреагировать, а он уже карабкался по береговой круче, цепляясь руками за небольшие выступы камней. У нас душа ушла в пятки, и мы с ужасом наблюдали эту безумную картину. Если он свалится, всё, конец, так как могучий поток горной реки Гейзерной унесет его, и он не сможет спастись. Но, о Чудо! Он перебрался с большим трудом на ту сторону. Ему и нам крупно повезло. А я, заснял этот эпизод, как факт безумия Димы. Воспоминаниям и песням не было конца, и мы разошлись глубоко за полночь.

А через некоторое время я еду в Ленинград в командировку и, конечно, был приглашен Светланой, посетить их дом. Что я и сделал. Показал фильм, передал массу фотографий и также, как в Москве, мы долго вспоминали Камчатку и Долину Гейзеров.

КБПМ

45-дневный отпуск закончился и мы с Роман Николаевичем вернулись на службу в 23 ВП МО. За время отпуска был решен вопрос о руководителе военной приемки. На эту должность был назначен подполковник Острейко Геннадий Сергеевич, ранее работающий в войсках, и о полупроводниковых приборах имел весьма смутное представление. Но начальству видней и он рьяно приступил к исполнению обязанностей руководителя приемки. У нас сразу не сложились с ним отношения, так как ему явно не хватало знаний в области полупроводниковой электроники, да и салдафонские методы его работы, меня не устраивали. Руководство завода и цехов чаще всего для решения вопросов обращалось ко мне, а это не устраивало Острейко. Вскоре я понял, что мне нужно уходить из этой приемки в другое место службы. И это произошло довольно скоро. Командование Управления предложило мне должность руководителя вновь образованного военного представительства в конструкторском бюро полупроводникового машиностроения с заводом, которое было расположено буквально рядом с Пульсаром. Я дал согласие на перевод в это КБ.

КБПМ создавалось в свое время как КБ для разработки и производства технологического оборудования для электронной промышленности. И здесь были разработаны новейшие машины для обработки кремниевых пластин (шлифовки, резки), производства фотошаблонов для интегральных микросхем, оборудование для сборки ИМС и много чего другое. Но в конце 60-х годов КБ была поставлена задача — освоить разработку и производство линейных интегральных микросхем. Более того, эта продукция должна была поставляться на оборонные заводы, которые делали вооружение и военную технику.

Функционально КБ входило и подчинялось Научному Центру, который находился в Зеленограде.

В конце 50-х и начале 60-х годов в развитых странах, прежде всего в США, появляются совершенно новые изделия — интегральные микросхемы, которые пришли на смену полупроводниковым приборам. Впервые сообщение американского ученого Килби о создании в одном кристалле кремния нескольких транзисторов и резисторов появилось в конце 1959 года. В то время электронной промышленностью руководил А. И. Шокин. Он был талантливым инженером и организатором. Во время Великой Отечественной войны он занимался созданием новейших систем вооружения и, некоторое время, находился в США, организуя закупку военной техники для нашей армии. Вот как о нем рассказывает его

сын Александр Александрович Шокин в книге «Министро невероятной промышленности»:

— Александр Иванович Шокин (1909–1988) по праву входит в плеяду государственных деятелей, которые несмотря на разрушительную агрессию гитлеровской Германии, экономическую блокаду вывели страну в лидеры мировых индустриальных держав.

Сегодня зачастую электронную промышленность преподносят как пример безвозвратной утраты России, возродить которую не удастся уже никогда. Однако в середине 50-х годов прошлого века пропасть, разделяющая уровни электроники в США и СССР, также казалась непреодолимой. Решить задачу по созданию электронной промышленности, обеспечивающей потребности страны на принципах разумной достаточности, поручили А. И. Шокину — и он с этой задачей справился.

В течение почти четверти века он был министром, и под его руководством электронная промышленность до минимума сократила разрыв от лучших мировых достижений, а то и превзошла их, увеличила объем выпуска продукции более чем в сто раз.

Исключительные личные качества «Министра невероятной промышленности»: острый ум, аналитичность мышления, безукоризненная память, внимание, умение мобилизовать людей и настоящий государственный интерес обеспечивали отечественной ЭП рекордно высокие темпы развития.

А. И. Шокин — истинный патриот России, внесший вклад не только в достижение военного паритета с США, но и с социально-экономическое развитие страны.

Он понимал важность поддержки новых направлений электроники и, начиная с 1959 года, начал отправлять молодых специалистов в США и Европу. Это были: Трутко А. Ф., впоследствии директор НИИ Пульсар, Малин Б. В. — впоследствии начальник отдела по разработке интегральных микросхем в НИИ Пульсар, позже главный инженер КБПМ, Стружинский В. А. — организатор развития технологии ионного легирования и технологии электронного луча, впоследствии посмертно Лауреат Ленинской премии, Круглов И. И. позже главный инженер НИИ «Сапфир», Цветов В. П. впоследствии руководитель СКТБ «Светлана» и ряд других молодых специалистов, внесших огромный вклад в становление электронной промышленности.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 8.08.1962 г. началось строительство комплекса предприятий электронной отрасли в Зеленограде — Центра Микроэлектроники — с серией НИИ и опытных заводов. К 1966 году в состав научного центра входило 6 НИИ и 5 заводов при НИИ и Дирекция НЦ. В том числе:

- НИИ микроприборов (НИИМП) и завод «Компонент».
- НИИ точного машиностроения и (НИИТМ) и завод «Элион».
- НИИ точной технологии (НИИТТ) и завод «Ангстрем».
- НИИ материаловедения (НИИМВ) и завод «Элма».
- НИИ молекулярной электроники (НИИМЭ) и завод «Микрон»
- НИИ физических проблем (НИИ ФП).

Директором Центра был назначен Ф. В. Лукин, заместителем по науке – Ф. Г. Старос. КБПМ, хотя он находился в Москве, но был неотъемлемой частью Научного центра. Во всех НИИ и заводах Научного центра были образованы военные представительства, в том числе и в КБПМ. Был также образован институт подготовки специалистов – МИЭТ, который выпускал специалистов разного профиля для электронной промышленности. Таким образом, в 1960 годах был создан аналог Кремниевой долины в Калифорнии США.

Причем, технология производства интегральных микросхем началось с обработки кремния и заканчивалось созданием новейшей аппаратуры на базе ИМС для ракетно-космической техники, прежде всего. Уже к середине 60-х годов практически вся радиоэлектронная аппаратура, и в первую очередь электронное оборудование ракет и космических объектов, военной техники, вычислительной техники, промышленной электроники, радиолокации и радионавигации, измерительной техники и автоматики разрабатывалась и выпускалась с применением интегральных схем и полупроводниковых приборов.

В Научном центре реализацией достижений микроэлектроники занимался НИИМП и завод «Компонент» под руководством директора Г.Я. Гуськова. Разработанная ими аппаратура превосходила соответствующие американские аналоги. Самой яркой разработкой тех лет был пульт управления космического корабля, на котором летали наши первые космонавты.

В декабре 1969 года районным инженером полковником Яковлевским К.В. я был представлен руководству КБПМ как руководитель военного представительства 4928 ВП МО. Генеральный директор КБ Амельчаков Н. П. выделил мне приличное помещение для кабинета, где и разместились мы с секретарем. А 10 января 1970 года появился приказ № 1, где был всего один пункт: «Приступил к исполнению обязанностей руководителя 4928 ВП МО». И моя подпись.

Вот так родилось новое военное представительство, на котором я проработал семь лет до 1977 года.

На КБ была возложена задача по разработке линейных интегральных схем, для радиоэлектронной аппаратуры, прежде всего, специального назначения. Это операционные усилители, всевозможные каскадные

и каскодные усилители, дифференциальные схемы, практически, весь спектр известных линейных схем для связной, телевизионной, радиолокационной аппаратуры. К моему появлению в КБ специалистами были сданы Государственной комиссии под председательством представителя 22 ЦНИИ МО ряд схем, серии 122, которые требовали серийного освоения и поставки на оборонные заводы. Это была главная задача ВП.

Для меня наступила очень ответственная пора — комплектование штата приемки. Конечно, к великому огорчению Г. С. Острейко, я воспользовался специалистами приемки из Пульсара, потому что многих инженеров и техников в эту приемку нанимал я, будучи временно исполняющим обязанности руководителя ВП. И в первую очередь я пригласил на должность военпреда в свою приемку младшего военпреда Шаевича Владимира Игоревича, которому была предоставлена возможность поступить в Харьковскую Академию на заочный факультет, и он её закончил, получив высшее военное образование.

Пригласил также двух техников и двух инженеров из Пульсара. Кроме того, как практиковалось, нам были прикомандированы от завода несколько человек, которые исполняли роль техников. К середине 1970 года завершились все испытания по освоению микросхем серии 122, и началась отгрузка микросхем оборонным предприятиям. Это была одна из первых линейных интегральных схем, с малым уровнем интеграции — до 20 элементов на кристалле (транзисторов, диодов и резисторов). И это был большой успех КБПМ, так как ранее они не занимались ИС. А дальше, больше. В 70 годах разрабатывались важнейшие ракетные комплексы для ПВО Страны и космических систем, которые требовали полной безотказности комплектующих элементов, применяемых в этих системах. Правительством в министерстве общего машиностроения была создана Межведомственная Комиссия по разработке и сопровождению важнейших космических программ и ракетной техники, которую возглавил заместитель министра Общего Машиностроения Бальмонт. В эту Комиссию вошли все Генеральные конструкторы ракетно-космической техники, представители Министерства обороны и других ведомств. В том числе: академики Пилюгин, Б. В. Бункин, Рязанский, Сергеев, Кузнецов, от МО генерал-полковник Р. П. Покровский, генерал-лейтенант П. И. Сугробов, генерал-майор В. П. Балашов и др. Комиссией была поставлена задача: начать производство интегральных микросхем и других полупроводниковых приборов с индексом «ОС» (особая серия — приемка 9). В перечне приборов, утвержденных этой Комиссией, значилась и ИМС серии 122. Причем, сроки освоения этой серии были весьма жесткими. 22 ЦНИИ МО разработало «Специальные общие технические условия приемки изделий с индексом «ОС».

Начиная эту работу, руководство КБ: генеральный директор Н. П. Амелъчаков, главный инженер Б. В. Малин, директор завода В. А. Щеглов, главный инженер завода С. Г. Аракелян, главный контролер КБ Р. С. Шаров, главный конструктор Н. Т. Займовская и другие специалисты и мы даже не представляли насколько это сложная задача — добиться полной безотказности изделий на всех видах испытаний: и в условиях повышенной и пониженной температур, повышенной влажности атмосферы в том числе, морского тумана, при механических воздействиях (ударах и вибрациях) и самое основное — электрических испытаниях в условиях повышенных нагрузок в течение 500 часов.

Вначале технология производства ИМС ОС велась на обычных линейках, в цехе, где велась сборка приборов ВП, ужесточались лишь нормы отбраковки ИС. Первые результаты испытаний на этих приборах были неудовлетворительными. И так мы повторяли еще два раза. Результат был тот же.

В этой ситуации военная приемка предложила разработать технологию производства приборов ОС с выделением наиболее важных операций, влияющих на качество с ужесточением требований к материалам, используемым в технологии, особенно золотой проволоки, корпусов, кремния и фотошаблонов, используемых для фотолитографии. На фотошаблоны, выпускаемые КБ, была введена военная приемка.

Была также разработана система отбора лучших кадров для сборки ИМС ОС. Эта система предусматривала аттестацию всех сотрудниц, участвующих в сборке ОС. Причем, им устанавливались заниженные нормы выработки, по сравнению с ВП и оклады повышались в два раза. Каждой сотруднице выдавалось удостоверение на право работать с приборами ОС. Кроме этого предусматривались и другие льготы для этих сотрудниц: отпуск только летом, место в детском саду для ребенка, путевка в пионерский лагерь, самое главное, 7 часовой рабочий день.

Всю эту работу выполняла специальная комиссия под председательством главного инженера завода С. Г. Аракеляна, куда также входили руководитель ВП, главный контролер, главный конструктор и другие специалисты. Комиссией было разработано «Положение о производстве приборов с индексом «ОС», котором предусматривались льготы, о чем сказано выше, а также предусматривались санкции в случае нарушения сотрудницей технологии сборки «ОС». При первом нарушении технологии сотрудница лишалась премии, а при втором нарушении — её лишали права работать на линейке ОС, что было трагедией для неё. После этого следовала сдача вновь Комиссии зачета на право работать на линейке ОС.

С волнением запускаем новые партии и ждем результатов испытаний. На всех видах испытаний, а их было более 20, были получены ну-

левые отказы. Таким образом, освоение ИМС 122 серии прошло успешно и в установленный правительством срок. Это была большая победа коллектива КБ, завода и военной приемки. Как оказалось, наши изделия поставлялись для сборки ракетной системы С-300 и других ракетно-космических систем для покорения Космоса.

Правительство высоко оценило своевременное и качественное освоение ИМС серии 122 с индексом ОС, наградив орденами и медалями 40 сотрудников КБПМ и завода. Несмотря на огромную работу, проделанную сотрудниками военного представительства, в освоении этой серии и открытии приемки 9 по этой серии, никто из наших сотрудников не был отмечен правительственными наградами, несмотря на ходатайство генерального директора Н. П. Амелчакова перед командованием 16 Управления МО. В те годы это не было принято.

Однако работа по совершенствованию технологии производства изделий с индексом «ОС» продолжалась. Была введена военная приемка на заводах, выпускающих различные материалы, используемые в производстве приборов «ОС», в том числе, на золотую проволоку, кремниевые пластины, фоторезисты, корпуса для сборки ИМС и другие материалы. Наше ВП установила самые тесные связи с этими заводами, и в короткий срок существенно улучшилось качество поставляемых нам материалов.

За многие годы поставок изделий с индексом «ОС» мы практически не имели претензий оборонных заводов по качеству их, хотя другие заводы постоянно критиковались за низкое качество, выпускаемых ими изделий «ОС».

Вспоминается мне участие в Межведомственной Комиссии МОМ по поводу качества изделий с индексом «ОС». Меня на эту Комиссию пригласил начальник 16 Управления МО генерал-лейтенант П. И. Сугробов. В назначенный день я прибыл в МОМ для участия в этой Комиссии. На Комиссии присутствовали все Генеральные конструкторы ракетно-космической техники — это Н. А. Пилюгин, М. С. Рязанский, В. И. Кузнецов, В. П. Глушко, руководство 16 Управления МО и 22 ЦНИИ МО, директора заводов, выпускающих изделия с индексом «ОС», руководители военных приемок на этих заводах. Критика Главных конструкторов по низкому качеству некоторых изделий была весьма жесткой. Особенно мне запомнилось выступление Н. А. Пилюгина в адрес руководства Фрязинского завода полупроводниковых приборов (ФЗПП), который сказал:

— За такое низкое качество ваших изделий, в Великую Отечественную войну ставили к стенке. А кто у вас военпред?

Поднимается руководитель военного представительства ФЗПП полковник Ковалев Ф. В. Здоровый, крепкий мужик ростом 1,85 м.,

но в этот момент он выглядел жалким, растерянным и смог лишь сказать высокому собранию:

- Исправим положение с качеством «ОС» в короткое время.
- Ладно, поверим, — сказал Пилюгин.

У меня не могло не вызвать удивления, отсутствие претензий к нашим изделиям, Значит жесткая система работы по изделиям с индексом «ОС», внедренная по нашей инициативе на заводе, принесла хорошие результаты. И те споры, которые мы вели с технологами, конструкторами ИМС, поставщиками комплектующих материалов и изделий не прошли даром и дали хороший результат.

Не могу не назвать инженеров, техников военной приемки, которые активно работали по улучшению качества всех ИМС, в том числе и изделий «ОС». Это В.М. Колесников, Е.В. Деменьева, В. Беляева, В. Кирилова, Т. Малахова (очень рано ушла из жизни), и конечно, мой заместитель — Шаевич В. И.

Не считаясь с личным временем, они активно включались в любую работу, которую предстояло делать сегодня, и делали её с душой качественно и надежно, что ценилось не только у руководителя ВП, но и у заводских сотрудников. В полном смысле сотрудники ВП пользовались большим авторитетом на заводе и в КБ.

Желая поощрить усердие и хорошую работу коллектива, для всего коллектива устраивались периодически «Дни здоровья». Это был хороший отдых в Тишково, где была база отдыха КБПМ. База отдыха располагалась на берегу Пестовского водохранилища. Это огромное водное пространство, и мы с удовольствием ходили там на водных лыжах. Водными лыжами я увлекся ещё на Пульсаре. Мы там отремонтировали катер и ходили на водных лыжах на Измайловских прудах. Впечатление неопишное, несёшься с огромной скоростью, получая огромное удовольствие.

А зимой мы выезжали к кому-нибудь на дачу, чтобы покататься на санках с горки и лыжах. Это сближало коллектив и приносило большую пользу в работе, потому что часто к нам присоединялись руководители завода и КБ. Вспоминается выезд на дачу перед новым 1973 годом. На электричке доехали до Малаховки и быстро дошли до дачи, которая была совсем рядом со станцией. В эту зиму снега было очень много, и все желающие встали на лыжи и устремились в лес, который манил своей загадочной красотой. А кто не пожелал стать на лыжи остался на даче для того, чтобы накрыть предновогодний стол. Я был вместе с лыжниками и первым прокладывал лыжню для всех остальных. Накатавшись вдоволь, мы возвращаемся на дачу — все краснощекие и довольные такой интересной прогулкой.

На даче все было готово к нашему приезду. Стол ломился от яств, вин и закусок. Тамада В. И. Шаевич ставит на стол кастрюлю с пуншем и, наполняет вином каждому бокал, поджигая его. Поднимается тост: — За успешное завершение уходящего года, — гасится свет и пьется пунш. Как тут не вспомнить А. С. Пушкина: — И пламень пунша голубой. А дальше были танцы при свечах и наши любимые туристические песни, которые мы пели всем коллективом. Особенно всем нравилась песня, которую нам напел Р. Н. Виноградов — «Сырая тяжесть сапога, роса на карбине...». Довольно поздно возвращаемся на электричке в Москву.

Несмотря на хорошее качество изделий ОС, случались претензии предприятий-потребителей ОС. И в этом случае для разбирательства на месте должны были выезжать руководитель военной приемки и главный инженер КБ или завода.

Летом 1973 года я получил рекламационный акт на один из типов изделия 122 серии с индексом ОС. Доложил командованию и получил приказ лично выехать в Саратов вместе с главным инженером КБ. Звоню Борису Владимировичу Малину по этой Саратовской рекламации, а он мне говорит:

— Ян Васильевич, спускайся вниз, я как раз купил новую машину и мы обкатаем её.

— Ничего себе, — подумал я, но согласился поехать с ним на машине, так как знал его как хорошего опытного водителя. И вот через час мы уже выезжаем на Рязанское шоссе и едем в Саратов. Он взял в эту поездку своего зама И. В. Байдалинова.

А то лето было очень жарким и подмосковные леса горели со страшной силой. Мы сразу почувствовали это, как только выехали загород. И нас весь день преследовала дымовая завеса, что затрудняло дыхание. Вечером после легкого ужина решили передохнуть прямо в машине. Проснулись рано, и в путь.

Часа в четыре дня мы были в Саратове на заводе, который делал гироскопы. Нам были предъявлены ИМС, которые вышли из строя, брак был у всех один и тоже — пробой по контактам питания. Мы попросили у главного инженера завода (он работал с нами) принципиальную схему подключения ИМС в устройстве. С ехидной улыбкой они передали нам несколько рулонов схем. Мол, все равно не разберетесь.

Мы разложили эти схемы на пол и детально начали смотреть, как питаются наши схемы?

Мне это не составляло труда, так как радиолокационные станции, которые я изучал и эксплуатировал, достаточно сложные устройства. Нам удалось определить, что в отдельные моменты (при запуске, например) могут появляться броски напряжения до 50 вольт. А наша схема

по техническим условиям способна выдержать лишь 30 вольт. Кроме того, рабочая частота в устройстве значительно превышала допустимую частоту нашей ИМС. Наш приговор был суров — применять схему в этом устройстве нельзя. Трудно описать огорчение специалистов завода этим нашим выводом. Мы посоветовали конструкторам применить ИМС серии 175, которая удовлетворит и по напряжению питания и по частоте. Причем, мы обещали поставить эти микросхемы в кратчайший срок.

Все это было занесено в протокол и реализовано в этом же году. Руководство завода было благодарно нам за глубину анализа и оперативную поставку новых ИМС.

Далее наш маршрут следовал в Воронеж, на Воронежский завод полупроводниковых приборов. Б.В. Малин был в хороших отношениях с Генеральным директором этого завода В.Г. Колесниковым (будущим зам. министра электронной промышленности и затем министром) и ему хотелось познакомиться с теми новинками технологии, которые они успешно внедряли. По карте выбираем маршрут следования из Саратова в Воронеж, замечаем по карте шоссе союзного значения и решаем ехать по ней. Вначале это действительно была хорошая асфальтированная дорога. Но она кончилась примерно через 50 километров и дальше пошла улучшенная грунтовая дорога. Вот так история? Дорога союзного значения. Пока не было дождя мы, ехали довольно прилично. Но затем пошел дождь, и дорога постепенно стала превращаться в месиво. Скорость упала до 30–40 км/час, появилась опасность съехать на обочину и там засесть основательно. Утешало лишь то, что до Воронежа оставалось примерно 50 километров. И, о чудо! Мы выезжаем на отличную бетонную дорогу, которая ведет нас прямо в Воронеж. Вот верх очковтирательства — 50 километров от Саратова имеется хорошая дорога и 50 километров от Воронежа хорошая дорога, а 250 километров — простая грунтовка!

Встретили нас на заводе очень хорошо, Нам были показаны последние достижения в области микроэлектроники, особенно в строительстве цифровых вычислительных машин. Они опережали многие предприятия министерства по этому направлению.

САХАЛИНСКИЙ ОТПУСК

О, страсть к путешествиям и странствиям! Как по разному люди воспринимают желание к перемене мест:

Одни, во чтобы то ни стало, хотят увидеть те места, где жил обожаемый и почитаемый ими писатель, художник, поэт — известные люди — им хочется подышать тем воздухом, которым дышал их кумир;

Вторые же хотят увидеть новые города, ибо каждый из них имеет свой облик, колорит, традиции и тем интересен;

Третьи стараются в путешествиях найти себя, даже может быть уйти от постоянного обыденного, каждодневного однообразия жизни, желая новых встреч с людьми, широко распахнув при этом свою душу, и стараются делать людям добро. Да мало ли причин ехать за тридевять земель даже, если просто «за туманом».

Но в этом рассказе совершенно особый случай, который поражает своей искренностью, верой в добро и порядочность, большой любовью.

Ну, да все по порядку.

В тот год у меня не сложилась поездка в очередной поход с моими верными друзьями еще по Камчатке и другим путешествиям. Они уехали на Алтай, чтобы совершить сложнейший спуск на надувных плотках по реке Катунь — реке сложной порожиистой, с крутым норомом, имеющей около двадцати порогов. Экипажи трех плотов были назначены заранее, еще с осени, и в один из экипажей плота был зачислен и я, так как был подготовлен к такого рода водному туризму. Но в назначенное время отъезда группы, я не получил отпуск (что поделаешь — служба) и этот интересный во всех отношениях поход, для меня сорвался.

И вот я остался в Москве один из экипажа.

Спустя некоторое время после отъезда ребят на Алтай, я получаю отпуск и принимаю решение ехать на Сахалин — край земли Российской. Сахалин давно привлекал меня своей отдаленностью, загадочностью, большим разнообразием фауны и флоры, обилием рыбы и морепродуктов.

А. П. Чехов в далекие годы начала века побывал на Сахалине и написал прекрасную книгу об этом крае, привез массу впечатлений, которые питали его все последующие годы.

Сахалин — крупнейший остров России, который протянулся с юга на север почти на тысячу километров. На территории Сахалина встретишь все. На севере Сахалина раскинулась заболоченная равнина, похожая на тундру, с редкими лиственницами, покрытыми мхом. Здесь порой можно встретить диких северных оленей. На юге Сахалина теплолюбивые лианы обвивают северные ели и пихты, а бамбук

создает непроходимые, сплошные заросли. Рядом соседствуют средне-русские пейзажи с белоствольными березами и сибирские с угрюмой хвойной тайгой.

Меж тем 40 процентов территории острова занимают горные хребты. Они не слишком высоки, но их много. Главная вершина острова, гора Лопатина, имеет высоту 1600 метров. А областная столица — Южно-Сахалинск — лежит у подножья Сусунайского хребта и ближайшая вершина рядом с городом — пик Чехова имеет высоту 1050 м.

Поездка складывалась очень благоприятно для меня. Воспользовавшись услугами аэрофлота, я в течение пятнадцати часов достиг этого острова с посадкой в городе Хабаровске. Мне тут же удалось устроиться в Южно-Сахалинске в туристическую гостиницу и, к большому моему удовлетворению, достать двадцатидневную туристическую путевку — по Южному Сахалину.

Путевка предполагала несколько этапов путешествий:

- вначале 8-дневный поход по сахалинским джунглям и горам;
- проживание в Южно-Сахалинске;
- выезд в Корсаков, Аниву и на озеро Тунайча.

Группа туристов была довольно пестрой по составу. Это и военнослужащие и просто любители путешествий мужчины и женщины. Но основной костяк группы составляли геологи — выпускники Томского политехнического института. Они собрались здесь в Южно-Сахалинске через 15 лет после окончания института. Это были хорошо подготовленные во всех отношениях люди, привыкшие к сложностям полевой работы, веселые и темпераментные, которые сразу создали атмосферу непринужденности, взаимовыручки и дружбы.

В нашей группе нельзя было не обратить внимание на одну очень молодую, милую и привлекательную девушку. Она держалась как-то в стороне от всех. По всему было видно, что она сугубо городской житель, никогда не бывала в походах и форма для туристов, которую выдали нам, сидела на ее прекрасной фигуре нескладно, мешковато. Она сковывала ее движения и мешала нормально идти. Ну и совсем нелепо на ее плечах выглядел рюкзак, здоровый, набитый спальником, продуктами и прочим туристским барахлом. У меня появилось невольное желание как-то помочь этой девушке, для которой поход был нелепейшим делом — она просто была не готова к этому.

Первый день похода был не очень сложным: геологи, привыкшие к таким переходам, летели стрелой впереди группы, затем шли все остальные, и в самом конце шла она, проклиная все на свете, и я чувствовал это. Мы все, как могли, помогали ей — практически, оставили пустой рюкзак, поделив ее вещи между собой, старались помочь при крутых

спусках и подъемах, при переходах через горные ручьи и речки. Но все время рядом с ней находился я, чувствуя ее усталость.

На привалах она сбрасывала с себя почти пустой рюкзак и валилась на душистую сахалинскую траву, чтобы обрести отдых и покой. Но привал кончался и нужно было снова идти: то по мокрому лугу, то через непроходимые джунгли бамбука, то через буреломы и каменные россыпи, то, преодолевая заросли сланника и каменной березы, карабкаться на перевал.

Видя с каким трудом она преодолевает поход, у меня часто возникла мысль: — ради чего эта хрупкая девушка, затратив очень большие деньги и преодолев запрет на въезд в эту зону, приехала сюда на Сахалин, купив путевку? Но ответа на этот вопрос я не находил.

Цель нашего путешествия была гора Шпамберга высотой более 1500 метров над уровнем моря и озеро Ястребок, которое было у подножья этой горы. Постепенно участники похода втягивались в суровую походную жизнь — все чаще раздавались песни, а уж на привалах, непременно под прекрасную игру на гитаре Фриды Гейн. Появилась улыбка и на лице очаровательной «скалолазки», которая с большим вниманием слушала незнакомые ей авторские песни, в том числе песни Владимира Высоцкого.

Так случилось, что мы с ней оказались в одной четырехместной палатке вместе с одной офицерской четой. Они приехали сюда из Карелии и вместе с нами восторгались красотами Сахалина. Но иногда говорили нам, что нет в Союзе прекраснее Карелии и

Соловецких островов. Они напели нам очень хорошую песню о Соловецких островах и мы часто у костра пели ее.

Так вот, после похода, ужина и песен у костра Марина (так звали эту девушку) забиралась в свой спальный мешок и моментально засыпала от усталости и впечатлений.

Через восемь дней, покорив гору Шпамберга и солидно порыбачив в озере Ястребок, в основном это был хариус, мы завершили наше путешествие и поездом вернулись в Южно-Сахалинск. Там нас устроили в гостиницу «Горный воздух», которая расположена в горах, в двух километрах от города. Однако туда можно подняться по канатной дороге, которой мы с удовольствием пользовались. С вершины горы, на которой расположен наш приют, открывается прекрасная панорама города с ровными улицами и множеством парков.

Каждый день мы совершали какие-нибудь экскурсии и походы, продолжая знакомиться с этим прекрасным краем нашей страны. За это время все мы ближе узнали друг друга и старались помогать друг другу во всем.

И вот однажды, когда была объявлена поездка в Корсаков, я заметил, как изменилась Мария. Она повеселела, все время оживленно щелкала за завтраком, ее глаза блестели — и по всему было видно, что эта поездка ее взволновала.

В автобусе по пути в Корсаков мы пели песни, рассказывали забавные истории, шутили. Мария тоже принимала участие во всем этом.

В Корсакове, а это самый крупный порт на Сахалине, мы предполагали побыть несколько часов и после обеда в местном ресторане вернуться в Южно-Сахалинск.

Перед уходом группы на экскурсию, Мария попросила руководителя отлучиться в город и вернуться к обеду в тот ресторан, где мы должны были обедать. Ей разрешили отлучиться, и она оставила нас.

После ее ухода мы с интересом познакомились с Корсаковым: смотрели в порту на сивучей, которые расположились на причалах, любовались достопримечательностями, познавали тайны производства агара из морских водорослей, неизменного компонента парфюмерного производства, просто с удовольствием ходили по скверам и паркам.

Обедали в ресторане «Океан». Когда обед подходил к концу, мы увидели Марию, которая подходила к ресторану. Ее невозможно было узнать: она как-то осунулась, сторбилась, во всем чувствовалось ее страдание. Куда делась улыбка и веселое порхание, которое мы все видели, когда ехали сюда в Корсаков.

— Что случилось? Кто тебя обидел? — спросил я, подойдя к ней.

Она как будто и не услышала вопроса, вся была углублена в себя, переживая что-то случившееся с ней.

Вскоре мы все расселись в автобус и поехали в Южно-Сахалинск. Мария забилась на последнем кресле, отрешенно глядя в окно автобуса.

А осенний Сахалин блистал всеми красками: это и желтеющие лиственницы, и красный лимонник, который как лиана обвивал разные деревья. Еще более яркий по расцветке клоповник (красника), плоды которого напоминают крупную клюкву, но покрытую нежным ворсом. Кругом много величавых коричневых дубов, на которых в огромном изобилии видны крупные желуди, в роскошных нарядах березы, осины, рябины и гордость края — голубая аянская ель, с ярко голубым верхом и зеленым низом каждой лапы. Все мы заворожено смотрели на это уникальное чудо природы, на этот карнавал красок. Все это великолепие освещалось ярким, теплым солнцем. Не хотелось ни разговаривать, ни петь.

Скоро мы уже были в городе в гостинице «Горный воздух». Перед ужином хотелось отдохнуть, и все разошлись по своим номерам.

В ресторане за ужином я не увидел Марию на ее обычном месте. Ее не было и в кинозале, куда мы пошли после ужина. Мне захотелось найти

ее, Я понял, что с ней случилась какая-то беда, связанная с посещением Корсакова. Я вышел из зала и стал спускаться вниз по дороге, ведущей в город. Быстро темнело. И уже через некоторое время все предметы исчезли, слились с общим фоном темноты. Почти у самого города я увидел силуэт человека, который шел мне навстречу. И хотя трудно было разглядеть в темноте лицо человека, я понял, что это Мария.

Она шла медленно, часто останавливалась и оборачивалась, как будто с кем-то прощалась далеким, невидимым. Затем вновь поднималась в гору, в наш «Горный воздух»

— Добрый вечер — сказал я, когда мы встретились. Ответ я не услышал, быть может его и не было. Мы теперь шли рядом, преодолевая довольно крутой подъем. Я не решался о чем-нибудь спрашивать Марию и мы шли молча.

А вот и домики нашей турбазы красивые, уютные, где мы провели несколько прекрасных дней.

Она не захотела идти к домикам, а прошла мимо, углубляясь в лес. Мне ничего не оставалось, как следовать за ней.

Пройдя немного, она села на скамейку, которая находилась на склоне горы. Я сел рядом.

— Что случилось? — как можно спокойнее спросил я.

— Я сейчас не могу ни о чем тебе рассказать. В другой раз.

Посидели молча.

— Уже поздно, пора быть в гостинице — сказал я.

— Да, идем.

Мы пошли на базу.

— Не провожай меня, я уже почти успокоилась — сказала она совсем тихо, — спокойной ночи.

— Спокойной ночи — пожелал ей и я.

Дни нашего пребывания на Сахалине подходили к концу. Не буду рассказывать подробно, как мы совершили облет Сахалина на самолете АН-2, как побывали на заводе по выращиванию молодняка кеты, кижуча, горбуши, как совершили восхождение на пик Чехова — самую высокую гору этого края, как катались на канатной дороге аж до самого трамплина для летающих лыжников зимой и другие забавы. Мария начала обретать прежний вид — веселой, молодой, красивой, беззаботной девушки. Быть может, этому способствовало мое постоянное внимание к ней, моя предупредительность и даже симпатия.

В честь завершения наших походов организаторы устроили нам прощальный ужин, подарив каждому по целому сахалинскому крабу. Обедение, да и только! Нежного, вкусного деликатеса ешь, сколько влезет. Да еще с хорошим вином. Пиршество и веселье достигло своего апогея.

От прежней грусти Марии не осталось и следа. За столом все пели замечательные песни: песня В. Высоцкого «В суету городов...» сменялась песнями Визбора, Городницкого, Ю. Кукина, Ножкина, Ады Якушевой и многих известных и неизвестных авторов. До поздней ночи продолжался наш прощальный ужин. Но всему приходит конец и далеко за полночь все разошлись.

А наутро намечался отъезд участников группы. Кто-то летел самолетом до Хабаровска, а я решил, как и некоторые другие участники группы, плыть теплоходом до Владивостока. Этот же вариант я предложил Марии и она, к моему приятному удивлению, согласилась.

— Я никогда не плавала не только в океане на теплоходе, но и вообще на пароходе и мне это будет очень интересно — сказала она.

Наступили последние часы нашего пребывания на Сахалине и трогательное прощание со всеми участниками этого события.

Медленно отплывает теплоход «Крильон» от пирса и удаляется в воды Тихого океана. Все дальше и дальше удалялся берег острова от нас и через некоторое время скрылся из вида.

Мы с Марией разместились в отдельной двухместной каюте этого прекрасного океанского лайнера, в которой имелось все необходимое для нормальной жизни.

После ужина в ресторане в компании двух семейных пар нашей группы мы возвратились в каюту. Быстро темнело. Свет включать не хотелось, и лишь иллюминаторы каюты светились искрящимся светом Тихого океана.

Мы забрались на верхнюю полку и сели рядом, чувствуя дыхание друг друга и прикосновение рук.

Молчание длилось не долго. Мария спросила меня:

— Расскажи о себе. Мы двадцать дней вместе, а я о тебе ничего не знаю.

— Хорошо — сказал я, слушай. Мне тридцать пять лет, женат, имею дочь десяти лет, словом, счастлив в жизни.

— Так я и знала — женатик! — ну и везет же мне на женатиков. Только недавно в Корсакове одного «похоронила». Снова женатик — с некоторым пренебрежением и вызовом сказала она.

— Причем здесь женатик — слабо возразил я — если честно, я не претендую ни на что. А что случилось у тебя с этим, как ты говоришь, женатиком из Корсакова?

— Все очень просто, как компот. Познакомились мы с ним два года назад, вместе отдыхали в Крыму. Буквально в день моего приезда мы познакомились, он тоже только приехал в Крым. И потом мы были вместе все 20 дней. Это были прекрасные дни: теплое, ласковое море, горы,

солнце и он рядом со мной высокий красивый парень. Что еще надо молодой девушке. Мы были счастливы и не заметили, как пролетел отпуск. Я полюбила его и, мне казалось, что он тоже влюбился в меня. Во всяком случае, он часто говорил об этом, целуя меня. Мы расстались с грустью и надеждой на будущую встречу. Он улетел на Сахалин, где он жил, а я в Орехово-Зуево, где был мой дом.

Затем началась переписка. Все это время он писал письма полные воспоминаний былых дней, тоски обо мне и желания встретиться вновь, чтобы никогда больше не расставаться. А однажды, это было прошлой зимой, он написал о том, что ему невозможно выехать на материк. Но вот, если бы я приехала на Сахалин, было бы очень здорово, мы бы устроили нашу жизнь на Сахалине лучшим образом.

Я потеряла покой. Что делать? Как уехать на этот очень далекий и к тому же закрытый остров?

Но в любви не бывает преград. Я узнала, что там, на Сахалине есть турбаза «Верхнее озеро» с 20 дневным путешествием по югу Сахалина. Так у меня зародилась мечта попасть на Сахалин, на эту турбазу.

Вся зима прошедшего года и нынешняя весна ушли на то, чтобы достать путевку. Одно дело, что это слишком дорого (но деньги я наскребла) и другое — нужно было еще получить пропуск туда. И что только не сделаешь ради любимого человека, чтобы только увидеть его. В конце концов, и путевка и пропуск на Сахалин были в моих руках.

Так я оказалась в вашей группе совершенно не подготовленная для таких сложных походов, тем более в горах. Спасибо всем и в первую очередь тебе за то, что помогли одолеть маршрут.

А когда я на крыльях прилетела в Корсаков, позвонила ему по телефону, он был ошарашен таким моим поступком. Мы встретились с ним, и тут я поняла, что приглашение сюда на Сахалин было его уловкой и игрой. Он знал, что мне невозможно приехать сюда. А я приехала. Я увидела, как исчезла его улыбка после первых минут встречи, как изменился взгляд полный тревоги и неуверенности в себе. Он признался мне, что женат, имеет детей и вряд ли он сможет бросить свою жену и детей и устроить, как обещал, жизнь со мной.

Вот и все. Мне здесь больше нечего было делать, и я убежала от него в полном отчаянии и в слезах.

Я тебе очень благодарна за то, что ты был все время рядом, сумел рассеять беду и снова вернул меня к нормальной жизни. Я счастлива, что встретила тебя!

А что мог ответить я. Что я женат и очень люблю свою жену и с нетерпением жду возвращения домой, что у меня очаровательная дочь, которая обожает меня и сильно привязана ко мне. А то, что я помог девушке

в трудную минуту, так это естественно для офицера, это в моем характере. Я молчал...

Через сутки мы были во Владивостоке. Мы устроились в гостинице «Океанская», что в центре города, и с удовольствием знакомимся с этим приморским городом. Он расположен на возвышенности, и когда поднимаешься на верх, открывается прекрасная панорама бухты «Золотой Рог» и Тихого океана. Любоваться этим зрелищем можно часами, что мы и делали.

Но я должен был навестить своего школьного друга — Олега Маслеху, с которым мы учились в Сыктывкаре, в школе № 12 и окончили ее в 1949 году. После окончания института он получил назначение в г. Находку, что недалеко от г. Владивостока. Находка расположена на берегу глубоководной бухты Тихого океана, что было идеальным местом для строительства огромного морского порта на Дальнем Востоке. И Олег Маслеха в год моего приезда туда, был назначен начальник строительства этого порта. Об этом я сказал Марине.

— Как, ты бросаешь меня? — спросила она.

— Нет, не волнуйся, это всего на два дня. Но я должен навестить друга, такой случай вряд ли когда-нибудь представится еще.

— Ладно, два дня терпимо, Но знай, я буду скучать без тебя.

И я автобусом уехал в Находку. Я не буду рассказывать о моем пребывании там, это особая история. Но скажу лишь о том, что я присутствовал при начале закладки этого порта, когда огромные бульдозеры завозили асфальт на строительную площадку и рабочие асфальтировали ее.

После моего приезда, мы купили билеты на самолет до Москвы и улетели из Владивостока. В Москве мы с Марией расстались.

Так закончилась эта удивительная история. Нельзя было не восторгаться этой чудной девушкой, этим хрупким созданием, бросившим все ради любви (как ей казалось) чистой, светлой и для каждого человека неповторимой.

Однако, как это часто бывает, история эта имеет интересное продолжение.

Когда мы расставались в Москве, мы обменялись телефонами. Марие было интересно посмотреть фильм, который я заснял на кинокамеру и готов был приехать в ее город — Орехово-Зуево и показать этот фильм о чудном острове Сахалин, о нашем путешествии по сложным тропам маршрута, о нашем возвращении во Владивосток на теплоходе «Крильон».

И прошло совсем намного времени, когда мне на работу позвонила Мария.

— Здравствуй! Я приехала в Москву и хочу тебя видеть. Если у тебя есть возможность, приезжай на станцию метро «Площадь революции» в 15 часов.

— Здравствуй! Я буду рад тебя встретить и подведу к метро в назначенное время.

Минут за пятнадцать до назначенного времени я был в метро на «Площади революции» у солдата с ружьем. А через несколько минут появилась и Мария, которую трудно было узнать. От девушки с туристской тропы не осталось и следа. Передо мной предстала

прекрасная модель с подиума, как говорят сегодня, в «обалденном прикиде». Она выглядела более чем хорошо, и я нутром почувствовал, что она хотела понравиться мне. И это действительно случилось со мной. Я не мог оторвать от нее своего взгляда.

— Здравствуй, Мария, — сказал я, протягивая ей букет роз.

— Здравствуй, мой спаситель. Я скучала без тебя и рада встрече.

— Я тоже рад.

Я заранее прикинул, где мы можем хорошо провести вечер и предложил Марие подняться на четырнадцатый этаж гостиницы Москва, в ресторан «Огни Москвы». Она согласилась с моим предложением, и мы на лифте поднялись в ресторан «Огни Москвы». Это был довольно популярный ресторан в центре Москвы, и мы часто бывали в этом ресторане. Заказали шампанское и хороший ужин. Подняли тост за прекрасный Сахалин, который познакомил нас и подарил массу впечатлений. Особенно вспоминался коллектив геологов из Тамска. Группа носила экзотическое название «Рвань». В группу входили: Фрида Гейн — виртуозный гитарист. Она знала сотни бардовских песен и хорошо их исполняла. Между прочим, мама троих детей, а ее муж Валентин был тоже с ней и разделял все сложности походной жизни. Далее, Коляденко Валера — сержант Хохмочка; Розалия — крупный специалист по интиму, мисс Насморк; Минаева Санька сгусток никому ненужной энергии; комиссар Гына; Адуся — болтуся, Верочка — завхоз. Вот они вносили в нашу походную жизнь задор, поддерживая слабых, и помогая уставшим, в том числе и Марие.

Вспоминали, как до самой ночи пели песни у костра, как сдружились друг с другом, и как нам не хотелось расставаться после окончания срока пребывания на Сахалине. Мария вспомнила, как мы плыли на теплоходе, вдвоем в каюте.

— Как мне было хорошо тогда на верхней полке, но я не знала, как должна поступать девушка в этой ситуации. Ну, да ладно, ты оказался настоящим мужчиной и это я оценила.

Время пролетело быстро, и наступила пора прощания. Я пообещал закончить монтировать фильм о нашем путешествии на Сахалин и показать ей этот фильм. Так мы расстались с Марией до будущей встречи.

Совсем скоро я проявил фильм, смонтировал его и с удовольствием показал его родным и знакомым. Фильм всем нравился, особенно осенняя Сахалинская природа настоящее чудо красок.

Где-то, через месяц нас собирают на сборы руководителей военных приемок в Павловском Посаде. А это совсем близко от Орехово-Зуево, где живет Мария. Я позвонил ей по телефону и сказал о возможной встрече. Она была очень рада моему звонку и сказала, что будет ждать меня. А я, как и обещал, взял с собою кинопроектор и фильм, отснятый на Сахалине. Сборы продолжались три дня, и у меня была возможность в один из вечеров уехать в Орехово-Зуево. По телефону мы условились, что она будет ждать меня на вокзале в условленное время. И вот я электричкой еду в Орехово-Зуево. Путь был недолгим, и уже через час я был на станции. Я вышел из вагона и сразу увидел Марию, которая скорым шагом направлялась ко мне. Она выглядела так же прекрасно, как тогда в Москве. Только, мне показалось, было больше волнения на ее лице.

— Здравствуй, долгожданный, мой! — воскликнула она.

— Здравствуй, — ответил я.

— Сейчас мы поедem ко мне, поужинаем, и ты покажешь фильм. Согласен?

— Конечно, согласен, — ответил я.

Автобусом мы доехали до ее дома. Мария провела меня в свою квартиру. Это была однокомнатная квартира в «хрущевской» пятиэтажке, довольно хорошо обставленная современной мебелью и множеством всяческих мелочей, создающих милый уют.

Я подготовился к этой встрече, захватив с собой все, что необходимо для праздничного ужина при свечах. Было и шампанское, и хорошие закуски, и икра, и торт, и красивый шоколадный набор конфет. Ужин прошел на славу, и затем я показал фильм, который вызвал не меньший восторг у Марии. Особенно нравились те кадры, где она карабкалась по горам в нелепом для нее туристском одеянии. Проговорив далеко за полночь, Мария уложила меня на диван, а сама легла в свою кровать.

Я уже засыпал, когда почувствовал, как она легла рядом со мной, горячо обняв меня за шею. Я, как нормальный мужчина, не мог не откликнуться на ее ласки. И мы утонули в страстных объятьях влюбленных. Так продолжалось довольно долго.

— Все, можно, но только не ЭТО, — сказала она с грустью, — ЭТО будет в мою брачную ночь. Такая моя странная для сегодняшнего времени позиция.

Честно говоря, я не помышлял ни о чем более серьезном и, хотя чувствовал дрожь ее тела, но после таких слов, поднялся и пригласил ее продолжить пиршество за праздничным столом, тем более свечи еще горели, создавая уют, и хорошее настроение. Ночь пролетела быстро, и рано утром я отправился на вокзал, а Мария отправилась на работу, так как ее смена на ткацкой фабрике начиналась в семь часов.

Ритмично стучат колеса электрички, пролетают мимо окон красивые подмосковные пейзажи и это все помогает осмыслить историю с этой девушкой. Меня поразило в ней огромное желание любви к человеку, с которым у нее случился курортный роман, она поверила ему, пустилась в далекое путешествие на Сахалин, и, когда получила полный отказ в их отношениях, не растерялась, собрала свою волю в кулак и вернулась к нормальной жизни. Этому способствовала хорошая обстановка в коллективе туристов, ну и мое сострадание к обиженному человеку. А на более серьезные отношения я не рассчитывал, имея хорошую семью, которую я любил. И я с удовольствием ждал возвращения домой, знал, что дома меня ждет любимая жена и очаровательная дочь и они мне дороги.

Так закончилась эта история и мое мимолетное отношение к Марии я не считаю фактом, заслуживающим осуждения.

ИМС ШАГАЮТ ПО СТРАНЕ

Руководство Минэлектронпрома, Научного Центра, предприятия изготовители ИМС показали, что проблема развития микроэлектроники — это проблема создания высокой технологии нового уровня, основа дальнейшего прогресса многих отраслей и решать её надо комплексно, рассматривая как национальную задачу.

К началу 70-х годов микроэлектроника перешла к созданию больших интегральных схем (БИС), содержащих более 1000 элементов на кристалле и стала основой создания всех радиотехнических систем. В том числе: в ракетно-космических систем, спутников серии «Космос», противоракетных систем С-300, радиолокационных систем, аппаратуры для самолетов, разрабатываемых в КБ Микояна, Сухого, Туполева, Яковлева, аппаратуры военно-морского флота. Все это потребовало подключения к разработке и производству ИМС новых НИИ, КБ и заводов, в том числе, практически, во всех Союзных республиках СССР.

Разработчики КБПМ за короткий срок выдали несколько серий новых интегральных микросхем — серию ВЧ усилителей 175, усилителей НЧ серию 148 и начали проектирование и производство нескольких серий телевизионных микросхем по программе микроминиатюризации радиоэлектронной аппаратуры.

Популярность линейных интегральных микросхем, выпускаемых заводом, катастрофически росла, и производственных площадей уже не хватало для удовлетворения всех заказов, да и ВП работало в напряженном режиме из-за недостатка штатных единиц.

В этих условиях МЭП принимает решение о строительстве филиала завода КБПМ в г. Ливны, Орловской области. А нам в штат приемки выделяются офицеры и служащие для этого филиала.

В строительстве заводов в электронной промышленности использовались модульные конструкции и поэтому заводы строились качественно и быстро. Уже через полгода в Ливнах был построен производственный модуль, и началась установка технологического оборудования в цехе по производству ИМС. И когда все было завершено, мы с Амельчаковым, Щегловым, Аракеяном и Шаровым на машине поехали в Ливны, для приемки завода. Наш путь лежал через г. Елец, в котором когда-то служил я. Нахлынули хорошие воспоминания об этих годах службы, тем более, что здесь в 1955 г. родилась моя дочь — Маргарита. Проехали аэродром, который был в запущенном состоянии, и сегодня уже ничего не напоминало о бурной летной работе 328 дивизии ПВО. А фруктовые сады были прежними — кругом обилие яблок, груш, слив и других фруктов.

Уже к вечеру мы были в Ливнах. Устроили нас в одной из квартир жилого дома, довольно уютной, и Владимир Александрович Щеглов взялся готовить ужин, что делал он прекрасно. Поужинав, отходим ко сну.

А утром едем на завод и видим полностью готовое производство по сборке ИМС. С самого начала нами было принято решение о том, чтобы в Ливны поставлялись готовые к сборке кремниевые пластины, и дольше у них продолжалась сборка ИМС. Что фактически и было реализовано. Мы привезли эти пластины, и при нас началась резка пластин на кристаллы, посадка кристаллов в корпус ИМС и дальше по технологии до завершения сборки и контроля электрических параметров. На первом этапе все испытания «ливенских» приборов и их клеймение штампом приемки ВП делалось в Москве, Но в дальнейшем весь технологический цикл производился в Ливнах. Уже первые испытания приборов, собранных в Ливнах, закончились положительными результатами. И это дало возможность заводу и ВП увеличить, примерно, на 30% поставки ИМС на оборонные предприятия.

В 70-х годах вопросами разработки и производства полупроводниковой электроники в нашей стране занимались десятки НИИ, КБ и заводов, имея определенную ориентацию по номенклатуре. И это было правильно, так как охватить все направления развития электроники на одном предприятии было невозможно. За короткое время были созданы, практически во всех Союзных Республиках, НИИ, КБ и заводы по полупроводниковой электронике.

Так, Киевский «Кристалл» одним из первых в стране разработал и освоил в производстве микропроцессоры 8 разрядные и 16 разрядные БИС, американские аналоги Intel 8080, Intel 8086, в приемке которых мне пришлось участвовать в качестве Председателя Государственной Комиссии.

Минский «Интеграл» принимал участие в программах «Память» и «Логика» и выпускал большое количество серий ИМС.

Заводы Научного Центра в Зеленограде захлебывались от объемов выпуска новых разработок и поставок на важнейшие оборонные заказы новых ИС и БИС. Поэтому производство ИМС передавалось на построенные в короткое время заводы в Баку, «Азон» в Тбилиси «Мион», в Вильнюсе «Вента», в Шауляе «Нуклон», в Кишеневе «Мезон» и другие. КБПМ и руководителю ВП выпала доля работать по освоению микросхем с Тбилисским заводом «Мион». Мы понимали, что Грузия выращивает мандарины, фрукты, виноград, из которого они делают отличные коньяки и вина — Кинзмариули, Цинандали, Саперави и другие — но заниматься электроникой? Нам было трудно понять, чтобы

«дети гор» смогли бы это сделать. Тем не менее, есть приказ министра электронной промышленности, согласованный с министерством обороны и его надо выполнять.

Была создана комиссия под моим председательством, куда вошли специалисты КБПМ, завода и руководство «Миона» и их военной приемки.

Мы вместе с заводом направили в Тбилиси лучших специалистов по интегральным схемам: технологов, конструкторов, представителей отдела технического контроля (ОТК) и возглавил эту группу зам. главного инженера КБПМ Байдалинов И. В. Примерно через полгода работы мы получаем приглашение в Тбилиси для завершения испытаний установочной партии ИМС 122 серии. Вылетаем в Тбилиси в составе: Н. П. Амельчаков, Я. В. Канов, И. В. Байдалинов и главный конструктор изделия Н. С. Займовская.

В аэропорту нас встретил директор завода. Едем на завод, который расположен прямо в городе. Проезжая мимо ипподрома, директор предложил нам небольшой перекусон в ресторане ипподрома. Мы, конечно, согласились. Ресторан произвел на нас хорошее впечатление, и особенно нам понравилось обслуживание. Как только мы сели за стол, к нам официант подвез тележку с закусками и по просьбе директора выставил на стол все, что он заказал, том числе и вино. Получилось так, что мы уже через десять минут после прихода в ресторан подняли первый тост: — «За гостей Москвы». На горячее был заказан шашлык из баранины. Успешно справившись с шашлыком, встречаем главного инженера Клементьева М. М. Он тепло приветствовал нас с прибытием в Тбилиси и высказал свое неудовольствие по поводу шашлыка из баранины.

— Чем ты угощаешь гостей Москвы, лучший шашлык — это шашлык из молодого теленка — сказал он и каждому заказал шашлык из молодого теленка. Под хорошее вино мы с удовольствием ели этот шашлык. И тут появляется генеральный директор «Миона» Н. А. Шарманазавили. Он знакомится с каждым из нас, и также тепло приветствует нас на земле Грузии. Увидев на столе шашлык из телятины, Николай Александрович с укором сказал Михал Михальчу Клеменьеву: — Разве ты не знаешь, какой шашлык самый хороший? — Все с удивлением посмотрели на него. — Это шашлык из свинины, — заключил он. Возражать было бесполезно, и он заказал на каждого еще раз по шашлыку, но уже из свинины. Вот так закончился наш легкий перекусон в первый день пребывания в Тбилиси.

Устроили нас в гостинице «Иверия», в то время это была лучшая гостиница в Тбилиси, и мы хорошо разместились в ней.

На следующий день нас привозят на завод, и начинается знакомство с цехами по производству ИМС и представляются предварительные ма-

териалы по испытаниям ИМС. Окончательные испытания завершаются через несколько дней, и Комиссия будет иметь возможность оценить их качество. Знакомит с производством наш технолог Звездочкин, очень опытный специалист, который вплотную занимался и приборами с индексом ОС. И мы доверяли ему. Мы убедились, что сделано много, осталось ждать окончания результатов испытаний.

А наши грузинские друзья, влюбленные в свою прекрасную республику и в Тбилиси, начали знакомить нас с древнейшей культурой Грузии. Перво-наперво, мы едем в Мцхету древнюю столицу Грузии и знакомимся там с христианским собором, построенным в 11 веке. Поразило нас величие и красота этого собора, в стенах которого могли в случае опасности разместиться, все жители города. Поразили также настенные фрески, в основном, посвященные житию святых. И совсем невероятно на фресках мы увидели космический корабль, в котором просматривались фигуры людей. Это фантастика!

Нас познакомили также с собором, который был построен в 10 километрах от Мцхеты, монахами в горах. Им мы тоже восторгались: его красотой и местом, где он был построен.

А построен он был в горах, где были вырыты пещеры для проживания монахов и они были недоступны врагам христианства. Отвесные скалы и пещеры укрывали их от недругов. А когда храм был готов, звон колоколов собора был слышен в столице — г. Мцхета. А посещение рынков Тбилиси не могло не вызвать у нас восторг. Что там только нет! И барашек, и поросенок, и разная птица и, конечно, море зелени и фруктов. Все купленное обычно грузится в здоровый прочный пакет для доставки домой. За время пребывания в Тбилиси на «Мионе», мы сдружились с Челидзе (Бичико), который был ответственным за установочную партию микросхем серии 122. Он был женат на красавице грузинке, которую звали Лера, и она была дочерью заместителя министра строительства Грузии — Левон Платоновича. И вот в один из вечеров Бичико приглашает нас к тестю в гости. Мы согласились, и Бичиков привез нас к нему в дом. Большой двухэтажный дом находился в центре Тбилиси, на улице Руставели. Левон Платонович оказался очень гостеприимным хозяином. Он провел нас по всем комнатам дома, давая пояснения каждой комнате. В одной комнате стоял большой белый рояль, о котором он сказал, что на нем играют мои дочери (их было две). В другой, была огромная библиотека, в которой находились и старинные издания 15–17 веков. В третьей комнате мы увидели огромный зеркальный шкаф, в котором были расположены коньяки. Как сказал Левон Платонович:

— Это моя любимая библиотека, в этом баре около 400 сортов коньяка. Из них самый старый производства 1900 г.

Затем он открыл бар и предложил нам любой из коньяков. Мы даже растерялись от такого предложения, тогда он сказал:

— Доверьте мне угостить Вас моим любимым коньяком.

И он налил каждому по небольшой рюмке коньяка 1950 г. Но на этом наша экскурсия по дому не закончилась, он пригласил нас в подвал, где хранились вина.

Это был благоустроенное помещение довольно больших размеров, по краям которого стояли огромные бочки с вином, а в центре зала стоял большой бильярд, диваны, кресла и столик, где уже были расставлены тарелки с закусками. А дальше началась процедура дегустации вин прямо из бочек. Мы испробовали 4 сорта вин, и каждому понравилось свое вино, о чем мы сказали Левону Платоновичу. Он предложил нам сыграть партию в бильярд, мы с удовольствием согласились. Когда мы начали играть, Л.П. принес нам три графина с вином, сказав каждому подавая графин:

— Это вино — для Ян Васильевича, это — для Николай Павловича, а это — для Ильи Владимировича. Вот так наслаждаясь каждый своим вином, мы доиграли партию в бильярд. Уходя, мы благодарили Левон Платоновича за теплый прием, его жену за хорошее угощение, а Бичико за доставку нас сюда и в гостиницу.

Испытания установочной партии заканчивались, и мы вернулись на завод. О результатах испытаний доложил Комиссии руководитель приемки В. И. Иванов. Результаты были неутешительными — ИМС имели отказы на трех видах испытаний. Решение Комиссии было однозначным — установочную партию не принятой, военную приемку не открытой.

Заводу было дано время для разбирательства с отказавшими ИМС и для разработки плана мероприятий для ликвидации в будущем таких отказов. Мы понимали, что на это потребуется минимум три-четыре месяца работы.

Так оно и случилось, Комиссия была приглашена в том же составе через три месяца. К нашему приезду были завершены все испытания с положительными результатами, и нам оставалось только подтвердить эти результаты.

На следующий день после нашего приезда состоялось подписание акта о приемке установочной партии ИМС серии 122 и об открытии военной приемки по этой серии. Руководство завода «Мион» не скрывало своей радости по такому событию. Грузия становится поставщиком изделий изготовленных по сложной технологии интегральных микросхем. И случилось это летом 1976 года.

По этому поводу нас пригласили на банкет, который будет происходить в горах, где пасутся барашки. И мы все едем в горы на торжественный

ужин в честь, освоения военных ИМС. Место выбрано отличным: на многие километры просматриваются Кавказские горы, реки, долины, луга, где пасется скот. И хорошая солнечная погода тоже способствует этому мероприятию.

Но пока суть, да дело, за столом происходит традиционная борьба силачей — когда надо руку визави уложить на стол. Народ приветствовал бурными эмоциями очередного победителя, но все чаще выходил победителем грузинский здоровяк, который, в конце концов, уложил всех. И вот тут мы с надеждой смотрим на нашего Байдалинова Илью. Это наш русский здоровяк, рука которого как кувалда, да и в плечах очень широк. Николай Павлович подзадорил его:

— А ну Илья, тряхни стариной! Он соглашается и садится за стол, чтобы сразиться с победителем. Народу собралось много, но большинство болело за своего грузина. И пошла борьба. Вначале давил сильнее Гиви, так звали силача. Затем Илья выравнял ситуацию. Мы воспряли духом, вдруг победит. И действительно, после упорного сопротивления Гиви, Илья все же уложил его руку на стол. Ура! — кричали мы. Но грузины оказались на высоте: они подняли Илью на руки и так приветствовали его как победителя этого интересного состязания. Они сказали, что последние 10 лет Гиви не проигрывал соревнование никому. Вот так высоко в горах наш Илья стал чемпионом в этой борьбе, и было ему объявлено, что он постоянный гость в этом ауле.

Прямо здесь был разделан барашек, оказалось, что силач Гиви еще прекрасный повар, которому поручен сегодняшний стол. Главное готовка шашлыка. И под хорошую закуску, под хорошую выпивку раздавались тосты один лучше другого. Но чаще было: — За гостей Москвы, которые помогли освоить такую сложную технологию, как производство ИМС.

Николай Павлович тихонько шепнул мне:

— Не плохо бы подсчитать количество тостов на наши души.

Я с ним согласился и стал делать пометки о количестве тостов за этим столом. А Грузии существует порядок, при котором тосты поднимаются за всех присутствующих за столом. И это страшное дело, так как бокал с вином пьют до дна. К завершению застолья, когда тост был поднят за тамаду, я насчитал 28 тостов. Но мы, москвичи, выдержали эту гонку и спокойно прибыли в гостиницу. На следующий день мы улетали в Москву с чувством выполненного долга. Действительно завод «Мион» взял на себя часть заказов промышленности, но в основном это были гражданские заказы, военные отказывались брать ИМС Тбилиского производства.

Эти поездки в Тбилиси значительно расширили круг наших друзей и знакомых, с которыми мы поддерживали тесные связи долгие годы.

Особенно хорошие отношения у меня установились с Юдиной Новеллой Ивановной, Плакидиной Людмилой, которые с удовольствием знакомили меня с достопримечательностями Тбилиси, с известными людьми, в частности, с художником Шухаевым В. И., приглашали в музеи, картинные галереи. Жили они в Дигомском Массиве, и я часто бывал у них дома.

Не могу не сказать о командировочных из Краснодара — Чашкине Ю. Г. и Корольковой Юлии Ивановне. Так случилось, что мы оказывались в Тбилиси в одно, и тоже время и жили в одной и той же гостинице. Так было трижды. Это было какое-то совпадение, но нам каждый раз было приятно встретиться с ними и вместе проводить свободное от дел время.

А в Москве появлялись новые задачи, новые технологии, новые разработки, которые надо было осваивать в серийном производстве. В семидесятых годах Министром электронной промышленности было принято решение о строительстве грандиозного производственного здания для НИИ «Дельта» на Сиреневом Бульваре. Это здание предполагалось использовать под производство изделий микроэлектроники, и там должны будут размещаться производственные цеха и лаборатории НИИ. Здание имело 26 этажей, а с учетом технологических этажей, получалось 52 этажа. Это будет самое высокое здание в Москве высотой 135 метров, исключая шпиль Московского Государственного университета. Стройка велась достаточно быстрыми темпами и в 1977 году она была завершена. Военной приемке в этом здании на третьем этаже были выделены две комнаты и прекрасно оборудованы всем необходимым для работы.

Для подъема имелось 8 лифтов, которые работали по-разному: одни экспрессом поднимали вас на 15 этаж сразу, далее с остановками на каждом этаже другие останавливались лишь по четным этажам, третьи останавливались по нечетным этажам и т. д.

Но мне в этом здании не пришлось поработать, так как в 1977 году меня пригласили работать в Центральный аппарат Министерства обороны — в 16 Управление МО.

Проработав в военных приемках 12 лет, могу с уверенностью сказать о большом значении этого института в деле выпуска надежной военной техники и вооружения. И сегодня мы с грустью смотрим на то, как разрушается этот институт. За последние годы практически на половину сократилось количество военных приемок на заводах промышленности. А оставшиеся военные приемки полностью зависимы от руководителей заводов, НИИ и КБ, которые диктуют им свои условия поставок и производства. Поэтому резко увеличилось количество катастроф в боевой авиации, на флоте и в войсках. Если не принять соответствующие меры

по укреплению военных приемок, мы не будем иметь хорошего вооружения в армии.

Не могу не сказать о школе для руководителей военных приемок и их заместителей. Речь идет о ежегодных сборах, которые проводились районным инженером и руководством Управления. К. В. Яковлевский был толковым начальником и много помогал руководителям военных приемок в решении сложных вопросов в их работе. А проблемы возникали самые разные, то кадровые, то технические, то бытовые. Но чаще всего ему приходилось вмешиваться в налаживание отношений ВП с руководством завода, НИИ, КБ. Что греха таить, эти отношения были всегда напряженными, так как военпред всегда мог прекратить приемку и поставку изделий, что ставило производство в сложные условия.

Это ни в коей мере не относилось к НИИ «Дельта» и КБПМ, потому что Н. П. Амелчаков был мудрым руководителем и всегда пресекал своих подчиненных, которые пытались обострить отношения с военпредом, вплоть до увольнения. Нам в этом плане крупно повезло и мы до сих пор дружны с бывшими руководителями, и встречаемся с ними, вспоминая нашу работу.

Но о сборах. Они, как правило, устраивались в конце года или летом на одном из предприятий электронной промышленности, которое входило в район К. В. Яковлевского. Всего в его район входило 15 НИИ, КБ и заводов в том числе и КБПМ. Говоря откровенно районный инженер бывал на нашем предприятии редко, так как я старался все вопросы решать с руководством завода и КБ самостоятельно без привлечения его решений. Поэтому в его лице наша приемка была достаточно авторитетной и служила хорошим примером для других ВП.

Вспоминаются сборы в Павловском Посаде, в Риге, в Минске, в Зеленограде. Но особенно памятны сборы, которые проводились в Вильнюсе. Причем там были сборы заместителей руководителя ВП и секретарей партийных организаций. В то время у нас в приемке не было ни заместителя, ни секретаря партийной организации, поэтому на сборы был приглашен руководитель ВП, ко есть я.

Прибыло 25 человек офицеров и одна женщина из Таллина — секретарь партийной организации Сизых Татьяна Павловна. Она была хороша собой, но неотступно охранялась своим военпредом, как нам показалось, он имел на неё виды.

Совещание открыл и затем сделал доклад К. В. Яковлевский. В докладе он кого-то ругал, кого-то хвалил за хорошую работу и давал, как мы говорили, ценные указания на будущее. Затем выступали военпреды, оправдываясь за провалы в поставках и низкое качество изделий, за срыв в освоении новых изделий и провалы в приемке НИР и ОКР. Получа-

лось все, как всегда на сборах руководителей ВП. В завершении снова выступил К. В. Яковлевский, который похвалил нашу приемку за освоение ИМС с индексом ОС и дал ещё более ценные указания.

На другой день была организована экскурсия по городу, и мы познакомилась с прекрасными творениями древних мастеров, особенно большое впечатление на всех оказала старинная крепость, построенная в XII веке. И сегодня на её территории проходят съемки многих фильмов, где необходимо показать такую старину. Далее была баня, настоящая деревенская баня, рядом с которой протекала речка, и мы с удовольствием после парной ныряли в её воды. Я все сомневался, пойдет ли с нами Таня с таким количеством офицеров. Но я сразу увидел её в автобусе рядом со своим покровителем. В бане она выглядела прекрасно в своем красивом купальнике и вместе снами с удовольствием парилась и ныряла в речку.

А после парилки и купания в речке — застолье. Наши литовские друзья угощали нас прекрасным пивом, рыбой во всех видах и прочими закусками и мясом, по-литовски, с отличным соусом.

Возвращались в гостиницу уже вечером. В ресторане был организован торжественный ужин в честь завершения сборов. За три дня сборов мы успели подружиться с Татьяной, и она была не прочь проводить с нами время. В те годы я дружил с Майоровым В. Н. Он был военпредом на заводе «Микрон» и мы по работе были тесно связаны. Мало того, мы много лет играли с ним в волейбол за сборную части, и я был для него распасовщиком, До сих пор слышу его зычный голос:

— Ян, давай на столб! Мощный прыжок и мощный удар приносил, как правило, успех. Мы часто на первенстве Министерства обороны занимали достойные места.

И вот в тот вечер в ресторане мы договорились с ним, что во время танца будем по очереди приглашать Таню на танец. Так и случилось. Когда начались танцы, Слава пригласил её не танец, затем наступила моя очередь танцевать с ней. И весь вечер мы вдвоем танцевали с ней, приводя в бешенство, её покровителя. Во время танца она призналась, что он давно пытается ухаживать за мной, но мне он не нравится, и я не хочу с ним танцевать. Вот такая история.

В те годы в Вильнюсе были ночные рестораны, и мы пригласили Таню продолжить наш вечер в ночном ресторане, Она очень сомневалась в усплнении бдительности начальника и не знала, отпустит ли он её на это мероприятие. Мы убедили Таню, что в 12 часов ночи такси будет стоять за углом гостиницы. На том и расстались. В назначенный час мы пригласили такси, которое поставили в условленном месте. И, о чудо! Тане удалось усыпить бдительность начальника и убежать к нам в такси.

У ресторана толпилось довольно много народа, но нам удалось проникнуть в ресторан и занять столик прямо рядом со сценой. Мы со Славой заказали все необходимое для вечера: вино, закуску, фрукты, и под тосты с удовольствием слушали выступление певцов, танцоров ночного варьете. Как только начались танцы, я пригласил Таню на танец и у меня появилась возможность расспросить её о семье, о работе, о родителях. Она мне рассказала, что в Таллин попала после окончания института по распределению и живет там уже 10 лет, что она замужем и имеет сына, а родом она из Вологодской области г. Грязевец, где и проживают её родители. В военную приемку её взяли 5 лет тому назад. Она вступила в КПСС и её избрали в прошлом году секретарем партийной организации ВП. Руководителем ВП у них был полковник Захаров, с которым мы были дружны многие годы. Вечер и ночь прошли прекрасно и где-то в 4 часа ночи мы вернулись в гостиницу.

Захожу в номер, стараясь не шуметь, (я жил в номере с К. В. Яковлевским), но тут загорается свет и командир суровым голосом спрашивает:

— Где это вы всю ночь пропадали?

Врать было бесполезно, и я сказал, что мы были в ночном ресторане.

— Как так, и без меня? Почему вы не сказали мне об этом? Я был сражен таким вопросом, извинился, и в дальнейшей нашей службе старался всегда приглашать командира на все мероприятия.

Так закончились эти сборы и днем мы все разъехались по своим городам. Шансов встретиться с Таней не было, практически, никаких, но я все же попросил у неё телефон, который она мне дала.

РАБОТА В ЦЕНТРАЛЬНОМ АППАРАТЕ

Летом 1977 года меня пригласил в Управление начальник 1 отдела полковник Никольский И. А. и сообщил мне о том, что в Управлении создан новый 7 отдел, и он рекомендовал меня старшим офицером в этот отдел.

— Если вы даете свое согласие на перевод, я пишу рапорт о вашем переводе. Оклад по должности у вас будет выше и категория — полковник. Я не раздумывая соглашаюсь с предложением Никольского потому, что мне пора по срокам получать звание полковника, а в приемке я не получил бы его два-три года. Знакомлюсь с моим будущим начальником отдела Малышевым К. Г. Мы друг друга знали давно по работе в первом отделе. Он был заместителем начальника отдела, и наш разговор был коротким. Он предложил мне ту же тематику, которой я занимался в приемке — интегральные схемы и полупроводниковые приборы и я согласился с этим.

— Приказ по части будет подписан в ближайшее время, поэтому сдавайте дела вашему протезе — Шаевичу В. И. и с понедельника приступайте к работе здесь в отделе.

Конечно, мой уход с должности руководителя 4928 ВП МО был неожиданным для всех: и для руководства КБПМ, и завода, и моих коллег руководителей нашего района. Все полагали, что бросать налаженную во всех отношениях военную приемку, когда разработанные в КБ ИМС выпускаются на основном производстве в Москве, на филиале в Ливнах, наконец, на Тбилиском заводе «Мион» и имеются хороший задел по новым разработкам, было более чем не разумным. Да, конечно создан хороший офицерский коллектив, инженерно-технический состав, перспектива переселения в НИИ «Дельта» на Сиреневом бульваре все это удерживающие факторы на прежней должности.

Но было много хорошего в моем новом назначении в центральный аппарат Министерства обороны. Во-первых, я сразу мог получить очередное воинское звание полковник. Во-вторых, более высокий уровень задач, решаемых в отделе. Тем более в наших обязанностях значилась работа со странами Варшавского Договора по стандартизации вооружения и военной техники армий стран Варшавского Договора. Это конечно подкупало и как оказалось в дальнейшем, мой выбор был совершенно правильным.

16 Управление МО входило в состав войсковой части 25580, командовал которой Роман Петрович Покровский и он подчинялся заместителю министра обороны по вооружению генералу армии Шабанову В. Г.

Размещалась наша часть вначале на Ленинградском проспекте, рядом с метро «Аэропорт». Это был чей-то старинный особняк, с множеством комнат, которые были приспособлены под кабинеты. Особняк располагался в яблонево-м саду и весной сад заливался белым цветом. Все было очень красиво. Затем на этот особняк глаз положило командование Варшавского Договора и нас оттуда перевели в Первый Дом МО на Арбат. Одновременно было начато строительство 9 этажного здания на Хадыньском поле рядом с метро Полежаевская. После завершения строительства Управление переехало в это здание. Вот в этом здании на 9 этаже размещалось наше Управление, где я начал работать. Начальником управления был генерал-лейтенант Чаловский Евгений Анатольевич, а его заместителем — генерал-майор Рябов. В 7 отделе по штату было 6 офицеров: Малышев К. Г., Казаков И. Т., — зам начальника отдела, Канов Я. В., Черданцев В. П., Семенов Ю. М., Муравский Ф. Г. и служащая Николаева Н. Г. Каждый офицер курировал определенное направление радиоэлектроники в рамках Стран Варшавского Договора. А Николаева Н. Г. исполняла обязанности секретаря.

Объединенное Командование Стран Варшавского Договора приняло очень важное решение о создании единой элементной базы, которая использовалась бы для разработки, производства и ремонта всего вооружения и военной техники, используемой армиями стран Варшавского Договора. Решение было очень мудрым, так как упрощало и производство, и ремонт военной техники в Странах. Также учитывался уровень развития элементной базы в странах: в одних странах был достаточно высокий уровень качества полупроводниковой техники, в других ИМС, в третьих — электротехнические изделия и т. д. Поэтому такое разделение и рекомендация по применению именно хороших изделий могло дать положительный результат. И нашему отделу совместно с 22 ЦНИИ МО было поручено разработать такие Перечни изделий электронной техники, которые были рекомендованы к применению в ВВТ. И действительно в течение двух лет такие Перечни были созданы и начали внедряться в Странах членах СЭВ. Практическое руководство всеми работами по военной тематике в СЭВ осуществлялось «Постоянной Комиссией СЭВ по оборонной промышленности», куда входили все страны — члены СЭВ. Но существовала также Постоянная Комиссия по радиоэлектронике (ПК РЭП) в рамках СЭВ. Но поскольку тематика работ была весьма широкой, в этой Комиссии по направлениям работ были созданы секции, которые и вели практическую работу. 8 секция занималась электронной техникой, и мне доверили быть членом этой секции. Два раза в год проводились заседания 8 секции, причем, они проводились в разных странах, где обсуждались текущие вопросы поставок комплек-

тующих, претензии по качеству тех или иных изделий, вопросы передачи технической документации и другие вопросы.

Эта работа была весьма кропотливой. Нужно было изучить номенклатуру всех стран-членов СЭВ, знать их характеристики и включить в Перечень самые лучшие образцы. Это осложнялось и тем, что страны не всегда стремились включить изделия своего производства в Перечень, ссылаясь на малое производство того или иного изделия, приходилось многократно убеждать коллег из других стран о включении их номенклатуры в Перечень. Большую практическую помощь в формировании Перечней оказывали специалисты 22 института, с которыми мы плотно работали. Этот институт был редактором и издателем этих Перечней. Всего их было более 20.

Вспоминаются поездки на совещания 8 секции. Они проходили в Москве, в Ленинграде, в Ереване, в Таллине, а также в Венгрии, Болгарии, Чехословакии, на Кубе.

В Таллин я приехал на совещание спустя три года после расставания с Таней, о чем я рассказывал выше. Нас разместили в гостинице «Виру» и я в этот же день позвонил Тане на работу (дома у неё не было телефона). Её пригласили к телефону, и я услышал её голос:

— Здравствуйте, Таня! Я в Таллине буду неделю и хотел бы увидеть тебя.

— Здравствуйте, я очень рада слышать тебя, и тоже хочу видеть тебя.

— Ну, и ладно! Назначай, где мы можем встретиться?

— Недалеко от гостиницы «Виру», есть варьете «Таллин», давайте там и встретимся после работы в 19 часов.

— Хорошо, я буду ждать.

В назначенный час я прихожу к варьете «Таллин» и буквально в это же время подходит Таня. Она была хороша собой, в ней появилось что-то новое. Мы обнялись и тепло поздоровались друг с другом. Я передал ей шикарный букет цветов.

— О, какие красивые цветы! Я очень рада тебя видеть, и если честно, я вспоминала тебя. Мне было очень хорошо под вашей опекой в Вильнюсе, особенно в ночном ресторане.

— Я тоже вспоминал о тебе часто. Может, посидим в ресторане при нашей гостинице?

— Да, там хорошая кухня и можно послушать хорошую музыку.

И вот примерно через полчаса мы сидим в ресторане «Виру». Таня помогла мне выбрать закуски, горячее и шампанское, все принесли на удивление быстро, и мы подняли тост за встречу.

— Как твои дела? — спросил я, — шеф домогается твоего внимания?

— Изменений много, я развелась с мужем, и теперь мы живем с сыном. А шеф уже уговорился.

— Да, а в чем причина развода?

— Причина более чем банальна. Увлечение выпивкой моего мужа. Все мои старания отлучить его от этой пагубной привычки, не дали положительного результата. Я терпела до тех пор, пока не подрос сын, в надежде на лучшее. Но когда из дома стали пропадать вещи на его выпивку, я подала заявление на развод. Сейчас он живет у родителей, но по-прежнему не просыхает. Это случилось год тому назад, и я уже пришла в нормальное состояние свободной женщины.

— А как у тебя дела? Служишь там же или в другом месте? — спросила она.

— Да, за три года в моей жизни тоже произошло много изменений. Во-первых, я ушел из военной приемки, во-вторых, приглашен работать в Минобороны, и нахожусь здесь в командировке уже по делам новой работы, в-третьих, «семейная лодка разбилась о быт» — вот такое печальное событие. Причем это случилось давно, не ладилась наша семейные отношения. Но я считал делом чести заботу о дочери. И когда она закончила школу, институт и получила диплом, вышла замуж за очень хорошего человека, (учились в институте с ним в одной группе), родила дочь, и они с мужем получили двухкомнатную квартиру, я решил заняться своим устройством. Брак пока что не расторгнут, но все идет к этому. Ну, да хватит обо мне. Надеюсь, твой бывший оставил тебе с сыном квартиру?

— Да, это так. Мы живем в Ыйсмяз — это новый жилой район Таллина и туда ходит много автобусов. Добираться мне до работы удобно. А школа для сына тоже рядом. Когда ты побываешь у меня, ты сам все увидишь.

— Здорово, ты уже приглашаешь меня к себе?

— Да, приезжай в удобное для тебя время. Я после 7 часов вечера всегда дома.

— Спасибо, я определяюсь с регламентом работы нашего совещания, и позволю тебе, когда можно будет подъехать в твоё Ыйсмяз, очень интересное название.

Таня назвала адрес жительства и номера автобусов, которые идут к ним.

— Ян, мне пора возвращаться домой, надо кормить сына и делать вместе с ним уроки. Я ему помогаю, чем могу в учебе.

— Да, конечно, конечно. Тем более, что мы почти договорились о следующей встрече у тебя.

Я провожаю её до автобуса и иду в гостиницу. В голове проносятся наши встречи в Вильнюсе и приятное общение с ней. Она всё больше симпатична мне.

На следующий день вечер у нас был свободен и позвонил Тане о нашей встрече.

— Хорошо, — сказала она, — давай встретимся на остановке моего автобуса, она рядом с гостиницей Виру.

— Согласен, я буду ждать тебя.

День пролетел быстро, и я иду на остановку, где должна состояться наша встреча с Таней.

Ждать пришлось не долго, быстрым шагом она подошла к остановке.

— А вот и я, улыбаясь, сказала она. Едем ко мне.

— С большим удовольствием, в это интересное Ыйсмяэ.

Автобус ждать пришлось не долго, и мы уже через полчаса после встречи были у неё дома. Это была хорошая двухкомнатная квартира с большой кухней и приличной прихожей, довольно уютно обставленная всем необходимым для нормального проживания. Таня познакомила меня с сыном, которого звали Павлом. Он учился в 5 классе школы. Уже через несколько минут был накрыт стол, она приготовила все заранее, да и я привез и икру, и сырокопченую колбасу, и большую коробку конфет, и шампанское. Вечер прошел на славу. Мы рассказывали друг другу о своих историях, об увлечениях, о родителях и друзьях. И нас все это время убажали песни Аллы Пугачевой, которая в то время была безумно популярной. Её песни «Маэстро», «Миллион алых роз», «Старинные часы», «Женщина, которая поет» можно было слушать бесконечно, что мы и делали. Вспоминали, как в Вильнюсе мы были в бане. Хозяева нам устроили настоящий ритуал: в прихожей стоял приличный бочонок с отличным литовским пивом, и нужно было перед входом в баню обязательно выпить две кружки этого пива, что мы и сделали. В бане был накрыт шикарный стол, и прежде чем зайти в парилку, нужно было поднять тост за это мероприятие, хорошо закусить и только после этого идти в парилку. Таня вспоминает:

— Что же мне делать, когда двадцать мужчин и меня тоже пригласили в баню? Я была в замешательстве, а потом решила — буду в купальнике, и все.

— А мы со Славой договорились, быть трезвыми, так как от молодежи можно было ожидать всего. Так оно и случилось — после второго захода в парилку и повторного застолья все пошли дружно нырять в речку и двое сильно поранились и ты, Таня, выполняла роль медицинской сестры, перевязывая им раны, а мы приводили их в порядок, чтобы командир ничего плохого не заподозрил. В бане его с нами не было.

Вечер пролетел быстро и мне пора уходить в гостиницу. Таня провожает меня до остановки, и мы прощаемся. Впечатления самые приятные от встречи с ней. Мне все больше и больше нравится эта русская женщина: красавица, добрая, умница с широкой душой.

Совещание 8 секции с участием всех стран Варшавского договора проходило довольно плотно. После деловых обсуждений, споров и принятия решений, обычно какая-нибудь страна приглашала советскую делегацию в ресторан, чтобы там продолжить обсуждение нерешенных проблем. Поэтому все вечера были заняты, и я больше не встретился с Таней.

Через неделю совещание подошло к концу, был устроен прощальный банкет, и все разъехались по своим странам. Следующей страной для очередного совещания 8 секции Постоянной Комиссии СЭВ по оборонной промышленности (ПК СЭВ ОП) была определена Куба. Это у всех вызвало восторг, так как Остров Свободы, его экзотика и революция на Кубе под руководством Фиделя Кастро Рус давно привлекали многие народы, в том числе и нас.

После приезда на меня начальником 16 Управления была возложена очень ответственная задача. Однажды, это было в 1978 году, меня пригласил к себе в кабинет начальник 1 отдела нашего Управления А. И. Шуклин и предложил мне быть Председателем Комиссии по приемке опытно-конструкторских работ на Киевском заводе «Кристалл». Решением Министра электронной промышленности завод «Кристалл» был объявлен головным по производству БИС, используя технологию компании Intel.

— Дело в том, что они сумели воспроизвести американский аналог 8-разрядный микропроцессор Intel 8080 и дополнительные ИМС к нему. Это фактически первая большая интегральная схема (БИС), разработанная в нашей стране и она найдет широкое применение в вычислительной технике и другой радиоэлектронной аппаратуре, — пояснил Шуклин.

Это вызвало у меня некоторое замешательство, Я знал, что Председателями Комиссий по приемке ОКР назначаются, как правило, представители Мытищинского ЦНИИ 22 МО, и я сказал об этом Шуклину. На что он ответил:

— Вы правы, но это особый случай, и командование предложило мне быть Председателем Комиссии. Однако в силу обстоятельств, я не мог принять это предложение. А вы, Ян Васильевич, имеете большой опыт по приемке НИР, ОКР и установочных серий, работая в военной приемке НИИ «Пульсар» и КБПМ. Поэтому выбор пал на вас.

— А как отнесется к этому мой начальник Малышев К. Г.?

— Я с ним договорюсь, вы не беспокойтесь.

— Можно, я подумаю?

— Да, конечно. Завтра я жду ваше решение.

Первое, что я сделал, позвонил в Киев на «Кристалл» и переговорил с руководителем военной приемки Ивановым В. С. о состоянии с производством приборов для сдачи ОКР 8-разрядного Микропроцессора.

— Я интересуюсь этим, потому что мне предлагают быть Председателем Комиссии по приемке этой серии ИМС.

В.С. Иванов подтвердил, что изготовлено 200 шт. (по ТЗ нужно 50 шт. ИМС) таких приборов, которые испытываются и результаты положительные.

— Ты смело можешь приезжать к нам для приемки ОКР, — сказал он.

Получив такое заверение, я соглашаюсь ехать в Киев на «Кристалл» для приемки 8 ОКР.

Первая моя поездка в Киев носила ознакомительный характер. Я познакомился с руководством предприятия, с отделом, который выполнил эту сложную во всех отношениях работу, с результатами испытаний, которые провели военная приемка совместно с заводом. Начальником отдела был Кобылинский А. В., я считаю это отчаянный ученый, который взялся за эту сложную разработку (более 30 000 элементов на кристалле) и сумел реализовать её. Он достоин всяческого уважения и поощрения. Много похвал можно сказать о его заместителе Заике А. И. Как потом мы узнали, в отделе были собраны прекрасные электронщики, которые в дальнейшем сумели создать 16-разрядный микропроцессор, в котором насчитывалось более 100 000 элементов на кристалле. Для тех годов это было большое достижение в области электроники.

Через месяц была создана комиссия для приемки серии ИМС 5801М — 8-разрядной БИС под моим председательством. В состав Комиссии были включены ведущие специалисты в области вычислительной и другой техники Минрадиопрома, Минавиапрома, Минобщеша, представители ЦНИИ 22 МО и др., которые были заинтересованы в скорейшем внедрении ИМС в радиоаппаратуру. Комиссия детально изучила характеристики представленных образцов и их соответствие техническому заданию (ТЗ), а также материалы всех испытаний, проведенных представителем заказчика. Все характеристики соответствовали требованиям ТЗ, и все испытания закончились положительными результатами.

В связи с этим, Государственная комиссия принимает эти 8 ОКР, подписывает акт приёмки и рекомендует 580 серию к освоению в серийном производстве. В кратчайший срок эта серия была освоена на многих заводах электронной промышленности и выпускается до сих пор.

А на будущий год мне было предложено командованием Управления принять 16-разрядный микропроцессор (ИМС серии 1816) на Киевском «Кристалле». В результате была принята одна из самых массовых БИС, которая широко применялась в радиоэлектронной промышленности. Я не могу без чувства удовлетворения вспоминать об этих событиях. Причем, у разработчиков не сразу получилось воспроизведение Intel 8086, так как в кристалл были заложены американскими разработчиками ложные

транзисторы, которые блокировали работу схемы. И только после того, как эти транзисторы были выявлены и изолированы, схема начала работать нормально. Но на это ушло много времени. Серия 1816 включала в себя 12 схем, которые позволяли комплексно решать конструирование аппаратуры.

Огромную роль в выполнении и приемке этих работ принадлежит военной приемке на заводе «Кристалл» и в первую очередь, руководителю приемки Владимиру Семеновичу Иванову. Он ранее работал на аппаратных заводах, принимал участие в приемке вычислительной техники и другой аппаратуры. Затем был приглашен в войсковую часть 25580 и назначен руководителем ВП на завод «Кристалл». А закончил он службу Уполномоченным в Зеленоградском Научном Центре. Большой опыт работы с аппаратурой и микроэлектроникой позволяли ему решать самые сложные задачи по контролю качества разработки и производства ИЭТ. И то, что первые БИС хорошо показали себя в производстве радиоэлектронной аппаратуры и в вычислительной технике, несомненно, заслуга полковника Иванова В. С.

Приехав в Москву, я подробно доложил командованию о проделанной работе и приемке 16-разрядного микропроцессора и вспомогательных схем к нему.

ПРОВЕРКА ОКРУГОВ

В обязанности нашего Управления входило обеспечение войск комплекующими изделиями для ремонта и восстановления вооружения и военной техники. Поэтому был специальный отдел, который решал эти вопросы. Начальником этого отдела был полковник Шленинг А. Ф. Фронтвик, разведчик, награжденный многими боевыми орденами и медалями в годы Великой Отечественной войны. Его отдел закупал в промышленности ИЭТ и распределял их по военным округам. Причем, эта работа находилась на особом контроле командования, Все понимали, что от этого зависит боеспособность частей и подразделений Советской Армии. Чтобы решать эту задачу, отделу выделялись приличные финансы. А чтобы знать реальную картину в войсках с расходом этих комплекующих и наличием их, организовывались периодические проверки в Округах.

Однажды Шленинг приглашает меня поработать в составе Комиссии Министерства обороны для проверки Бакинского военного округа.

— Я уже договорился с твоим начальником отдела, и он согласен с моим предложением включить тебя в эту комиссию, — сказал Анатолий Федорович.

— Если так, то я согласен принять участие в этой командировке.

И вот мы едем в Баку, где находится командование БакВО. Разместили нас в ракетной бригаде, которая дислоцировалась на окраине Баку. И командовал этой бригадой генерал Ватутин — сын полководца Ватутина — командующего Фронтом в годы ВОВ.

На следующий день нас принимает заместитель командующего округом по вооружению. А. Ф. Шленинг представил членов комиссии и рассказал, кто какие части будет проверять. Мне выпали авиационные дивизии и полки, так как я служил ранее в авиации. Методика проверки была достаточно простой: проверялось наличие полученных из нашей части изделий и правильность их расходования. А первым делом мы интересовались дефицитными позициями, и старались в период своей работы обеспечить части этими изделиями. Председатель комиссии был тесно связан со всеми заводами-поставщиками комплекующих и он по дефицитным позициям звонил на заводы, которые выпускали их, и, как правило, ещё при нас округ получал этот дефицит.

Командование округа и офицеры говорили:

— Ваша комиссия самая лучшая комиссия в Министерстве обороны. Вы обеспечиваете наши части важнейшими изделиями, которые необходимы для ремонта самолетов, радаров, радиостанций и другой военной техники, а также пополняете ЗИП.

Да, это действительно так, и нам было приятно это слышать.

Одновременно выявлялись излишествующие изделия, которые остались от старой техники, снятой с вооружения. Эти изделия изымались или передавались в те части, где ещё было устаревшее вооружение и военная техника.

Нам были созданы хорошие бытовые условия, а о питании и говорить нечего. Мы питались в командирской столовой, и готовил нам обеда капитан — начальник продовольственной службы бригады. Ватутин обедал тоже с нами. Самым классным блюдом был плов, причем, каждый день он был разным. То рис отдельно и мясо отдельно, то все перемешано и рис и мясо, то много зелени и других специй. Все как в лучших ресторанах. Ну и конечно, много фруктов, дело было осенью.

После успешного завершения работы комиссии, округу была выставлена хорошая оценка, о чем было доложено командующему округом. Командующий тоже благодарил нас за оперативную качественную работу.

Делу время, а потехе час, как говорит пословица. Зам. командующего пригласил нас на Каспийское море на рыбалку. И после завтрака мы едем в расположение ракетной части, которая размещалась прямо на берегу моря. Солдатами был построен помост прямо в море, и мы все дружно начали ловить бычков на удочку. Самое интересное, что бычок хватал крючок без наживки. Примерно через час мы имели полное ведро бычков. Повар-солдат нажарил целую горку этих бычков, но мы их не одолели, потому что был приготовлен капитаном шашлык из осетрины, и накормили нас им до отвала. Довольно поздно мы все возвращаемся в Баку город, который произвел на нас хорошее впечатление.

Так закончилась моя первая командировка по проверке округа. При этом мы испытывали удовлетворение тем, что помогли частям в восстановлении техники за счет новых поставок комплектующих изделий. А мне пришлось проверять ИАП в Адажи, что недалеко от Баку. Результат проверки был хорошим.

А на следующий год нам предстояла проверка Ленинградской Армии ПВО.

Комиссия Министром обороны была определена в том же составе. Председателем комиссии снова был определен Шленинг. Прибываем в Ленинград, и сразу едем в расположение части. Принимает нас командующий Армии и этот день уходит на наше устройство. При распределении частей между членами комиссий мне поручается проверить авиационную дивизию, которая дислоцировалась в Сиверской. На следующий день за мной прибывает машина, и мы уезжаем в Сиверскую. Это около 100 километров от Ленинграда. Разместили нас в офицерском корпусе, там же находилась и столовая.

Работу ведем по установленной схеме. Вначале проверяем наличие изделий на складе, а затем выявляем дефицит, который влияет на боеготовность полков. Запомнилось, что начальники службы полков по радиолокации жаловались на отсутствие магнетронов для замены в радаре, в результате несколько самолетов стоят из-за этого в ангарах.

Техники самолетов жаловались на то, что эти магнетроны не вырабатывают свой ресурс, установленный в ТУ. Это было отражено в акте, и направлена претензия на завод изготовитель этих магнетронов. Таким образом, учитывались претензии войск по любому изделию.

В один из вечеров после работы командование дивизии пригласило нас в баню. В авиации это хорошая традиция. Фактически в каждом гарнизоне обязательно имеется баня. Мы с удовольствием согласились помыться в бане. Баня была очень приличной, с хорошей парилкой и чайной. Нас угощали хорошим пивом и раками.

Мы обратили внимание на двух мужчин, которые сидели в сторонке, накрывшись простыней, и молча с грустным видом, пили водку.

Мы спросили командира полка, кто эти ребята. И командир рассказал грустную историю:

— Вчера во время полета на «спарке» у них при наборе высоты отказал двигатель и самолет начал падать. Решение одно — катапультирование, но как, земля рядом? К счастью после катапультирования их парашюты раскрылись у самой земли. Они чудом остались живы, и я отправил их в баню приходить в себя. Вчера они были мрачнее тучи, а сегодня уже лучше, и пьют за второе рождение.

Вот такие случаи бывают в авиации.

По итогам проверки Ленинградская Армия ПВО получает удовлетворительную оценку, и мы возвратились в Москву.

Вот так я превратился в штатного члена комиссии Министра обороны по проверке Округов на предмет обеспеченности частей необходимыми запасными комплектуемыми изделиями для восстановления техники. Это была очень полезная для нас миссия.

И следующая проверка Дальневосточного военного округа имела для нас большое значение. Во-первых, это самый большой округ в нашей стране, во-вторых, совсем недавно здесь состоялся военный конфликт на Даманском полуострове с вооруженными силами Китайской Народной Республикой. В-третьих, он очень сильно разбросан: это и Сахалин, и Камчатка, и Курильские острова, наконец.

Командование Округа размещалось в Хабаровске, который произвел на нас большое впечатление, особенно Амур, который имел в районе города огромную ширину, создавая впечатления бесконечного простора.

Председателем Комиссии на этот раз был определен полковник Юшин Г. И., заместитель Шленинга. В штабе округа нас принял зам. Командующего, с которым были определены части, подлежащие проверке. Мне очень хотелось побывать на Сахалине, где размещалась бригада ПВО, и заместителем командира бригады, был мой друг Лунин Н. Я. С ним мы учились в Пушкинском училище и с тех пор практически не виделись. Но на совещании в штабе Юшин отказался включать Сахалин в число проверяемых частей. Долго обсуждался вопрос лететь ли на Курилы. Всем там хотелось побывать насмотреться Курильских вулканов и красот. Но зам. командующего не советовал туда лететь, так как погода там весьма неустойчивая и можно надолго засесть там. В итоге, Курилы были исключены из проверки.

А вечером в гостинице мне все же удалось убедить председателя комиссии включить в план проверки Сахалинскую бригаду ПВО. Причем, Г. И. Юшин сам решил лететь туда вместе со мной. Как потом он сказал, решение лететь на Сахалин было правильным, слишком много там накопилось проблем по нашей части.

На следующий день мы улетаем в Южно-Сахалинск, и вместе с нами летит ответственный сотрудник службы вооружения ДВО. Через три часа мы приземляемся на аэродроме Южно-Сахалинска и едем в город для размещения в гостинице. Гостиница более чем приличная, мы все живем по одному человеку. К вечеру в номер ко мне приходит мой друг Николай Лунин, с которым нам предстоит работать. Встретились, обнялись, быстро накрыли стол, пригласили Юшина. Тостам и воспоминаниям не было конца. Все же три года вместе служили, в одной батарее. Затем служба разбросала нас по стране, кто куда попал служить. Он оказался на Сахалине, а я в Москве. Но Николай был очень доволен службой на Сахалине. Ему нравился теплый климат, обилие рыбы в Тихом океане и в многочисленных реках, Особенно привлекала рыбаков ловля корюшки, который в заливах океана было очень много и она очень вкусная, в чем мы убедились позднее, когда Коля пригласил нас на рыбалку и приготовил отличную уху из корюшки. А я рассказывал ему о своей службе в Ельце, в Андрианоле, во Владимире и в Москве. Так, он ушел от нас далеко за полночь, пригласив нас на рыбалку и в гости.

На следующий день мы приступаем к проверке. Учитывая отдаленность от основных баз поставок, сказались необеспеченность многими изделиями по ремонту ракетной, радиолокационной и связной техники, было много дефицитных позиций, которыми нам пришлось конкретно заниматься, заказывая их с материка, из Хабаровска, Москвы, из других городов нашей страны. Нам удалось существенно снизить напряженность по многим позициям комплектующих изделий, и прежде всего

сверх высокочастотных изделий (СВЧ). Особенно по радарам, ракетным системам и вычислительной техники. А воскресный день был посвящен рыбалке. Нас Николай Яковлевич вывез за город на какую-то речку, и мы довольно быстро наловили приличное количество рыбы. Уха была объединение, да под рюмочку водки, это здорово.

Через пять дней возвращаемся в Хабаровск и продолжаем проверку частей там. Познакомили нас запасами военной техники, которая находилась на консервации на особый случай. Это нас поразило, так как на стоянке мы увидели сотни танков, покрытых брезентом, сотни автомашин, сотни бронетранспортеров и другой военной техники. Командование пояснило нам, что вся эта техника находится на случай военных действий с Китаем, и запас этой техники превосходит в 3 раза штатную численность округа мирного времени. Мы сразу представили, какими силами нужно поддерживать в боеготовности всю эту технику. Это был ответ на провокацию КНР против нашей страны.

Проверка ДВО закончилась с оценкой округа — хорошо. Нас принял командующий округом и поблагодарил за хорошую работу.

А следующий день у нас оказался свободным и сопровождающие нас офицеры, предложили поехать на Амур и принять участие в рыбалке на лосося амурского. Конечно, мы согласились. И вот мы садимся на катер и плывем на остров, который расположен прямо против города. Там в лодках в ожидании своей очереди мы увидели сидящих рыбаков, которые готовили сети для ловли лосося. А процедура ловли была довольно простой: рыбаки на двух лодках выплывали на середину Амура, растягивали, примерно 100 метровую сеть, опускали её в воду и спускались по течению до острова. Дальше, сеть подтягивалась к берегу и извлекалась на берег. Здесь на берегу начинался процесс извлечение улова лосося из сети. Причем, порядок был жестким: независимо от того, сколько рыбин попадало в сеть, рыбаку принадлежала одна рыбина, остальные сдавались здесь же на острове представителю рыбнадзора. Рыбаки рассказывали, что улов был самый разный от одной штуки до десятка, но все равно тебе полагалась одна рыбина. А дальше на закидку сети плыла следующая пара лодок и так целый день. Каждому экипажу лодок удавалось закидывать сеть до 10 раз, то есть он имел за день до 10 лососей, а если учесть вес каждого лосося от 2 до 5 килограмм, можно представить выручку рыбаков.

Рыбаками была приготовлена отличная уха и жаренный лосось, смак да и только.

С офицерами округа, которые сопровождали нас, за 20 дней пребывания в Хабаровске мы подружились, и они к нам относились очень хорошо. После рыбалки они обещали нам подарок — каждому по одному

лососю. При прощании в аэропорту они передали нам обещанный подарок, который очень обрадовал мою жену и дочь.

Мы, участники этой комиссии втянулись в эту очень важную и интересную работу и с нетерпением ждали очередной командировки в войска.

А очередная командировка, как нам сказал Шленинг, предстояла на Черноморский Флот. Это нас всех обрадовало, и мы начали готовиться к этой поездке в Севастополь. Нам «сухопутным» офицерам было очень интересно побывать на кораблях, на подводных лодках, познакомиться с морской авиацией, с бытом, жизнью Флота.

В августе 1983 года прибываем в Севастополь для проверки состояния ремонтных баз и комплектующих, необходимых для восстановления техники. Для Флота это очень важно в связи с тем, что корабли и подводные лодки уходят в плавание на длительные сроки, и в случае отказа техники, на борту корабля должно быть всё необходимое. Мы, члены комиссии, прекрасно понимали это и старались максимально удовлетворить их потребности в пополнении ЗИПов и расходных комплектующих изделий.

Принимал нас командующий Черноморским Флотом на флагманском крейсере «Слава», которому было много лет, но он был в прекрасном состоянии. Уже тогда над ним взяло шефство московское правительство. Командующий рассказал нам о главных задачах Флота, о составе кораблей, дальней и истребительной авиации, дислокации морской пехоты. Рассказал также о наиболее интересных походах, особенно, о походах на Кубу в период Карибского кризиса в период правления страной Н. С. Хрущевым.

— Это героическая операция Советского Флота, когда скрытно, нужно было перебросить на Кубу большое количество войск и ракетных установок для защиты от американских агрессоров Республики Куба, — сказал Командующий. И это нам удалось. Американская разведка обнаружила наши ракеты только после их разворачивания на позициях. Для американцев это был настоящий шок. Мир оказался на грани войны.

Об этом кризисе следует сказать особо.

Победа Кубинской революции над режимом Батисты завершилась 1 января 1959 г. вызвала в США раздражение, и началось длительное противодействие строительству новой жизни на Кубе. 11 января 59 г. Революционное правительство Кубы было признано Советским Союзом. А спустя полгода на Кубу было направлено более 100 советских советников, которые должны были оказать помощь кубинцам в организации разведки и безопасности Кубы. Что и было сделано за короткий срок.

В мае 1960 года между нашими странами были установлены дипломатические отношения. 9 июля 60 г. Генеральный Секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев публично заявил:

— Мы все сделаем, чтобы поддержать Кубу в её борьбе с американским империализмом. Теперь США не так уж недостижимы, как когда-то.

Поворот Фиделя Кастро в сторону социализма становится очевидным. Принимается Закон о национализации предприятий, Закон об аграрной реформе, который ликвидировал крупное помещичье землевладение, вводится жесткий контроль над добычей полезных ископаемых. Подписывается в 60 г. первое советско-кубинское торговое соглашение, в котором СССР взял на себя обязательства закупить на Кубе 5 млн. тонн сахара, обеспечивать Кубу нефтью и нефтепродуктами и предоставить кредит в 100 млн. долларов. Ответом США и Запада на сближение Кубы с Советским Союзом стало экономическое эмбарго и началась подготовка к насильственному свержению правительства Кастро.

Советские руководители увидели в Кубинском лидере человека, который способен резко изменить ситуацию в Латинской Америке и поэтому уже в конце 1960 года на Кубу начало поставляться советское современная бронетанковая техника, артиллерийско-минометное вооружение, стрелковое оружие. Советские военные специалисты начали ускоренную подготовку танковых экипажей, орудийных расчетов и основы тактики их применения в местных условиях. А в 1961 году между Кубой и СССР были подписаны соглашения о советских военных поставках в 1961–1964 гг. вооружения и военной техники, в том числе: торпедные катера и противолодочные корабли, боевые самолеты МиГ-15, бомбардировщики ИЛ-28, вертолеты Ми-4, транспортные самолеты и аэродромное обслуживание, танки, БТРы и артиллерийские орудия всего на сумму более 170 млн. долларов.

17 апреля США предпринимают попытку вторжения с помощью отрядов «контрас» (кубинских контрреволюционеров) на Кубинскую территорию в районе залива Кочинос. Однако кубинской разведке была известна эта провокация, и они были готовы дать отпор врагам Кубы. В результате в течение 3 дней отряды «контрас» были полностью разгромлены Народной Армией Кубы и около 1000 взяты в плен. Так закончилась эта военная провокация США против Кубы. Этот провал потряс всю систему меж американских отношений. Небольшая страна, ставшая на путь независимого развития, сумела с оружием в руках отстоять право на самостоятельность. Кроме того поражение в бухте Кочинос стало болезненным ударом по личному престижу Президента США Кеннеди.

Наученный горьким опытом Кеннеди пришел к выводу, что военную акцию против Кубы следует проводить вооруженными силами своей страны и учитывалось при планировании очередной провокации, которую предполагалось завершить в октябре 1962 года.

Для противостояния этой операции США в мае 1962 г. советским правительством принимается решение о проведении специальной операции по переброске советских войск на Кубу. В дальнейшем эта операция получила кодовое название «Анадырь». Работу по реализации плана «Анадырь» была возложена на начальника ГОУ ГШ генерал-полковника С. П. Иванова.

В течение двух месяцев по этому плану было скрытно переправлено с территории СССР 42 тысячи человек личного состава с вооружением техникой, боеприпасами, продовольствием и стройматериалами. Но самое основное в группировку наших войск на Кубе входили: дивизия ядерных ракет средней дальности (36 боевых ракет), две дивизии ПВО, имеющий 144 пусковые установки зенитных ракет, полк истребителей перехватчиков МиГ-21, имеющий 40 самолетов, два полка фронтовых крылатых ракет, полк вертолетов, 6 самолетов-носителей атомных бомб Ил-28, 4 мотострелковых полка, бригада ракетных катеров — 12 единиц. 7 дизельных ударных подводных лодок обеспечивали морские перевозки войск и грузов. Лодки имели три ракеты с ядерными боеголовками мощностью 1,5 мегатонны и торпеды с ядерными боезарядами.

Ракетная дивизия обладала высокими боевыми возможностями. При полном развертывании полков обеспечивалось поражение объектов на всей территории США, вплоть до границы с Канадой. Потенциал дивизии достигал 70 мегатонн, то есть был равен 3500 ядерным бомбам, сброшенным на Хиросиму.

Реализация операции «Анадырь» проходила в условиях строжайшей секретности. Личному составу были запрещены телефонные переговоры, переписка, выходы из мест расположения. Погрузка и разгрузка проводились только в ночное время, и после разгрузки техника устанавливалась на заранее подготовленные позиции.

И все же сохранить в полной тайне операцию «Анадырь» не удалось. 14 октября 1962 года американский разведывательный самолет U-2 сделал первые снимки стартовых позиций на Кубе для баллистических ракет. Размещение советского атомного оружия вблизи американских берегов всколыхнуло всю Америку. Вооруженные силы США были приведены в повышенную боевую готовность. В своем обращении к народу Кеннеди сообщил, что на Кубе обнаружены советские ракеты. В связи с этим объявляется морская блокада Кубы и принимается решение о подготовке «армии вторжения» на Кубу. Ее состав насчитывал 85 тысяч личного состава, 180 кораблей, 430 истребителей — бомбардировщиков и палубных штурмовиков, до 600 танков, свыше 2000 орудий и минометов. В любой момент эта армия готова была начать боевые действия.

27 октября 1962 года над территорией Кубы был сбит зенитной ракетой С-75 американский разведчик U-2 (летчик майор Андерсен погиб) и ситуация в этом регионе накалилась до предела. Кризис грозил перерасти в мировую ракетно-ядерную войну.

К счастью этого не произошло. Руководители СССР и США — Н. С. Хрущев и Дж. Кеннеди начали активные переговоры. В итоге была достигнута договоренность о выводе с острова советского наступательного оружия: баллистических ракет Р-12 и бомбардировщиков Ил-28. Американская сторона в свою очередь обязалась не вторгаться на Кубу и ликвидировать свою ракетную базу в Турции. Таким образом «Карибский кризис» был преодолен. Однако эти тринадцать дней (с 16 по 28 октября) оставили после себя тяжелое наследие, которое пришлось преодолевать долгие годы.

И вот спустя многие годы командующий Черноморским Флотом непосредственный участник тех событий подробно рассказал нам о «Карибском кризисе».

Схема проверки у нас уже отработана достаточно хорошо, Зам. командующего Флотом по вооружению предложил нам побывать на некоторых кораблях и подводных лодках. Мы согласились с этим и на катере выезжаем в море. Посетили корабли «Решительный» и «Отважный». Это ракетные крейсера. А затем состоялось знакомство с дизельной подводной лодкой, построенной довольно давно, но имеющей на вооружении мощные торпеды для уничтожения надводных кораблей. Черноморский флот в то время не имел в Севастополе атомных подводных лодок. При распределении обязанностей комиссии мне было поручено проверить авиационные части, которые находились в районе г. Гвардейское. Проверка прошла нормально, и авиационные части получили вполне заслуженную хорошую оценку, о чем я доложил председателю комиссии и руководству Флота.

Это была моя последняя поездка в округа. Объем нашей работы все увеличивался и начальник отдела Малышев К. Г. больше не разрешил мне такие командировки.

СЛУЖЕБНЫЕ БУДНИ. КУБА

На наш отдел по распределению обязанностей была возложена задача обобщать материалы отделов по итогам работы Управления за год с использованием данных 22 ЦНИИ МО. Затем эти материалы направлялись в Военно-промышленную комиссию и Министру обороны. Это была очень ответственная работа, требующая тщательной подготовки материалов. А мне было поручено обобщать материалы по техническому уровню изделий электроники и электротехники, наиболее сложный и важный раздел отчета. Поскольку сравнительные материалы наших изделий с зарубежными аналогами находились в Мытищинском институте, мне приходилось достаточно плотно работать со специалистами института. Иногда возникали споры, по тому или иному изделию, особенно по СВЧ изделиям, но всегда достигался компромисс. Однако прежде чем материал отправлялся в ВПК, Председателю Маслюкову Ю. Д., его по правилам нужно было показать куратору электронной промышленности — Кукарину С. В., который работал с нашим управлением. Поэтому подготовленный проект отчета мне поручалось доставить в Кремль и передать Кукарину для согласования. И только после этого отчет подписывался командиром нашей части Р. П. Покровским и отправлялся Министру обороны и в ВПК.

Вспоминаю последний отчет за 1987 год. Если говорить о техническом уровне ИЭТ, то картина, примерно, такая. По большим ИМС отставание зафиксировано на уровне 5 лет по сравнению с США. По СВЧ изделиям, в основном, на мировом уровне, 10–15% изделий превосходили мировой уровень по техническим характеристикам, по полупроводниковым приборам было небольшое отставание лишь по СВЧ транзисторам. Вот такая картина была представлена в том году. Конечно, это исследовательская работа, которая выполнялась 22 ЦНИИ МО.

Перед отпуском в 1985 году я узнаю, что между Министерствами обороны СССР и Республики Куба имеется соглашение о безвалютном отдыхе по обмену офицеров этих стран сроком на 30 дней. Я написал рапорт о предоставлении мне отпуска с выездом на Кубе. Рапорт с положительным решением подписали все мои начальники, и было дано указание отделу кадров части об оформлении моей поездки в Республику Куба. А оформление этой поездки производилось 10 Управлением МО. В ноябре месяце все было оформлено, и я с семьей получил разрешение в составе группы офицеров и их жен посетить Республику Куба с 17 ноября по 15 декабря 1985 года.

Куба давно привлекала смелостью и решительностью руководства страны и народа: под носом США совершить революцию и начать строить социализм — это подвиг народа. Во истину «Остров свободы».

17 ноября из аэропорта Шереметьево рейсом 333 вылетаем на Кубу. Мощный аэробус Ил-86 заполнен пассажирами практически полностью. В салоне самолета самый разный люд: кубинцы, которые возвращаются на родину после посещения нашей страны, наши специалисты, направляющиеся в Республику Куба для работы там наша группа из 11 человек. Полет не близкий — более 12 тыс. километров с посадкой в Шенноне — это Ирландия и в Гандере — это Канада и аэропорт в Гаване — Хосе Марти. В Шеннон прилетаем часа через четыре. Выходим в аэровокзал и попадаем в царство торговли: огромный зал Dutti Fre наполнен до отказа различными товарами и лишь кое где установлены столики для продавцов. Поражает обилие товаров и цены! Умеренными их не назовешь. А в целом, чистота, уют и порядок.

Через час взлетаем и держим курс на юго-запад в Канаду. Через 4,5 часа приземляемся в Гандере, который расположен на острове Ньюфаундлен. Посадка нужна для дозаправки топливом. А дальше летим в Гавану вдоль побережья США. Через пять часов полета приземляемся в аэропорту Хосе Марти и попадаем в объятия кубинских и русских коллег. Женщинам дарятся цветы, а офицерам — предлагаются коктейли и ром. Алкогольные напитки нас поставили в тупик, так как в это время у нас в стране шла борьба с алкоголизмом. Но наш руководитель генерал Маслюк Борис Иванович махнул рукой и сказал:

— Угощайтесь, ребята! Всю ответственность я беру на себя.

И мы с удовольствием испробовали кубинский ром и коктейли.

Устроили нас в Центре подготовки командного состава, который располагался в чудном парке рядом с Советским посольством. Гостиница всем понравилась, на каждую семью был выделен номер, который имел все необходимое для нормальной жизни и даже небольшую кухню для приготовления пищи. После завтрака идем гулять по парку.

Первое впечатление от Кубы: Ничего похожего с нашей природой, здесь все другое. Поражают огромные деревья — фикусы, корни которых свисают большими гирляндами вниз и красивая крона с гладкими листьями. Королевская кокосовая пальма — это гордость Кубы. Она растет, практически, во всех местах: в городах, поселках вдоль дорог. Кокосовый орех это и молочко, и орех, и скорлупа, которая используется для различных поделок. А из листьев пальмы кубинцы делают всякие постройки.

Ещё в день приезда радио и телевиденье Кубы постоянно напоминало жителям об урагане «Кейт», который зародился в «Бермудском треугольнике» и с огромной скоростью приближался к острову. По их

информации скорость ветра в эпицентре достигала 180 км/час. Поэтому нам были отменены все поездки по городу и предложено оставаться в гостинице. К вечеру во всем отмечалось приближение урагана: сильный порывистый ветер раскачивал кокосовые пальмы и другие деревья, кокосовые орехи сыпались с пальм, начался сильный дождь.

Население Гаваны, привыкшее к ураганам, проводили защитные меры. Во-первых, все стекла окон заклеивались газетной бумагой, как у нас в войну, во-вторых, из опасных мест вывозились люди и скот, в-третьих, повсеместно отключался газ и свет, чтобы исключить пожары. - во всем чувствовалась организованность и порядок.

Где то во второй половине дня эпицентр урагана достигает Гаваны., Мы видим, как валятся огромные деревья, в том числе фикусы. Вот когда оцениваешь силу разбушевавшейся стихии, которая вступила в единоборство с человеком. Разразился мощный тропический ливень, стало темно, слышны мощные грозовые раскаты Разгул стихии продолжался и продолжался.

Ужинаем при свечах под шум дождя и буйство стихии. Ураган стих, где то в 3 часа ночи.

К утру появился свет, газ и другие атрибуты нормальной жизни. Мы завтракаем в ресторане, нормальным образом и выезжаем затем в город, чтобы продолжить выполнение нашей обширной программы.

В городе кругом следы прошедшего урагана. Кругом огромные поваленные деревья, в том числе фикусы в диаметре два, и более метров, огромные сосны, старые пальмы и неведомые нам деревья, сплошь покрытые цветами. Кругом кипит работа по уборке последствий урагана. Мы не перестаем удивляться и восторгаться оперативности и трудовому энтузиазму кубинцев. Все от мала до велика трудятся на ликвидации последствий урагана: люди рубят, пилят поваленные деревья и ветки, тут же грузят их на машины и вывозят за город на свалку. К вечеру город был приведен в нормальное состояние.

На следующий день нам предстоит перелет на самый большой остров Кубы — Хувентуд. Остров был открыт Колумбом в 1494 году и получил название Эвангелиста. Но свое название он менял много раз: это и Камарго, Гуанаха, Пинос (Сосновый), остров Попугаев. Этим именем его называли пираты, которые укрывались здесь в XVI–XVIII веках, подстерегая груженные золотом галеоны, следовавшие из Мексики и Перу. А сегодня его название Хувентуд (остров Молодежи). И это действительно молодежный остров. На нем расположены 22 интернациональных школы, где живут и учатся дети многих стран, в том числе Анголы, Никарагуа, Намибии, Чили, Мали и других стран. Это подлинная интернациональная политика Кубы, так как все эти школы финансируются

правительством Кубы. Каждая школа имеет свои сады — апельсиновые, мандариновые, грейфрутовые, за которыми ученики школы ухаживают и собирают урожай.

Военный самолет Як-40 довольно быстро доставил нас на остров в аэропорт «Новая Герона», где встретил нас министр иностранных дел острова. На автобусе мы едем в музей «Истории революционной борьбы Кубы», который размещен в бывшей тюрьме. По дороге видим много садов, деревья манго и папайи. Встречается много животноводческих ферм, на которых работает молодежь. Кубинцы гордятся тем, что именно здесь на острове была корова рекордистка, которая в день надаивала 100 литров молока. Американские специалисты усомнились в этом и специально приехали на остров Хувентуд и убедились в этом. Рекорд их коровы был всего 86 литров. Об этом рассказал наш сопровождающий Хосе.

Раньше в тюрьме содержались преступники и политические заключенные, которые использовались на тяжелых работах по добыче мрамора. Практически весь остров покрыт небольшими горами, которые сплошь состоят из отличного мрамора и этот материал широко используется везде.

После поражения штурма казарм Мон-Кадо сюда были заключены Фидель, Рауль Кастро и ещё многие революционеры. Заключение продолжалось 22 месяца.

Далее нам предложили посетить одну из школ острова. Мы выбрали Намибийскую потому, что мало кто знал, где такая Намибия. Поразил нас ритуал встречи: вначале одна из учениц на чистом испанском языке приветствовала нас, затем человек 15 юношей и девушек 11 класса (на Кубе 12-летнее обучение) спели нам песни и станцевали. Они дальше все время сопровождали нас песнями и плясками до самого прощания со школой. Это было очень красиво и трогательно. У всех прекрасные голоса. А темперамента хоть отбавляй.

И дальше школа не переставала удивлять. Когда нам показали стоматологический кабинет школы с современным оборудованием, у нас отвисли челюсти. А совсем молодая врач стоматолог пригласила одного из нас в кресло. Фантастика, да и только. Как нам рассказали, потом при каждой школе есть какой-нибудь кабинет, и все дети находятся под постоянным медицинским контролем. Нам бы так! Подумал я.

Мы в свою очередь вручили детям значки, открытки с видами Москвы, угостили конфетами, сфотографировались на память. Теперь мы знали о Намибии многое, что это беднейшая Африканская страна, выбравшая социалистический путь развития, но не имеющая пока нормальной экономики для обеспечения народа всем необходимым. Вот поэтому Куба, политикой которой являлась благотворительность, учит

детей Черной Африки, А когда у нас в стране случилась Чернобыльская катастрофа, Фидель Кастро принял 10 тысяч детей на Острове Свободы. Мы почему-то не вспоминаем об этом.

После школы мы возвращаемся на аэродром и улетаем в Сантьяго-де Куба — колыбель кубинской революции. Размещают нас в коттеджах (кабаньос) больших удобных номерах, в которых имеется все необходимое для проживания, даже видеомэгафон для просмотра фильмов.

Экскурсия по городу начинается с Казармы Мон-Кадо, где расположен музей истории «26 июля». Именно со штурма Казарм Мон-Кадо начиналось самое крупное революционное выступление борцов за свободу Кубы во главе с совсем ещё молодым Фиделем Кастро. И хотя они потерпели поражение в этом выступлении, ими был получен большой урок в революционной борьбе. Многие были убиты в этой схватке, многие захвачены в плен и брошены в тюрьму на остров Пинос. Рядом с музеем изготовлены памятники с указанием всех борцов, погибших в этих боях.

Затем нас знакомят с «поляной динозавров». Вначале мы увидели у дороги доисторического птеродактиля и затем во всей красе предстали перед нами древние обитатели нашей планеты. Место для этих ящеров выбрано очень удачно кругом холмы и в центре водоем, из которого видна огромная морда чудовища. Сколько фантазии, выдумки предприняли художники, ученые и строители, чтобы создать такое чудо на земле Кубы. Но над всем этим возвышается фигура первобытного человека с огромным каменным топором в руках. В этом человеке уже просматривается и творец и разрушитель.

Во время знакомства с городом на территории крепости наблюдаем очень трогательную процессию — обряд конфирмации девушки, достигшей совершеннолетия. Процессия подъехала к крепости на каретах, запряженных в красавцев лошадей, украшенных цветами и лентами. А девушка выглядела как невеста. Все её поздравляли, дарили цветы и подарки. И она была на «седьмом небе». Это католическая традиция, но она хороша.

А дальше начинается самое приятное — отъезд на автобусе в город Гуардалавака, и купание на пляже Атлантического океана. Пляж очень хорош — белый песок и теплый океан, что еще надо нам северянам! Мы с удовольствием плаваем и загораем. Наш сопровождающий Хосе, говорит, что акул в этих местах не бывает, потому что акулы не любят песок, который им забирает жабры. Так что я плаваю в ластах и маске далеко к рифам, любясь подводным царством. Все очень довольны купанием при отличном обслуживании наших сопровождающих — Хосе, Хуана и шофера автобуса. В машине имеется холодильник и к нашим услугам соки, воды, пиво и ром.

Вечером ужинаем в кафе, где трио компаньерос весь вечер пели нам прекрасные кубинские песни.

Покидая этот прекрасный уголок Кубы, нельзя ещё раз не сказать о замечательных пляжах Гуардалавака. Изумительный белый песок образовался в результате разрушения коралловых рифов, которые просматриваются в океане. Здесь состоялось мое знакомство с удивительным подводным миром теплых вод тропиков. Хотя в моем распоряжении были только ласты. Маска и трубка я в полной мере мог наблюдать красоты подводного царства. Мир кораллов ни с чем не сравнимое разнообразие морского сожительства и омывающие воды Кубы (Атлантический океан, Мексиканский залив и Карибское море) входят в зону обитания кораллов. И их здесь великое множество: метрекоровые кораллы с их тончайшими узорами, оленерогие кораллы очень ветвистые, древовидные кораллы, кубинцы называют их «орехон», меду ними раскачиваются морские веера — ажурные горгонарии, напоминающие экзотические растения с тончайшими узорами. Впечатляют также столбчатые кораллы, мозговые и многие другие. К сожалению не все колонии кораллов живы. Из-за обилия туристов, когда каждый хочет увести с собой кусочек коралла, коралловые колонии гибнут и разрушаются.

На следующий день мы едем в один из промышленных городов Кубы — город Ольгин. Где знакомимся с комбайновым заводом. Поскольку главная сельскохозяйственная культура Кубы это сахарный тростник, то кубинцы начали выпускать комбайн по уборке тростника, разработанного с помощью советских специалистов. А в настоящее время кубинские специалисты серьезно улучшили конструкцию комбайна, обеспечили стану комбайнами и начали выпускать эту машину на экспорт. А проблем при уборке сахарного тростника достаточно много: это и мусор, и земля, и песок. Если не избавиться от этих недостатков, качество сахара будет очень низким. В новом комбайне все это учтено.

После знакомства с заводом и городом Ольгин, обедаем в ресторане, где нам впервые были предложены устрицы, которые мы ели с опаской, вдруг будут пищать? Но все обошлось, устриц съели все. А рядом с рестораном расположено кафе «Пьющий ишак». И действительно в вольере прогуливается ишак, и как только посетители подходят к стойке, он тут как тут. Но пиво без закуски он не пьет. Ему посетители дают что-нибудь поесть, и затем из горла он пьет пиво. Живет он здесь уже 15 лет, злоупотребляя алкоголем до 10 бутылок в день.

Из Ольгина самолетом мы улетаем в Сьенфуэгос город-порт на юге Кубы.

Заместили нас в гостинице Пасакабалло, что в переводе с испанского означает «Тропа лошади». Как всегда при гостинице есть прекрасный бассейн, где на ночь глядя, мы с удовольствием искупались.

Город назван в честь одного из руководителей революционного движения Кубы — Камило Сьенфуэгоса, который возглавлял колонну повстанцев при переходе из Сантьяго-де-Куба на запад в Гавану. Его успешные боевые действия (вместе с двумя другими колоннами) в декабре 1958 года позволили добиться победы в революции. Это крупный промышленный город и порт Кубы. В городе развит рыбный промысел, много учебных заведений. Имеется ботанический сад, с которым нас познакомили Хосе и Хуан.

Следующим городом, с которым нам предстоит познакомиться, был город Тринидад. Это один из старейших городов Кубы, который объявлен городом заповедником и поэтому старая часть города сохраняется в том виде, в котором он был построен в давние года. Многие улицы города мощены камнем и по ним нет движения транспорта. В начале мы познакомились с особняком, в котором жила испанская богатая семья. Это большой 2-х этажный дом, с большим двором внутри. В комнатах много картин известных мастеров живописи, изделий из фарфора, богатой посуды.

Интересно построена кухня, позволяющая готовить пищу на древесном угле. Выходим во двор, и там нас ждет импровизированный концерт кубинцев, которые исполнили песню о Че-Гевара любимом национальном герое Кубы.

Вечером мы идем на варьете, который находится в нашей гостинице. Наши места рядом со сценой и поэтому мы имеем возможность наблюдать и восхищаться этим прекрасным зрелищем — праздником песни, танца и юмора. Состав балета самый разный по национальному составу. Это и совсем белые исполнители и совсем черные, но все «Кубанос». Все номера проходят с задором, с безудержным темпераментом и весельем. Невольно вес зал начинает скандировать и подпевать артистам. Вообще, царит очень хорошая теплая обстановка и в зале и на сцене. На столах легкие коктейли или вино. А то и просто соки. Это приятно удивляет на Кубе — им не нужны для веселья крепкие напитки, отношение к ним или нейтральное или отрицательное. После шоу начинаются танцы, ритмы которых самые разные, но в основном темпераментные и быстрые. Далеко за полночь мы возвращаемся в гостиницу.

Что касается пьянства на Кубе, мы попали в полный просак перед нашими сопровождающими Хуаном и Хосе. Начитавшись дома нашей прессы о Кубе, в который писалось о свободе и бесшабашности кубинцев, которые только и делают, что пьют ром и танцуют самбу, мы заключили пари с ними, что это так. На что они возразили нам, сказав, что вы вообще не увидите ни одного пьяного кубинца. И поскольку у нас ещё впереди было 20 дней, мы обещали показать им пьяного кубинца. Но наши попытки оказались тщетны. За это время мы не могли показать

ни одного пьяного кубинца и проиграли самый дорогой коньяк. Хуан нам рассказал, что у них не принято молодому человеку выпивать до 25 лет.

— Получи образование, создай семью, роди детей, а потом можешь и выпивать.

Действительно кубинцы много работают, занимаются спортом, поют народные песни и танцуют, но ведут трезвый образ жизни.

Очень большое впечатление на нас оказала прогулка на яхте в бухте Сьенфуэгоса. Бухта идеальное место для порта. Она отделена от Карибского моря узким проливом и тем самым, надежно защищена от морских стихий. На воде обилие птиц: чайки, бакланы и другие виды. Особенно красивы бакланы, которые стремительно летят над самой поверхностью воды, едва её не касаясь. Птицы кругом, даже на бакенах они сидят плотными рядами. Присутствие птиц, говорит о том, что в этой бухте много рыбы. Да и рыбаки, которые здесь промышляют рыбу, подтверждают это. Знакомимся с дельфинарием, который расположен здесь. Дельфины были к нам очень дружелюбны и внимательны. Они знали, что у нас целое ведро свежей рыбы, и мы всю её побросали им. Самое интересное, что дельфины были уверены, что люди пришли их развлекать, считая нас несовершенными существами, которые еле-еле плавают, а под водой не могут находиться и трех минут. Дельфины очень разумные существа.

Не перестаем восторгаться климатом и природой Кубы. У нас в Союзе: зима, морозы, снег, шубы, шапки, сапоги, а здесь благодать: все время лето, солнце, зелень, сезон созревания манго, грейфрута и других цитрусовых, а бананы на каждом шагу огромными гирляндами свисают со стеблей. И бархатное море 25–27 градусов температура в океане.

У нас снова насыщенная программа. Мы покидаем Сьенфуэгос — город национального героя Кубы, как и Эрнесто Че-Гевара и Хулио Антонио Меньи, портреты которых помещаются на сцене Дворца Съездов Кубы наряду с портретами Маркса, Энгельса, Ленина, Хосе Марти, Антонио Масео и Максимо Гомесом.

Наша первая остановка в Плайя Хироне, где находится исторический музей Кубы, в память о героическом разгроме американских бандитов, вторгшихся на Кубу в апреле 1961 года. Около 2000 бандитов на нескольких судах высадились на этом месте, с тем чтобы захватить часть территории Кубы, образовать правительство и обратиться к США об оказании военной помощи этому правительству в борьбе с Кубинской революцией. Но бандиты просчитались. Весь кубинский народ выступил на защиту революции.

— Родина или смерть!

— Родина и свобода!

— Они не пройдут!

Вот лозунги того времени, хотя и сегодня они не менее актуальны. Фидель, как Главнокомандующий лично руководил операцией по уничтожению бандитов. Все эти чрезвычайные мероприятия позволили в течение трех суток уничтожить банду наемников.

Причем, нужно учитывать крайне сложную обстановку внутри страны — была очень сильная контрреволюция, которая была уничтожена лишь в 1965 году. Во время операции было сбито 8 самолетов США, потоплены все суда, принимающие участие в десанте, уничтожены 200 бандитов, остальные взяты в плен. Захвачено много оружия и боеприпасов. Кубинцы потеряли в этих боях 130 человек. Это мощная победа кубинского народа над хорошо вооруженными и обученными американскими наемниками.

А све погибшие за дело революции занесены в героическую историю Кубы. В музее помещены фотографии и личные вещи всех погибших. И мы были горды тем, что оказали кубинцам военную помощь в борьбе с врагом. После этой победы Куба объявила о социалистическом характере революции и поставила задачу построить социализм в стране. С глубоким чувством гордости за кубинский народ, мы покидали этот город.

Программа нашего пребывания на Кубе была настолько насыщенной, что мы, порой, теряли чувство пространства, настолько много было впечатлений.

И дальше мы не переставали удивляться увиденному. Впереди нас ждала экскурсия в Гуаму — музей под открытым небом, индийская деревня древних веков. Путь туда лежал по узкому каналу, который был прорыт очень давно и можно туда доехать на катере, который ходит туда довольно часто. Через час мы достигаем довольно большого озера, на берегу которого раскинулась деревня, где жили древние индейцы, коренные жители Кубы. Здесь и там стоят вигамы, около которых находятся манекены людей, которые как бы занимаются своими повседневными делами: женщины готовят пищу, чинят сети, делают пряжу и ткут из неё ткань для одежды. А мужчины занимаются рыбной ловлей, охотой на дичь, строительством жилища. Все это сделано весьма искусно, достоверно.

А затем в том же стиле сделаны и другие строения уже для обслуживающего персонала и туристов. Вы можете приехать сюда на катере, снять вигам и жить. Здесь находятся бассейны, рестораны, кафе и бары, танцевальные площадки. Обед был в большом стилизованном под старину вигаме и блюда нам подавали соответствующие. Какие-то лепешки, очень вкусные, рыба и мясо по старинке и вина под старину. А посуда — глиняные чашки и черепки. Все очень забавно. Музыканты исполняли национальные песни Кубы при всеобщем участии присутствующих.

После обеда покидаем это место и плывем на катере в крокодильный питомник. Оказывается, разводить крокодилов очень выгодное дело: чучело крокодила стоит довольно дорого в зависимости от размера его. А учитывая, что их с удовольствием покупают туристы со всего света, то это солидная статья дохода для страны. И конечно крокодиловая кожа широко используется для изготовления сумочек, обуви, ремешков различных.

И вот мы среди крокодильского царства: тут и там за сеткой находится огромное количество этих экзотических животных, на которых без содрогания не посмотришь, особенно, когда это четырехметровый экземпляр, да ещё с разинутой пастью. Мы приспособились угощать их банками из-под пива, кока-колы, манго. Крокодил клал челюстью, и эта металлическая посуда исчезала в его чреве. Ну и обжора!

А вообще, крокодил не терпит движения предметов, он хватает всё, что движется рядом с ним. И когда у нас кончились банки, мы опустили за изгородь воздушные шары, которые крокодил безуспешно хватал. Вот уж потеха для публики! Я как кинооператор решил сделать самые лучшие кадры и для этого залез на забор, который отделял нас от крокодилов и начал снимать. Вдруг я почувствовал, что забор начал падать в сторону крокодилов. Пока до меня дошло, что могу быть прекрасной закуской для них, случилось чудо. По какой-то причине падение забора прекратилось, и я был спасен. Да и мои друзья во время схватили меня за штаны.

— Нет, решил я, больше так испытывать судьбу нельзя.

С грустью покидаем это экзотическое место Кубы. Где и когда ещё сможем мы повидать такое количество крокодилов — реликтовых животных нашей планеты.

На следующий день мы возвращаемся в Гавану.

А далее нам предстоит отдых в Варадеро целых 12 дней. Это одно из самых лучших мест для отдыха не только на Кубе, но и в мире. Он расположен на берегу Атлантического океана и имеет прекрасный пляж, протяженностью более 20 километров, созданный самой природой — белый, белый песок и синий, синий океан.

Едем по хорошей автостраде, через плантации цитрусовых, сахарного тростника, банановых рощ, пальмовых лесов. Видим кое-где следы прошедшего урагана Кейт. Это и поваленный сахарный тростник, раскиданные банановые стебли и масса опавших апельсинов, мандаринов и лимонов, которые собирали школьники, встречаются поваленные деревья, сорванные крыши у некоторых домов. Везде ведутся восстановительные работы.

Вечером мы въезжаем в Варадеро. Разместили нас очень хорошо в отеле для командования Кубинской армией. Номер на семью двухкомнатный с холодильником, телевизором, газовой плитой, кондиционером.

В каждом номере имеется балкон с видом на океан. Перед входом в ресторан расположена барная стойка с хорошим барменом, который всегда мог предложить нам коктейли: «Куба либре», «дайкири», «бурый медведь», «махито» и др. Коктейль «дайкири» прославил американский писатель Э. Хемингуэй, который выпил однажды 16 порций «дайкири». До сих пор сохранился рецепт «Дайкири Хемингуэй», или как его называли при жизни автора «двойной Папа»: две меры рома «Бокарди», сок двух лимонов и половины грейпфрута и 6 капель мараскино. Коктейль «мохито» Хемингуэй пил в баре и готовился он так: на дне бокала смешивался лимонный сок с сахаром и перетертыми листиками мяты и вливался туда светлый ром «Гавана Клуб» и кубики льда. До полна наливалась в бокал газированная вода. А коктейль «Бурый медведь» это наше изобретение — это водка пополам с томатным соком. Этими напитками нас угощал бармен ресторана.

Рано утром идем на берег океана. Поскольку курортный сезон уже закончен в октябре месяце, т. к. океан становится холодным (температура + 25 градусов) пляж, практически, пуст, и только мы «северные моржи» с удовольствием купаемся в океане. Дно песчаное, причем на очень большое расстояние от берега. Но когда океан штормит, то тут то там образуются песчаные острова — это волны делают свое дело, перемещая огромные массы песка с одного места на другое.

Я плаваю в ластах, с трубкой и маской, поэтому имею возможность наблюдать подводный мир. Совсем недалеко от берега я обнаруживаю неведомое мне существо — лангуста довольно крупного размера. Мне удалось его загнать на мелководье, и Валера Резников из нашей команды схватил его за панцирь и вытащил на берег. С восторгом рассматриваем это чудовище — что-то от краба, что-то от рака, у него длинные усы, колючие ноги и туловище. После того, как мы выпустили в океан, он быстро скрылся из вида в глубине. Правда, Хосе потом сказал нам:

— А ведь за него дают 15 долларов.

Все дни проводим у океана: загораем, собираем ракушки, много плаваем, прогуливаемся по прекрасному пляжу. На берегу совсем недалеко от нашей гостиницы построен дом необычной конструкции. Он стоит на мощных опорах и возвышается над землей, будь-то, парит над землей. Как нам рассказали кубинские друзья, этот необычный дом построен для наших космонавтов. После полетов они прилетают на Кубу и отдыхают в Варадеро в этом доме. Сказка, да и только. Он так и называется — Дом космонавтов.

Далее возвышается 4-х этажный дворец, который называется — особняк Дюпона. Ирене Дюпон де Немур сказочно разбогател во время первой мировой войны на торговле динамитом, и в 1930 году построил этот особняк. Он богато отделан ценными породами красного дерева и итальянско-

го мрамора. В подвале установлен орган, а рядом с домом оборудована площадка для гольфа. Ежегодно вначале января Дюпон приезжал в свои владения и проводил там пять месяцев. Причем, на своей яхте он мог подплыть прямо к подъезду дома, там был прорыт канал, который позволял это сделать. После революции поместье национализировали и устроили в нем школу. Ныне поместье Дюпона представляет собой гольф-клуб.

В гостинице оборудовано телевизионное вещание, поэтому вечерами мы смотрим видеофильмы, в основном, американские, которые демонстрируются по нашим заявкам.

В первый день пребывания на Кубе организаторами нашего отдыха была вручена книжечка, где была подробно расписана программа нашего пребывания на острове Свободы. Программа была настолько насыщенной, что мы думали, где же они проколются. Но к нашему удовольствию пока до Ворадеро проколов не было. И тут я читаю в программе — катанье на лошадях 8.12. 85 г.

— Вот, — думаю я, — где они оплошают. Нам надо подать для конной прогулки 12 лошадей со всей экипировкой.

После завтрака в этот день, мы как всегда выходим в парк, видим там прекрасный табун коней, которые ожидают нашего прибытия. Вот это молодцы, кубинцы! Ко мне подходит красивая кобылица и приглашает меня сесть на неё. Я, вспомнив детство, когда мы на лошадях возили копны во время заготовки сена в войну, сажусь на неё и чувствую себя настоящим ковбоем. На коне имеется все, что необходимо ковбою для работы: это и лассо, и кольт, и прекрасное седло и, наконец, плеть для сопровождения стада. Кок оказалось потом, моя лошадь была лидером в табуне и сразу заняла ведущую позицию среди коней, и никто не имел права её обогнать. Вот такое распределение обязанностей в табуне. Поехали вначале рысью, а потом помчались в галоп по прекрасным полям, низинам и возвышенностям. Причем, все участники этой прогулки, и женщины и мужчины, даже те, которые никогда не садились на лошадь, получили огромное удовольствие от верховой езды на этих красивых лошадях, которые были предоставлены нам. Более двух часов продолжалась прогулка, и каждый из участников был рад этому.

А на следующий день запланирован выход в океан на рыбалку. Очень приличная яхта берет нас на борт. Молодой кубинец лихо управляет яхтой, которая все дальше и дальше увозит нас от берега. И когда берег становится почти невидимым, мы останавливаемся, бросаем якорь и начинается рыбалка. Ждать улова пришлось не долго, уже через несколько минут я выловил каменного окуня примерно на два килограмма. Кубинцы сказали:

— Это очень вкусная рыба и мы будем её жарить.

И другие наши рыбаки наловили почти целое ведро самой разной рыбы, и наш, кок — кубинец, приготовил жаренную рыбу с жареными бананами. Было очень вкусно!

К вечеру мы возвращаемся в гостиницу и первым делом идем плавать в океан. Полное райское наслаждение. А утром мы едем в Гавану. Закончился наш курортный этап отдыха в Варадеро, и остается всего два дня нашего пребывания на Кубе. Эти дни посвящаются знакомству с Гаваной и посещению театра под открытым небом — «Тропикана».

История Гаваны начинается с 1514 года. Тогда на южном побережье Кубы появилось поселение, которое считается местом будущей Гаваны. А в 1592 году Гавана получила статус города. Если в 1902 году в Гаване проживало 250 тыс. человек, то сегодня — 2,2 мил. человек.

Мы наше знакомство с Гаваной начали с центральной её части, с Национального Капитолия. Это монументальное здание, копия Вашингтонского Капитолия, но богаче декорированного. Строили его более трех лет 5 тыс. кубинских рабочих. Торжественное открытие состоялось в 1929 году. Высота купола 62 метра. В центре расположен большой зал, где установлена 17-метровая бронзовая статуя Республики. До 1959 года здесь заседали сенаторы и депутаты Конгресса Кубы. В настоящее время здесь работает Кубинская Академия наук и национальная библиотека. Здание впечатляет.

Рядом находится Большой театр Гаваны с залами на 800 и 2000 мест, где в основном царствует знаменитый Национальный балет Кубы, основанный знаменитой балериной Алисией Алонсо. За зданием Капитолия находится королевская табачная фабрика «Партагас», которая производит знаменитые кубинские сигары. А вообще в Гаване работают 5 табачных фабрик, производящих сигары.

Мы посетили два музея, которые расположены тоже в центре Гаваны. Это музей «Коллекция всемирного искусства» и «Национальный музей изобразительного искусства». В прекрасном здании первого музея представлены картины европейских и латиноамериканских художников, а также античные произведения Греции и Рима. Второй музей обладает наиболее крупной коллекцией кубинской и зарубежной живописи с начала колониальной эпохи до наших дней. На нас большое впечатление произвели подлинные полотна Рубенса, Мурильо, Веласкеса, Гойи и др. Посетили мы также бывший Президентский дворец, в котором размещается музей революции.

В 15 километрах от Гаваны находится Дом-музей Эрнеста Хемингуэя. В этом доме Хемингуэй жил в 1939 – 1960 гг. И сегодня дом остался таким, каким он был при жизни писателя. Здесь он писал свои знаменитые произведения: роман «Прощай оружие», рассказы «Старик и море»,

«Праздник, который всегда со мной» и многие другие рассказы. Внутри дома посетителей не пускают, позволено только заглянуть в открытые окна и увидеть множество книг в библиотеке и охотничьи трофеи. Все равно музей произвел на нас большое впечатление.

И самым впечатляющим было посещение Мемориала в честь победы революции с монументом Хосе Марти. Бетонная башня мемориального сооружения высотой 138,5 метров облицована мрамором и в ней находится самая высокая смотровая площадка Гаваны. В мемориале Хосе Марти хранятся подлинные реликвии и документы, связанные с его деятельностью. Ежегодно 1 мая и 26 июля перед мемориалом на площади, которая вмещает 1,2 миллиона человек, проводятся демонстрации и военные парады. Вокруг площади расположены ЦК Компартии Кубы и ряд министерств. На одном из зданий размещен огромный портрет Че Гевары, который в ночное время подсвечивается.

Заканчивается наше пребывание на Кубе и последним аккордом стало посещение ночного театра «Тропикана». Легендарное кабаре работает с 1939 года. За это время в нем выступали многие прекрасные артисты, да и сегодня нельзя без восторга смотреть это шоу, в котором участвуют более 200 человек. Сцена представляет собой довольно большую арену, над которой имеются площадки в два этажа. Во время танцев артисты выступают на всех площадках в очень красивых костюмах, причем кубинки всех цветов: от черной-черной до белой-белой. У всех ноги растут из-под мышек. Залюбуешься!

Представление начинается в 10 часов вечера и заканчивается где-то в 2–3 часа ночи. А вначале представления очаровательная мулатка испанского происхождения — Милена, знакомится с присутствующими в зале. Причем, при этом она исполняет песню той страны, люди которой сидят за столом. Нам она пропела песню «Ой, рябина кудрявая ...».

Затем началось представление, и были исполнены вначале песни и танцы Африки, далее танцы и песни Южной Америки и в заключение — Кубы. Впечатление от варьете потрясающее. Я больше ничего подобного никогда не видел.

На следующий день мы улетаем из Кубы в Москву. И ещё долго мы будем вспоминать этот прекрасный край, райский остров Свободы на земле. Конечно, ещё много чего кубинцам надо сделать, но когда их ругают за карточную систему, которая существует в стране, я бы согласился на такую карточную систему, если бы цены на продукты в этом случае были бы в 2–3 раза ниже обычных цен, как у них.

ВОЕННЫЕ УЧЕНИЯ. ПОЕЗДКА НА КУБУ

После отпуска снова за работу. В середине июня 1983 года нас офицеров 16 Управления и 22 ЦНИИ МО собрал командир части Р. П. Покровский и поставил задачу о подготовке к крупным учениям, которые будет проводить министр обороны Д. Ф. Устинов под кодовым названием «Наука 83».

— Учения сухопутных войск будут проходить в Прибалтике, а морская часть учения в Калининграде, — доложил Роман Петрович, — причем на эти учения привлекаются все генеральные и главные конструкторы важнейших систем вооружения и военной техники и министры оборонных отраслей промышленности или их замы.

На учениях предполагается присутствие члена ЦК Смирнова Л. В., начальника оборонного отдела ЦК Савинкина Н. И., председателя военно-промышленной комиссии (ВПК) Горшкова Л. И., зам. председателя Госплана Маслюкова Ю. Д.

От нашей части выделяется группа сопровождения, которую я поручаю возглавить генералу Балашову В. П. Всего в этой группе будет задействовано 10 офицеров: 3 офицера из 22 института, от войсковой части 25580 — полковник Чепчин В. И., от 16 Управления полковник Канов Я. В. остальные офицеры из других управлений. На каждого офицера возлагаются ответственные обязанности по взаимодействию промышленности с руководством учений. В частности, полковнику Канову поручается размещение, сопровождение и взаимодействие с маршалом Д. Ф. Устиновым — руководителем учений, шести министров (или их замов) оборонных отраслей промышленности, а именно: министра авиационной промышленности — Силаева И. С., электронной промышленности — Шокина А. И., машиностроения — Бахирева В. В., производства средств связи — Первышина Э. К., радиопромышленности — Максимова М. А. и общей промышленности — Ларченко О. Ф. От вас требуется четкость в работе и исполнительность.

Убытие в Ригу 26 июня эшелонам, который будет подан на платформу у метро «Полежаевская». Желаю всем удачи, — завершил совещание Р. П. Покровский.

Так я попал в команду, которая будет непосредственно участвовать в учении.

В назначенное время 26 июня 1983 года эшелонам мы убываем в Ригу и утром 27 июня прибываем в столицу Латвии. Размещение всех участников учений производилось следующим образом: правительство располагалось в Майори — в санатории «Балфлота»; министры — в гостинице ЦК Латвии по адресу Спорту 1; генеральные и главные конструкторы,

а их было 15 человек, размещались в гостинице Даугава, причем были приняты самые жесткие меры безопасности — все ГК размещались на третьем этаже гостиницы, а второй и четвертый этажи были пустыми, там были спецслужбы Латвии и СССР. Там же размещались начальники ГУ министерств и директора заводов.

Исполняя свои обязанности, я познакомился с гостиницей и с номерами, выделенными для министров. После прибытия их в Ригу произошли некоторые изменения и вместо А. И. Шокина — министра электронной промышленности — прибыл его зам. Колесников В. Г. Всем моим подопечным были выделены апартаменты, рассчитанные на два человека. Таким образом, 8 номер выделялся Коленникову и Максимову, в 11 номер — Силаеву и Ларченко, 13 номер — Бахиреву и Первышину. А мы с полковником Баюковым А. В. (он был моим напарником) были размещены на первом этаже. Это был приличный номер со всем необходимым для нормального проживания, а самое главное с телефоном, который позволял нам держать связь со штабом учений. Для проезда на полигон и все другие поездки нам были выделены две «Чайки» и «Волга».

28 июня все мои подопечные прибывают в гостиницу и размещаются по своим номерам. Встречает нашу делегацию председатель Совета министров Латвии Рубен Ю. Я. После размещения все приглашаются на завтрак, и после завтрака все мы отправляемся в штаб учений, где министр обороны Устинов Д. Ф. ставит задачу войскам на учение «Наука 83». В своем выступлении маршал отметил, что важность этих учений состоит в проверке в действии новых разработок вооружения и военной техники, в том числе: проверить методы десантирования войск и техники с экипажами танков и без экипажей; новых ракетных комплексов, выполняющих функцию «разведать-передать-поразить»; новых средств инженерного обслуживания войск; действий танкового корпуса в наступлении; действий флота при борьбе с надводными и подводными кораблями.

Фактически будет четыре этапа учений:

- действия ВДВ в наступлении войск,
- участие инженерных войск в обеспечении переправ через водные преграды,
- морской этап учения в Калининграде,
- танковый корпус в наступлении.

Министры, директора и генеральные конструкторы будут представлять на учении свои разработки.

Желаю всем успешного завершения учений, — закончил министр обороны.

На этом совещании вместе с министрами присутствовали:

От минрадиопрома — генеральные конструкторы Бункин Б. В., Ефремов В. П., Артемьев В. В., Семенихин В. С., генеральный директор Иванов В. П.

От минмаша — начальник главка Чебоненко Л. И. и генеральный конструктор Вишневецкий В. С.

От МПСС — начальник главка Симаков А. А., директоры Биленко А. П. и Соколов В. А.

От минавиапрома — генеральные конструкторы Симонов М. П., Беляков Р. А., Константинов А. К., Михеев С. В., Тищенко М. Н.

От минобщепрома — директоры Сабельников В. М. и Исаков П. П., генеральные конструкторы Непобедимый С. П. и Шипунов А. Г.

От министерства обороны присутствовали:

Огарков, Епишев, Вареников, Петров, Кутахов, Колдунов, Матросов, Куркоткин, Ивашутин, Толубко.

Затем всем составом мы переезжаем в Адажи, где знакомимся с новыми разработками вооружения и военной техники. На полигоне развернуты новейшие ракетные системы, для борьбы с воздушным противником. Это С-300 ПМУ — ракетный комплекс для ПВО страны, демонстрировал его генеральный конструктор академик Бункин Б. В. Я сразу вспомнил 70-е годы, когда мы работали по выпуску интегральных схем с индексом «ОС» для этой системы, что способствовало повышению надежности и точности попадания ракет по целям. При испытаниях система показала высокую эффективность работы по нескольким целям одновременно. И эта система принята на вооружение.

Другой ракетный комплекс С-300В представлялся академиком Ефремовым В. П., но он был предназначен для защиты войск от воздушного противника. По характеристикам комплекс приближался к С-300 ПМУ.

Были представлены материалы по проекту самолета «Шмель» — А-50. Это летающий радар, который позволяет просматривать воздушное пространство и приграничные районы любой страны, получая нужную информацию. США давно имели такой самолет типа «Авакс» и осуществляли облет наших границ, доставляя нам массу неприятностей, причем, глубина обзора была до 200 километров. Об этом самолете рассказал генеральный директор Иванов В. П. Он проинформировал присутствующих о том, что дальность обнаружения целей до 150 км., а достижение 200 км. рубежа планируется к концу 1983 года. Выступил также командир авиационного полка, который сказал, что испытания самолета А-50 проходят успешно. Демонстрировалась ракета «Смельчак», которая предназначена для уничтожения радаров, т. е. ракета движется по лучу излучения радара.

После ознакомления с техникой мы возвращаемся в Ригу.

2 июля вылетаем в Черняховск на полигон инженерных войск. Автобусом едем до полигона, а это примерно 120 километров от города. На полигоне демонстрировались средства маскировки войск, новые средства

переправы через реки, защита плотин, мостов, сооружение ложных позиций и переправ, создание дымовых завес и другие виды инженерных сооружений. Возвращаемся в Ригу довольно поздно.

3 июля нам предстоит вылет в Белоруссию в г. Барановичи, где расположен полигон ВДВ.

Задача учения: действия ВДВ в наступлении с десантированием солдат, сержантов, офицеров и танков и ведение боя с противником. Причем впервые будет производиться десантирование танков с личным составом. Для министра обороны и всех присутствующих сделаны трибуны, с которых хорошо просматривается весь ход операции. Мы находимся на этих же трибунах и вместе со всеми наблюдаем за ходом учения.

И вот в небе появляются самолеты ТУ-76 и из чрева самолета посыпались бойцы ВДВ. Картина впечатляет. Соблюдается основное правило десантирования — как можно скорее покинуть самолет, иначе разброс десанта будет очень большой и трудно будет начать организованное наступление. К счастью разброс личного состава десанта был не очень большим, и экипажи танков быстро устремились к своим танкам, которые были сброшены сразу же после десанта личного состава, и запустили их. В этом случае десантирование танков называют быстрым, и оно производится с торможением, т.е. перед приземлением взрывается тормозной боеприпас, который гасит скорость. А десантирование танков с экипажами внутри танка производилось с помощью огромных парашютов (их было 5 штук) и танки медленно приближались к земле. Удар об землю компенсировался платформой, на которой были установлены мощные амортизаторы. Сразу после приземления танков открылись люки, и экипаж, отсоединив платформу, на которой приземлился танк, запустили двигатели и через 5 минут двинулись в бой с противником. Бой с условным противником проходил под прикрытием самолетов МиГ-23, Су-27, Су-29. Бой был скоротечным и успешным, условный противник был сломлен и отступил.

Через некоторое время танки, которые десантировались с экипажами подъехали к трибунам, и Министр обороны пригласил экипажи на трибуны. Маршал поблагодарил экипажи танков за это сложное десантирование, которое производилось впервые, и вручил всем именные часы. Часы были вручены также сыну командующего ВДВ, который десантировался в танке.

Во второй половине дня мы все перелетаем в Бельды, где расположен полигон сухопутных войск.

Здесь разворачивалось танковое сражение с прорывом 1 и 2 линии обороны противника. Наступающий танковый корпус должен получить поддержку против танков противника:

- ствольной артиллерией и минометов,
- реактивными снарядами,

- боевыми вертолетами,
- штурмовой авиацией.

Целями противника являлись 60 подвижных мишеней танков, из них 12 танков управляемых, вертолеты, радары и позиции войск.

В 16.00 танковый корпус вышел на рубеж атаки и начался танковый бой. Причем, корпус преодолел расстояние в походном марше более 200 километров пути. Отказов техники на марше не было. Земля содрогалась от огня артиллерии и ракетных снарядов по танкам-мишеням, которые ползли по полю. Через некоторое время уже горело 6 танков-мишеней, остальные танки потеряли управление и были выведены из строя. Танковый корпус при поддержке авиации успешно продолжал наступление. Руководитель учения объявил о запуске новой ракеты по радару «Смельчак», который движется и поражает цель по излучению радара. Однако поражения радара ракетой не произошло, и он был уничтожен артиллерией. За этот промах разработчикам и руководству минрадиопрома при разборе учения крепко досталось от Министра обороны Д. Ф. Устинова.

Для дальнейшего продвижения танкового корпуса нужно было преодолеть речку Западную Двину, Об этом позаботились инженерные части, которые возвели понтонную переправу через реку и танки быстро углубились вглубь прорыва обороны противника. Преодолев вторую линию обороны противника, войска успешно завершили свой этап учений.

На разборе учений маршал Устинов Д. Ф. дал высокую оценку всем этапам учения и поблагодарил весь командный состав, всех офицеров, сержантов и солдат за хорошую выучку и высокую боеготовность. Он также дал распоряжение командующим о поощрении наиболее отличившихся военнослужащих на этом учении.

— Задача учения выполнена, — сказал Министр обороны, — а подробности учения будут изложены в директиве, которая появиться в ближайшее время.

Так завершился для меня важнейший этап моей службы в центральном аппарате МО. К чести должен сказать, что у нас с Баюковым не было ни одного прокола, и министры были довольны четкостью и оперативностью нашей работы.

Не могу не вспомнить один случай из этого периода нахождения в Риге. Я ездил на «Чайке» с рядовым Соколовым Владимиром, который был направлен в Ригу из Сибири, из части, которая находилась под Свердловском. И однажды, когда мы привезли всех в гостиницу, он обращается ко мне с просьбой:

— Товарищ полковник, я никогда не видел море, а так хотелось бы. Кончатся учения, я уеду в Сибирь и никогда не увижу моря. Нельзя ли съездить в Юрмалу? — спросил он.

— А почему нельзя! Конечно, поехали, на сегодня нет никаких планов, и мы заодно искупаемся в Рижском взморье.

Мы садимся в «Чайку» едем в Юрмалу. Как только мы выехали из ворот гостиницы, за нами сразу пристроилась черная «Волга» и я понял, что за нами следят. Зная, что мы ничего противозаконного не делаем, мы продолжали свой путь к морю. А так как я раньше бывал в этих краях и знал, как ехать туда, мы совсем скоро уперлись в барханы Рижского взморья.

— Какая красота! — воскликнул Володя, — Как я благодарен Вам за это!

— Да, ладно, чего уж там. Раздевайся и пошли купаться.

И вот мы с ним заходим в море. Идти до глубины приходится долго, в Юрмале мелкое море. Но все равно, зайдя на глубину, мы с огромным удовольствием поплавали, помылись и довольные идем к машине. И снова, как в городе за нами пристроилась та же самая «Волга», которая сопровождала нас до самой гостиницы.

После разбора учений мы все едем в аэропорт и возвращаемся в Москву. До дома меня подвозит Эрлен Кирикович Первышин, сказав на прощание добрые слова.

О результатах учения мы с Чепчиным доложили офицерам на оперативном совещании.

В июне 1986 года на имя командира нашей части Р. П. Покровского приходит письмо из министерства электронной промышленности с просьбой командировать Канова Я. В., члена Советской части 8 секции ПК РЭП СЭВ в Республику Куба, где должно состояться в ноябре месяце очередное заседание этой секции. Командир части разрешил мне такую командировку сроком на 7 суток. За лето были оформлены все документы для поездки на Кубу и 15 ноября мы вылетаем в Гавану. Правда пришлось изрядно поволноваться перед поездкой, так как вначале планировалась поездка 6 человек от минэлектронпрома, затем были сокращены 3 человека, но благодаря заместителю генерального директора внешнеторговой организации «Электронинторг» Одинокovu А. И., который настоял, чтобы моя кандидатура осталась. Таким образом, в Гавану мы вылетели от МЭПа втроем. Мне этот маршрут был уже знаком по прошлому году. Как всегда перед полетом через океан делается посадка в Шенноне и затем 9 часовой перелет через океан. В аэропорту нас встречает Н. Н. Соколов, который постоянно проживает на Кубе, как представитель МЭПа. Вместе с нами в Гавану прилетают представители других стран-членов СЭВ для участия в этом совещании. Мы уже давно знакомы друг с другом и наши встречи сопровождаются приветствиями, рукопожатиями, объятиями. Нам дают шикарный автобус,

и мы уезжаем в Пинар-дель-Рио, центр провинции с этим же названием на крайнем западе острова Куба. В нашу поездку в прошлом году мы не были в этом районе, и поэтому мне было очень интересно познакомиться с этим районом Кубы. Провинция привлекательна богатейшей кубинской природой. Многие места этого района объявлены ЮНЕСКО мировыми биосферными заповедниками: Сьерра-дель-Росарио, долина Виньялес и полуостров Гуанаакаибес. Почти через всю территорию провинции проходит горный хребет Гуанигуанико, в котором обнаружены обширные системы пещер и источники целебных минеральных вод, а также многочисленные лагуны и водоемы, где можно ловить рыбу.

Разместили нас в отеле Los Jazmines в хижинах («кабаньос») — это отдельные небольшие домики, но со всеми удобствами: и кондиционер, и душ, и другие блага цивилизации. А зал для проведения совещания был в главном корпусе и там же находился ресторан, где мы питались. Какая красота нас окружала. Это и горы, которые сплошь покрыты соснами («пинар» в переводе с испанского означает — сосна), это удивительные кустарники, раскрашенные красными шикарными цветами, это и плантации табака, который здесь является основной культурой.

К середине 1800 гт. наибольшую известность этому району принес табак. После того, как европейцы распробовали ароматный сорняк, провинция стала процветающей: был открыт морской порт, из Гаваны проложена железная дорога, чтобы ускорить доставку скоропортящегося табака на табачную фабрику. И в наши дни табак остается главным средством развития провинции: лучшие в мире сорта табачных листьев выращиваются именно здесь.

Вечером во время ужина в ресторане я встретил главу Румынской делегации Штефанию Гроссу. Я был рад встрече и взволнован потому, что у нас с ней были хорошие дружественные отношения. Она тоже с удовольствием поздоровалась со мной, сказав:

— Так случилось, что в этот раз на совещание я приехала одна, и очень прошу вас, Ян Васильевич, взять надо мной шефство, в хорошем смысле этого слова.

— Конечно, конечно, — подтвердил я.

За ужином она рассказала, какие проблемы приходится решать ей в сложный период государственной неустойчивости, в том числе в области электроники. Поэтому я здесь одна, в стране нет денег на подобные мероприятия. Нам осталось только посочувствовать ей.

На следующий день рано утром Бортновский В. Г. собирается уезжать с Соколовым в Гавану и просит меня вести это совещание. Мне ничего не оставалось, как соглашаться с этим — я понимал, надо отработать командировку на Кубу. Он оставляет мне все документы по совещанию

и те решения, которые следует обсудить и принять методом простого голосования.

После этого Бартновский и Соколов уезжают в Гавану. А я в 10 часов открываю 31 заседание 8 секции. После слов приветствия по протоколу идет представление участников совещания. Я многих знаю по совещаниям в Армении, в Литве, в Москве и других городах, поэтому эта часть совещания прошла быстро. Всего на совещании присутствовало 7 делегаций стран-членов СЭВ, — это Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Чехословакия, Советский Союз, Румыния. Куба и Югославия выступали в качестве наблюдателей в Постоянной Комиссии РЭП СЭВ.

На совещаниях, как правило, рассматривались вопросы сотрудничества стран в области радиоэлектронной промышленности, вопросы поставок изделий электронной техники и предъявления претензий по качеству ИЭТ. Также обсуждались вопросы освоения новых изделий электроники и в связи с этим, определялись страны, которые готовы осваивать новые изделия после передачи технологии изготовления их.

Совещания проходили довольно бурно, но всегда находились конструктивные решения, которые заносились в итоговый протокол. Так все происходило и на этом совещании.

С большим докладом выступил министр радиоэлектроники Кубы, который рассказал присутствующим о строительстве завода в Пинар-дель-Рио по производству изделий электронной техники, который в ближайшее время будет выпускать эти изделия. Причем, кубинцы очень гордились этим. Раньше на Кубе не было ничего подобного, так как это была чисто аграрная страна. Советский Союз выделил необходимый кредит для строительства завода, направил своих специалистов и, таким образом, был построен этот завод. В докладе министра было сказано много теплых слов в наш адрес.

К большому нашему удовольствию кубинцы организовали ознакомление с достопримечательностями провинции Пинар-дель-Рио.

И началась наша экскурсия с сигарной фабрики. Как сказал поэт:
— Сигарный дым так сладок и приятен.

Первые сигарные фабрики на Кубе возникли в XVIII веке и находятся они, в основном, в Гаване, хотя 70% сырья для кубинских сигар поступают из Пинар-дель-Рио. И практически 100% верхних листьев, в которые заворачивают сигары, также собирают здесь. Как нам рассказали мастера, на изготовление хорошей сигары уходит 5 листьев, из них 4 листа уходит на наполнение сигары, а пятым листом её обворачивают. Это самый важный лист, потому что придает сигаре особый аромат и обеспечивает ровное горение.

На следующий день мы едем в национальный парк «Долина Виньялес». Она расположена в 27 километрах к северу от Пинар-дель-Рио и здесь

находятся самые большие сосновые леса и расположены карстовые долины. В скалах природа создала большое число пещер, через которые протекают подземные речки. Мы посетили две такие пещеры, где восторгались их красотами. В Большой пещере Санта-Томас мы увидели целебные источники, которыми пользуются и местные жители, и туристы, приезжающие сюда на отдых. Познакомили нас также с гигантской фреской Муральде-ла-Преистория на утесе высотой более 600 метров и в длину 120 метров. На фреске художники изобразили огромную улитку, динозавров, морских чудовищ и людей, как символ эволюционного развития.

Не меньше впечатлений у нас было от посещения Ботанического Сада, который находится в районе Сороа, получивший название «Радуга Кубы», из-за обильных дождей, выпадающих в этом месте. Повышенная влажность дает возможность произрастать здесь самым высоким деревьям и самым красивым орхидеям, Особенно восторгалась этим великолепием Штефания, которая неотступно была все время со мной.

— Это любимые мои цветы, — щебетала она, — у меня в Бухаресте их очень много, но такой красоты у нас нет! И действительно Парк орхидей — особая гордость сада.

И завершается экскурсия в Ботаническом саду видом на водопад на реке Манантылес высотой 22 метра. В период дождей это внушительное зрелище, а мы увидели всего лишь небольшой ручей.

В один из дней я узнаю, что в Гаване проживает Н. П. Амельчаков, с которым мы долгое время работали в КБПМ — он был генеральным директором, а я руководителем военной приемки. Мне доли его телефон и я тут же позвонил ему в Гавану.

— Здравствуй, Николай Павлович! — поздоровался я, — ты думал, что избавился от меня, но я и на Кубе достал тебя!

— Ян Васильевич! Какими судьбами здесь на Кубе! Я рад слышать тебя. Приглашаю тебя в Гавану к себе домой.

— Я обязательно подъеду к тебе, когда буду в Гаване. Где мы встретимся?

— Николай Николаевич Соколов все знает, и он привезет тебя ко мне. Договорились?

— Я все понял, при встрече расскажу, как я оказался на Кубе. Всех благ, тебе и до встречи!

— До встречи!

Вот это да! Как оказалось потом, Н. П. с семьей уже четвертый год находится в командировке на Кубе и исполняет должность советника при министре радиоэлектронной промышленности Кубы. Весьма почетная должность. Но об этом после встречи с Н. П.

Наше совещание подходило к концу. Уже рассмотрены все вопросы повестки дня, осталось утвердить протокол 31 заседания 8 секции. Он не вызвал особых проблем, так как был у каждого на руках, и в ходе совещания, все вопросы были разрешены. Простым голосованием протокол был утвержден. После этого заседание завершило свою работу до будущего года в Болгарии.

Вечером организаторы совещания приглашают нас на банкет, по случаю успешного завершения работы секции. Это своеобразный прощальный бал. В назначенное время приходим в ресторан, столы которого ломятся от закусок, фруктов и яств. Вообще стоит сказать об организации питания в ресторане, Оно было отменным, порции огромные. Если курица, то порция — это пол курицы, если мясо, то — это большой кусок. Всегда отлично приготовленная рыба, омары, креветки, жареный батат и жареные бананы, много зелени, фруктов, а на десерт сыр с вареньем, очень хорошее сочетание. И к каждому второму блюду обязательно половина лимона. Кофе по кубински, это очень вкусно.

Всех пригласили за стол и организаторы совещания произносят тост за успешную работу, за прекрасную Кубу и её народ, за революцию и её вождя Фиделя Кастро. Оркестр играет кубинскую музыку и начинаются темпераментные танцы. Штефания, которая сидела рядом со мной, не могла удержаться от такой музыки, и мы вместе со всеми пошли танцевать танго. Танцевала она прекрасно, румынская красавица, она была чем-то похожа на кубинку, смуглая брюнетка. Поэтому её приглашали на танец чаще кубинцы, чем наши мужчины. В разгар вечера ведущий объявляет конкурс на лучший кубинский танец — самбу. Штефания оживилась и попросила меня:

— Я этот танец хочу танцевать с Вами! Идемте танцевать!

Конечно, я соглашаюсь, хотя самбу я буду танцевать впервые. Об этом я сказал Штефании.

— Ничего, я этому танцу училась в Бухаресте и знаю этот танец. Вы в надежных руках.

— Тогда вперед! — сказал я.

Начался танец, и пары пошли танцевать вокруг длинного стола, который был установлен в центре зала. Оркестр взял приличный темп и пары выделяли чудеса в этом танце, так как главное в этом танце импровизация. Я все тоже увлекся этим танцем, а моя партнерша вызывала восторг у присутствующих. Ведущий конкурса периодически выводил из круга пары танцующих, и пар становилось все меньше и меньше. Я прикидывал, что вот-вот нас выведут из круга. Но нет, мы продолжали танец. И вот остается две пары: мы со Штефанией и красавица кубинка со своим партнером. И, о чудо! Ведущий оставляет нас в этом танце. Раздаются громкие

аплодисменты, Штефани дарят цветы и в качестве приза мы получили огромный торт. Вот такое событие: офицер из Союза и Штефания из Румынии, танцую самбо на Кубе, выигрывают конкурс! Штефания была на седьмом небе и с благодарностью смотрела на меня. Так закончился этот вечер в Пинар-дель-Рио.

Утром мы возвращаемся в Гавану. Путь в 120 километров по отличной автостраде преодолеваем менее чем за два часа. К гостинице, где нас устроили, подъехал Николай Николаевич, который привез меня к вилле Н. П. Амельчакова. Всем семейством он занимал приличный двухэтажный дом, вокруг которого был красивый сад, а дорожки в саду в ночное время подсвечивались фонарями. Хозяин дома встретил нас в саду, где был накрыт его супругой Анной стол.

Мы были рады встрече, так как не виделись уже 8 лет, с момента ухода моего из КБПМ. Он тоже два года спустя был переведен в Зеленоград, на завод Квант, а затем был командирован сюда в Гавану. Угощали нас ромом и различными коктейлями, и это создавало хорошую, непринужденную обстановку. За тостами вспоминали КБПМ, поездки в Ливны и в Тбилиси, где разворачивалось производство микроэлектроники. Как там была открыта военная приемка, но оборонные заводы категорически отказывались брать микросхемы грузинского производства, и Николай Павловичу приходилось закрывать и свои поставки, и тбилисские заказы.

Николай Павлович поведал нам о том, что четырехлетний срок его пребывания на Кубе истекает и, видимо, мне придется возвращаться в Союз. Хотя министр радиоэлектроники имеет намерение оставить меня еще на год.

— Хорошо было бы так, — сказал Н. П., — Мы привыкли друг к другу и мне легко работается с ним.

Как оказалось потом, Н. П. действительно пробыл ещё год на Кубе советником.

Разошлись поздно вечером, а утром из аэродрома Хосе-Марти мы улетаем в Москву, Вот здесь появился В. Г. Бортновский, который поблагодарил меня за успешное окончание совещания и ведение этого совещания в течение пяти дней. Полет до Москвы прошел благополучно с посадкой в Шенноне, где, как всегда, мы пили отличное темное ирландское пиво «гиннес».

В нашей стране одно потрясение следовало за другим. Только пережили горбачевскую борьбу с пьянством, как этот меченный начал борьбу с офицерами Советской армии, объявив сокращение офицерского корпуса на 25%. Но мой командир сказал мне, что это сокращение не коснется тебя лично, и ты спокойно можешь уезжать в отпуск.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РЕКАМ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

И действительно я взял отпуск и уехал на родину, в Сыктывкар, где жили моя мать и брат с семьей. Тем более мой брат давно предлагал мне вместе с ним совершить плавание по одной из северных рек — Вишере на резиновых лодках. Предложение было заманчивым, и я согласился участвовать в этом путешествии. Тем более что Коми край всегда привлекал меня своей красотой и богатством рек рыбой и лесов разной живностью. Речка Вишера славилась обилием хариуса — речным лососем.

Мой брат — Генрих Васильевич — взял на себя все заботы, связанные с этим 20-дневным путешествием. По замыслу мы должны будем добраться до верховьев реки Вишера. На надувных резиновых лодках начать спуск по реке до деревни Михайловки, а туда за нами должна будет приехать машина, на которой мы возвращаемся в Сыктывкар.

В состав группы вошли помимо меня и моего брата, его сын Василий и друзья брата — Артур и Вячеслав. В назначенный день на грузовой машине мы едем в поселок Дальний, через который проходит узкоколейная железная дорога, и на маленьком паровозике мы едем в тайгу, к верховьям Вишеры. Примерно через два часа езды мы достигаем цели. Вот она Вишера! Оказалось это совсем маленькая речушка шириной 10–15 метров, но достаточно быстрая, порожистая и местами глубокая. Разгрузились на берегу и начали устраивать свой быт. Кто-то ставил палатку, кто-то разводил костер, кто-то готовил ужин. Но неприятности начались раньше, чем мы ожидали. Стремительно собрались черные, черные тучи, началась сильнейшая гроза, и пошел дождь. Хорошо мы успели поставить палатку и приготовить ужин. Гроза все усиливалась, и гром гремел, практически, не переставая. Дождь перешел в ливень, обрушив на нас море воды. Наступила ночь, но гроза продолжалась и ливень тоже. Невольно появились мысли:

— И надо нам это, забраться в дремучую тайгу и ждать «у моря погоды». Часа через три раскаты грома начали удаляться от нас. И мы успокоились в надежде, что завтра будет все хорошо. И вдруг раздался страшный удар молнии, оглушительный треск и шум, падающего дерева. Нам в палатке показалось, что рушится вселенная. Через минуту все стихло. Брат вышел из палатки и прокричал:

— Ребята! В 10 метрах от нас молния свалила огромную березу!

Да, везуха! Всего-то 10 метров от катастрофы! Значит, у нас есть ангел-спаситель.

После такого потрясения, мы долго ещё не могли заснуть.

Рано утром, я слышу приближение паровозика, на котором мы приехали сюда. Он загрузился на лесосеке хлыстами древесины и возвращался в поселок. Причем после дождя воздух был прозрачным и чистым, поэтому стук колес паровоза был слышен далеко, далеко и он усиливался при приближении к нам. Палатку свою мы поставили прямо под насыпью, довольно крутой. И вот, когда паровоз проезжал мимо нас, с него упал верхний хлыст. И я услышал шум падающего хлыста в нашу сторону.

— Ребята, подъем! Упало бревно с паровоза!

Все выскочили и увидели прямо возле палатки, упавший хлыст. Нам опять повезло. Огромное бревно лежало рядом с нашей палаткой.

После ночного ливня речка стала более полноводной, и это радовало нас, плыть будет хорошо. После завтрака надуваем лодки, грузимся и в путь. Впереди долгое плавание вниз по Вишере. Вначале гребем шустро и плывем быстро. Но спустя несколько километров, лес вплотную подходит к речке, и начинаются завалы. Иногда их приходится обходить по берегу, иногда в ход пускаем пилы и топоры, прорубая проходы. Часто попадает горелый лес на десятки километров выжженная земля. Так проходит первый день путешествия. На ночлег выбираем красивую лужайку на берегу и ставим палатку. Гена, Артур и Вася уходят на рыбалку. И совсем скоро они приносят штук 20 хариусов, которые мы жарим на ужин. Рыба получилась очень вкусной. Послу ужина все ложимся спать.

Встаем рано утром и сразу все в речку купаться. Ночь была очень теплой и вода в реке тоже теплая. Утро выдалось солнечным, и это создавало нам хорошее настроение. Завтрак был обильным, осталась вчерашняя жареная рыба, сырокопченая колбаса, кофе со сгущенкой. Позавтракав, сворачиваем палатку и в путь. Речка Вишера в этом месте уже была шире, и нам не приходилось преодолевать завалы, просто их уже не было. И мы спокойно гребли, гребли, преодолевая километры в достижении конечной цели. Так продолжалось и 16 июля. К исходу этого дня наш командор устраивает остановку на острове, который разделил Вишеру на два рукава.

— К чему бы это, — подумал я, — ещё далеко до вечера, нам можно плыть и плыть.

Но мужики молча суетились у костра и импровизированного стола, который они соорудили, готовя всякие закуски. А Вася удачно рыбачил на краю острова, то и дело, вытаскивая рыбку за рыбку. И уж совсем я недоумевал, когда Артур с братом поставили огромный шест посередине острова с красной тряпкой наверху. Завершив все эти действия, мой брат с торжественным видом всех приглашает к столу, и произносит речь.

— Дорогой брат, сегодня в день твоего рождения, мы долго думали, что тебе подарить и решили подарить тебе этот остров, с красивым названием — Королевский. Отныне он твой и владей им во благо процветания живности всей. Это подтверждается грамотой Аэропага, подписанного всеми членами сего числа. Ура! Ура! Ура!

Так вот в чем дело. В сутолоке дней я забыл, что 16 июля день моего рождения. Какой же умница мой брат, что устроил это действо!

— Спасибо, дорогие мои, за поздравление и за остров, который действительно красив, и я буду хорошим хозяином острова во благо всех его обитателей.

Но брат не переставал удивлять меня поступками. Несмотря на сухой походный закон, брат вытаскивает из реки её «родимую» и мы дружно выпиваем тост за новорожденного. А потом было много тостов: за родителей, за прекрасный Коми край, за друзей, за моего брата, который организовал это путешествие и конечно за любимых женщин. Далеко за полночь мы улеглись в палатку и отрубались в блаженном сне.

Наш поход проходил нормально, мы постепенно заполняли хариусом большую молочную флягу, подсаливая его. С удовольствием плавали в реке, которая давно стала широкой и глубокой. За 15 дней мы не встретили на своем пути ни одного человека. И вот однажды, где то на 16 день к нам подходят вооруженные солдаты, которые интересуются, не встречался ли кто-нибудь нам в лесу. Мы сказали солдатам, что таких встреч у нас не было. Тогда они рассказали, что из колонии бежали два заключенных, которые могут находиться в этих краях. Они вооружены и опасны. Так что, будьте осторожны с такими встречными людьми. Мы приняли эту информацию к сведению и привели ружье, которое у нас было, в боевое положение.

Три дня прошли нормально, и нам остался последний рывок до деревни Михайловка. Вечером послу ужина из кустов к нам подходит человек в кожаной куртке и брюках, и просит нас о помощи:

— Помогите мне добраться до деревни, или остановите какую-нибудь моторную лодку, которая довезла бы меня до деревни. Мне срочно надо быть там,

— А что случилось? — спросил я.

— Я ничего не могу сказать вам. Но лодочники почему-то не берут меня.

И мы, как то поверили ему. По реке часто курсировали лодки, и мы решили остановить одну из них. Буквально через несколько минут мы услышали шум лодочного мотора, и Артур в лодке узнает своего знакомого и он останавливается около нас. Артур просит его посадить в лодку нашего незнакомца и тот соглашается. Через несколько минут лодка исчезает из виду.

Рано утром даже без завтрака мы отправляемся в последний кусок нашего пути и где-то к 14 часам мы доплываем до Михайловки. Разожгли костер тут же прямо на берегу, приготовили обед и увидели, что к нам идет тот самый человек, которого мы посадили в лодку. Он был в форме лейтенанта внутренних войск.

— Здравствуйте, ребята! Огромное вам спасибо за то, что посадили меня в лодку. Я сейчас уже могу рассказать, что случилось. Вы наверно знаете, что из колонии убежали два преступника, и мы их повсюду искали. И, наконец, обнаружили их в заброшенной землянке, и я должен был предупредить командиров об этом и взять подмогу. И ночью мы их задержали. Ещё раз спасибо вам.

Вот на такой ноте закончилось наше путешествие по реке Вишера, тем более что в это время подъехала за нами машина, чтобы привести нас в Сыктывкар.

К вечеру мы были в Сыктывкаре. Больше всего была рада нашему возвращению наша мама. Еще бы и два сына уехали в поход и внук вместе с ними, конечно, она переживала за нас и ждала возвращения. Но какой вкусный подсоленный хариус получился, все оценили это.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ АРМИИ

После отпуска возвращаюсь в Москву и на работе узнаю, что Президент еще на 10 процентов сократил центральный аппарат Министерства обороны. И, несмотря на то, что командование успокаивало меня, и говорило, что мне не грозит увольнение, я понял — пора писать рапорт об увольнении из армии. Тем более мне уже исполнилось 56 лет. Передо мной стал вопрос: где работать, в какой системе, на какой должности? Когда я сказал в кадрах о своем намерении уволиться из армии, мне предложили должность ведущего инженера в военной приемке. Это меня явно не устраивало, после работы руководителем ВП.

И тут я вспомнил о Соколове Владимире Александровиче, генеральном директоре ВО «Электронинторг», с которым мы встречались на совещаниях 8 Секции ПК РЭП СЭВ.

Я договорился о встрече с ним на «Соколе», где он размещались. В.А. встретил меня приветливо и поинтересовался, в чем моя проблема. Я без лишних слов сказал ему о том, что увольняюсь из армии.

— Да, а форму допуска вы имеете? — спросил он.

— Я имею 2 форму допуска, — подтвердил я.

— Действительно в отделе поставок спецтехники у меня имеется вакантная должность, и если вы согласны с этим, то пишите заявление о приеме Вас на работу в нашу организацию.

Я написал заявление и поинтересовался, когда можно будет приступить к работе.

— На это уйдет две-три недели, и приказ о вашем назначении будет подписан, — подтвердил В. А. Соколов.

Обрадованный таким поворотом дела, я иду к начальнику отдела Малышеву К. Г. и кладу ему на стол рапорт о моем увольнении по возрасту. Командование дает добро на мое увольнение из армии. Я прослужил 38,5 лет календарных и с учетом войны получается более 40 лет службы в Советской армии. Так я стал гражданским человеком с 1 января 1988 г. Пенсию мне назначили в размере 250 рублей.

С февраля 1988 г. я сотрудник внешнеторговой организации министерства электронной промышленности ВО «Электронинторг», (ранее она называлась «Электронзагранпоставка»).

Отдел, куда меня назначили ведущим инженером, возглавлял Курдин В., который совсем скоро убывает в ГДР, и мне предлагается его должность. Я, конечно, соглашаюсь, во-первых это самостоятельная работа, во-вторых приличный оклад, в-третьих есть возможность выезжать в заграничные командировки для решения многих вопросов. В моем подчинении было три сотрудницы.

Задачи, которые были возложены на отдел, носили разнообразный характер, Но главная задача — это контроль за своевременной поставкой изделий в страны-члены СЭВ. Поэтому нужно было знать все заводы-поставщики, и добиваться поставки ИЭТ в установленные контрактом сроки. Вторая задача — это передача технической документации в страны, для организации производства наших изделий по лицензии. Это довольно кропотливая работа, особенно, с т.з. полноты комплекта документации на то или иное изделие. Очень важный участок — это участие в международных выставках вооружения и военной техники совместно с Росвооружением. И наконец, организация и участие в конференциях, в совещаниях 8 секции СЭВ и других мероприятиях внешнеэкономической деятельности.

Генеральный директор Соколов В.А. был мудрым руководителем и однажды он предложил мне поступить на курсы подготовки специалистов в области международной внешней торговли.

— Эти курсы проводятся в стенах нашей организации, три раза в неделю после работы, — сказал он, — и это очень удобно для сотрудников. Преподаватели, в основном, из академии внешней торговли, весьма опытные и уважаемые люди. После окончания курсов Вам будет вручен диплом этой академии.

От такого предложения я отказаться не мог. И в течение года я посещал эти курсы, которые дали мне основательные знания в области внешней торговли. Вспоминаю, как нам давали тему «Контракт» — это сложный и основной документ, который подписывается при заключении сделки, и включает в себя массу тонкостей, которые должен знать каждый коммерсант. Мне эти знания очень пригодились в дальнейшей моей работе.

Первая моя заграничная командировка состоялась в Италию.

Кто из людей России не мечтает побывать в Италии? Конечно многие. Но пока, что в наше смутное время мало кому это удастся. А мне повезло. Я еду на выставку «Конверсия-91».

Прилетаем мы в Милан столицу Ломбардии, и уже оттуда наш путь лежит в Болонью столицу другой области — Эмилия-Романья. От Милана это 300 километров. Едем по прекрасной автостраде, с массой автозаправочных станций, без всяких очередей. При них имеется магазинчик, где можно купить все, что нужно путнику в дороге и подкрепиться в многочисленных бистро и кафе.

Едем мимо промышленных предприятий, бесчисленных фирм и крестьянских хозяйств. Вдоль дороги мы видим, в основном, кукурузные поля, виноградные сады, фруктовые сады. Поля уже убраны, и стебли кукурузы скатаны в большие рулоны, которые аккуратно накрыты

брэзентом. Часа через три приезжаем в Болонью под проливным дождем. Размещаемся в гостинице Pullman. Я занимаю довольно большой одноместный номер на втором этаже. Мы сразу уезжаем на выставку, чтобы сделать кое-какие дела.

Выставка довольно необычная в своем роде. Оборонный комплекс нашей страны решил показать в Италии свои возможности, с т.з. производства товаров народного потребления и найти партнеров для торговли. И что только мы не увидели на выставке: и малую авиацию, и станки для обработки металла, и армейскую форму, и инструмент разный и ещё много чего. Мы на выставке представили приборы ночного видения, различные электронные приборы, СВЧ изделия для радаров.

Решив все неотложные дела и поужинав в ресторане, мы возвращаемся в гостиницу. И тут я обнаруживаю, что мой чемодан оказывается не моим. После того, как я открыл ключом чемодан, вещи в нем оказываются не мои. Догадываюсь, что в нашем самолете летел человек, у которого такой же чемодан, как и у меня. Вот он и взял мой чемодан в аэропорту и мне оставил свой. Отчаяние охватило меня: ни одежды, ни обуви для смены, ни даже бритвы. Как хорошо, что все деловые бумаги я взял с собой.

Для того чтобы выяснить личность владельца чемодана, мне пришлось осмотреть все вещи его. И на дне чемодана я обнаружил папку с деловыми бумагами. Это были контракты, договора, финансовые отчеты и другие важные документы. Из них я узнал, владелец чемодана некто Баранов — представитель фирмы «Парсек», которая находится в Талине. Там же был и адрес итальянской фирмы, к которой он приехал, это г. Прато, Франелли. Я обратился к представителю торгпредства СССР в Италии, который помог мне разыскать эту фирму. А дальше уже дело техники, мы созвонились с ним, он приехал в Болонью и мы обмениваемся чемоданами. Так закончилась эта история с чемоданом. Вывод такой: нужно иметь голову на плечах и ещё, чемодан должен иметь твою отметку, твой символ, чтобы его невозможно было перепутать ни с чем.

С каким удовольствием я надел чистое белье, которое положила моя Татьяна, чистую рубашку, брюки и легкие ботинки.

13 сентября день открытия выставки. А перед открытием выставки состоялась пресс-конференция, на которой присутствовали руководители промышленности нашей страны во главе с Руцким. В своем выступлении он поприветствовал всех участников выставки и пожелал всем удачного бизнеса. С ответным словом выступил мэр г. Болоньи, который выразил надежду на успех выставки.

Руцкой вместе с мэром Болоньи разрезали ленточку и открыли выставку. Народ хлынул на выставку. В основном это были журналисты,

бизнесмены, боссы и просто зеваки. На нашем стенде тоже постоянно толпятся люди. Их привлекает, прежде всего, прибор ночного видения «Сова», который мне привезли из Новосибирска. Правда, цена его достаточно высока — 600 долларов США. Но все равно многие просят продать выставочный экземпляр. Так в течение дня, мы с Ириной Михайловной Баслиной, которая исполняет роль переводчика, хлопочем на стенде, рассказывая посетителям о наших экспонатах.

А вечером мэр города и президент провинции Болонья-Ламберто устроили нам прием в замке Сикора ди Сан Лассаро. После приезда мы попадаем в прекрасный старинный замок, дорога к которому освещалась факелами, кругом шумели фонтаны, а внутри размещена картинная галерея, поражающая уникальными твореньями итальянских мастеров живописи.

Столы накрыты на 4 человека, и мы занимаем один из столиков. Закусок и разных вин много, и мы восторгаемся итальянской кухней, которая нам понравилась. Глубоко за полночь мы возвращаемся в гостиницу.

На следующий день к нам на стенд пожаловал вице-президент нашей страны Александр Владимирович Руцкой. Я рассказал ему, что мы представляем на выставке электронную промышленность и предлагаем широкую гамму изделий народного потребления от фианитов — искусственных алмазов, до приборов ночного видения (ПНВ). Мы продемонстрировали ему «Сову» — ночной монокуляр, который обеспечивает видимость предметов в ночное время на расстоянии более 100 метров, и он дал поручение сопровождающим его людям, связаться с нашей организацией и купить партию ПНВ.

Иногда удается выбрать время, чтобы познакомиться с городом Общее впечатление — чудо. А не город. Тысячелетняя история этого города воплотилась в прекрасные соборы, площади и дворцы, которые сохранились, и сегодня через сотни лет выглядят хорошо. Заходим то в один собор, то в другой и удивляемся красоте каждого своей монументальностью и вечностью, как мир.

На улицах много торговых предприятий, цены в которых отличаются друг от друга в 5 и более раз. На рынке мы видели современные новые кроссовки за 10 000 лир, а в центре города те же самые кроссовки стоили 80 000 лир. Поразительно, абсурдно, но это так. Есть магазины первой руки, второй руки и пр. За 10 т. лир здесь можно купить уникальную вещь. Рынок здесь не предсказуем.

В завершении работы выставки был устроен круглый стол, на котором выступили представители промышленности России и А. В. Руцкой, который охарактеризовал выставку как успешное событие для России и Италии в укреплении наших экономических связей. На этом выставка была закрыта.

А вечером мы с Ириной Михайловной решили пригласить директоров предприятий, участвующих в выставке, на прощальный ужин ко мне в номер. При наших скромных суточных мы решили воспользоваться рестораном, где мы обедали. Там был очень необычный порядок заказа еды: ты из большого разнообразия закусок, горячего, фруктов и вин, можешь взять только 5 предметов. И на выходе к столу официант смотрит, сколько предметов ты взял. И мы решили взять по 5 бутылок хорошего вина, а закуску купили на рынке. Так мы накрыли вполне приличный стол, и все директора были очень довольны прощальным ужином в Болонье. А утром мы уезжаем в аэропорт и улетаем в Москву.

Работа в Москве проходила в переговорах с иностранными фирмами: это и США, Европейские страны, Индия, Куба, Китай, Япония и другие. Переговоры в организации были настолько плотными, что приходилось заранее записываться на переговорное помещение, где было шесть комнат. В отделе стали появляться хорошие контракты, на большие суммы. Главным образом наших компаньонов интересовали комплекующие, входящие в нашу военную технику. Прежде всего, это относится к сверхвысокочастотным (СВЧ) изделиям, идущим в радиолокационную технику, на борт самолета, технику связи и т. д.

Также успешно шла передача технической документации в страны, за которые мы получали премиальные. Как правило, я готовил приказ о распределении премий по этим работам, учитывая в нем своих сотрудников и руководство предприятия. Но наиболее интересным для отдела было, конечно участие в международных выставках вооружения и военной техники. Мы передали в Рособоронэкспорт, Перечень всех изделий, выпускаемых для армии, и с этими изделиями выступали на выставках. Причем, финансировались выставочные расходы, как правило, «Рособоронэкспортом» в счет будущих контрактов. Это нас очень устраивало.

Представлялся на выставках комплекс «Штора-1» для защиты бронетанковой техники от противотанковых ракет типа «Тоу», «Хот», «Милан», «Дракон» с лазерными головками самонаведения и управляемого артиллерийского снаряда «Копперхед».

Комплекс значительно снижает вероятность попадания ракет в защищаемый объект. Он состоит из двух самостоятельных систем: дистанционной системы постановки аэрозольных помех, предназначенных для перекрытия полей зрения, систем лазерного наведения, и станции оптико-электронного противодействия ТШУ 1-7, предназначенных для постановки ложных сигналов.

Для защиты военной авиационной техники (вертолетов и самолетов) предлагалась станция оптико-электронного противодействия (СОЭП)

Л-166В и Л-166С. Проведенные полигонные испытания показали высокую эффективность станции и надежность при эксплуатации.

Представлялась также широкая гамма тепловизионных приборов для прицелов пусковых установок. Изготавливались на «Полюсе» лазерные головки самонаведения для снарядов с этими головками и они тоже демонстрировались на выставках.

А эти выставки проходили в разных странах. В Турции, в Греции, в Югославии, в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ) в Абу-Даби, в Чили, в России и других странах.

Наиболее интересные выставки проходят в ОАЭ, потому что там имеется военный полигон, где вооружение и военная техника демонстрируются реально, с запусками ракет, стрельбами, как дневными, так и ночными.

В 1992 году на полигоне в Абу-Даби впервые демонстрировалась противоракетная система ПВО ракетный комплекс С-300. Систему представлял Генеральный конструктор академик Бункин Борис Васильевич. На полигоне планировался запуск ракеты для уничтожения реальной мишени. В назначенный день на полигон съехались военные министры многих стран, разработчики ракетных систем, просто бизнесмены для того, чтобы впервые увидеть запуск ракеты системы С-300. При полных трибунах производится запуск мишени, которая устремляется вверх. Тут же раздается команда: — Пуск! И ракета устремляется к мишени по восходящей траектории. Но тут случилось непредвиденное. Мишень вдруг меняет траекторию и разворачивается к земле. Трибуны замерли в ожидании маневра ракеты. И, о чудо! Наша ракета тоже меняет траекторию, разворачивается и устремляется за мишенью. Поражение мишени произошло буквально в 500 метрах от земли. Какой шквал аплодисментов раздался на трибунах. Первый запуск на международной выставке и такой успех! Все поздравляют Генерального конструктора с таким завершением испытаний. Авторитет России возрос высоко, высоко.

А затем демонстрировались танки С-80 с турбиной. Он был всем хорош, но вместо традиционной солярки, ему нужен авиационный керосин. И это не позволило принять этот танк на вооружение. Да и не нашлось иностранных покупателей на него.

Снаряды с нашими лазерными головками «Краснополь» и «Китолов» показали себя отлично, 100 процентное попадание в цель. Большое впечатление на всех произвели ночные стрельбы с применением прицелов ночного видения. Тоже 100% поражение целей. В дальнейшем они стали поставляться на экспорт.

КОМАНДИРОВКА В ИРАК

В мае 1990 года я был приглашен в 1 Главное управление Министерства электронной промышленности к начальнику главка Калашникову В. Г., который сообщил мне о предстоящей командировке в Багдад по приглашению министерства обороны Ирака. Он сказал, что в настоящее время оформляются документы в Багдад и в середине июня мы должны вылететь туда. Калашников рассказал о том, что правительство Ирака имеет намеренье освоить производство некоторых изделий электронной техники, особенно СВЧ техники, так как имеется большая потребность в этих изделиях.

— Мы идем им навстречу и готовы к передаче технологии производства этих изделий, — сказал В. Г. Так что готовьтесь к этой очень важной поездке. У нас возник вопрос: Почему этим вопросом занимается министерство обороны страны? Оказалось все очень просто. Армия Ирака была вооружена, в основном, американским оружием. И когда у них осложнились отношения, американские военные перестали поставлять им комплектующие изделия, которые необходимы для восстановления и ремонта их техники. Что делать? Дорогостоящую технику не выбросишь, например радар, в котором имеются СВЧ изделия, радиолампы и прочие изделия американского производства. Поэтому правительство Ирака обратилось к России с просьбой изготовить аналоги американских изделий для восстановления военной техники. И поэтому непосредственным организатором этого проекта было министерство обороны Ирака.

19 июня мы в составе 5 человек улетаем в Багдад. В аэропорту нас встретил полковник Ханди, и мы едем в гостиницу Палестина, которая находится в самом центре Багдада. Это город старейшей цивилизации на берегу реки Тигр. Левый и правый берега соединяются несколькими мостами различной конструкции: это и вантовые, однопролетные и многопролетные. Вдоль реки построены прекрасные набережные, и весь город утопает в зелени. Основное дерево Ирака — финиковая пальма и её изображение имеется на гербе страны и на деньгах. Растет много платана, эвкалипта, туи и других экзотических деревьев и кустарников. Особенно красив кустарник с розовыми цветами, который распространен довольно широко и даже растет вдоль дорог или между разделительными полосами движения.

Гостиница «Палестина» — это огромное 16-этажное здание и целый комплекс дополнительных сооружений к услугам проживающих в гостинице. К нашим услугам: основной ресторан, рыбный ресторан, несколько

кафе, теннисный корт, бассейн, кегельбан, казино, сауна, банк, кассы аэрофлота и пр.

Хорош рыбный ресторан под открытым небом. Когда спадает жара, начинает работать этот ресторан, который расположен в очень уютном уголке сада гостиницы. Это 20–30 столиков, вокруг которых установлены кондиционеры. В центре пруд с фонтаном с рыбой в нем. По твоему выбору вылавливается рыбина и тут же на решётке жарится для тебя. А вокруг финиковые пальмы, виноград и чудные розы. Такое вряд ли возможно у нас.

У каждого из нас большой номер с балконом, с телевизором, кондиционером, холодильником, телефоном и ванной комнатой.

Завтракаем, обедаем и ужинаем в главном ресторане гостиницы, где устроен «шведский стол». Тогда нам это было в диковину, и мы поражались обилию всего, что было на столе: это примерно 20 видов закусок, 6–8 вторых блюд, 2–3 бульона, 6–8 видов выпечки, фруктов навалом и на сладкое пироженное, торты, кексы и пр., далее чай, кофе, соки, молоко, сливки. В первый день мы набросились на это изобилие и удивлялись, как выдержали наши животы это обжорство.

Конечно, потом мы привыкли к такому обилию пищи, и уже не кидались на все, как в первый день, отдавая предпочтение самым экзотическим и изысканным блюдам арабской кухни.

На следующий день мы познакомились с хорошим обычаем этой страны — после свадьбы первую брачную ночь молодожены проводят в гостинице, такой например, как «Палестина». И вот мы замечаем, что по городу движется огромное количество машин, переполненных народом. Далеко слышен звук труб, барабанов, флейт — это свадьба. Машины подъезжают к гостинице, и улица гудит от этих оркестров, все танцует перед женихом и невестой: дети всех возрастов, молодежь и люди преклонного возраста.

Затем родители жениха и невесты провожают их в гостиницу, где и начинается их новая жизнь.

Мы обратили внимание на прекрасные автомагистрали и огромное количество машин в этом 2-х миллионном городе. Когда ехали из аэропорта в Багдад, скорость «Мерседеса» не опускалась ниже 130–140 км/час. Из легковых автомобилей в основном «Тойота» в различных вариантах: и седан, и комби, и пикап, и хич-хок. Поражаешься мощью японской автомобильной промышленности, которая заполонила Ирак своими машинами. Много машин и других фирм, так например «Фольксваген», «Вольво», «Шеврале» и др. Как правило, машины имеют кондиционер, автоматическое переключение передач, стеклоподъемники, стереомагнитофон с приемником и другие полезные вещи. У нас практически таких машин ещё

не было. Водителю на автострадах легко вести машину, не требуется переключение передач, есть только газ и тормоз. Водители на трассе очень внимательны друг к другу и уступчивы. На дорогах особенно за городом нет ГАИ. Каждый занимает свой ряд, стараясь немедленно уступить дорогу авто, идущему с большей скоростью.

20.06 начались наши переговоры, на которых присутствовали все заинтересованные лица, и прежде всего, директора заводов, которые должны будут осваивать наши технологии. Было высказано пожелание организовать производство более 100 типов радиоламп различного класса, СВЧ изделий, лазерных приборов для целеуказания снарядов и другие изделия электронной техники.

После изучения предложений Ирака, Калашников В.Г. высказал мнение Российской стороны о возможности предоставления наших технологий после изучения производственной базы промышленности Ирака. Нам было предложено ознакомиться с 5 заводами, которые могли бы работать по освоению наших изделий.

Ознакомление мы начали с завода в Салах Эд-Дине. Там было организовано ламповое производство. Затем завод в Аль-Мансур, который делал полупроводниковые приборы, маломощные интегральные схемы и солнечные батареи. На этом заводе сосредоточено достаточно много современного оборудования немецких фирм, французских, итальянских и США. Наши специалисты решили, что на этом оборудовании можно осваивать многие технологии России.

А на завод в Салахитдин нам надо было ехать 200 километров от Багдада. Завод выпускал чисто военную технику, в том числе связную, элементы для радиолокационной техники, персональные компьютеры, коммутационные станции. На заводе налажено производство многослойных печатных плат, пьезо фильтров для связной аппаратуры и освоено производство гибридных интегральных схем.

Руководство завода высказало пожелание о намереньях наладить производство магнетронов и ЛБВ для радиолокационных станций наземных и самолетных.

По нашему общему мнению этот завод, имея хорошее современное технологическое оборудование, производства Швейцарии, США, Франции, ФРГ вполне может осваивать, ту номенклатуру, которую они высказали в заявке.

По распределению обязанностей В.Г. Калашников поручил мне готовить договор (контракт) «О передаче технологии производства Российских изделий Ираку». И я до — поздно писал этот документ вместе с сотрудниками нашего торгпредства, где этот документ печатался.

Подробно была расписана схема освоения и номенклатура изделий, подлежащих освоению в Ираке. Российская сторона обязалась поставлять многие материалы и комплектующие изделия для ускорения освоения этих изделий. К чести, протокол при обсуждении вызывал одобрение сторон без существенных исправлений. Это нас радовало.

И 1 июля протокол был подписан сторонами, что завершило нашу работу в Ираке.

Наша культурная программа была довольно насыщенной. Ознакомление началось с посещения мемориального комплекса, посвященного борьбе Ирака за независимость и президенту Ирака — Саддаму Хусейну. Трудно описать его прелесть, с т.з. архитектурного решения, его величие и красоту, а главное необычность конструкции. Главная конструкция комплекса представляет собой огромный 50 метровый купол минарета, разрезанный на две части. Одна половина расположена вогнутой частью строго на восход солнца, другая половина — на заход солнца. Но эти половинки (как говорят русские рассеченного сердца) сдвинуты друг относительно друга и поэтому отражение солнца все время попадает на огромную переполненную чашу с водой, которая стекает вниз, создавая эффект потока слез людей по причине того, что единая вера разбита на две части. Вот такая версия замысла художника, создавшего этот монумент.

А внизу находится огромное помещение музея. В нем написаны фамилии всех людей, погибших в войне с Ираном. Все помещение выложено мрамором различных цветов, отшлифованных до зеркального блеска. А посередине возвышается памятник «Неизвестному солдату». Он представляет собой величественное сооружение и на его возведение (по словам экскурсовода) израсходовано более 300 миллионов динар. Наверняка на монумент «Две половинки сердца» израсходованы не меньшие деньги. Поражает идеальная чистота кругом. В 45 градусную жару персонал поддерживает эту чистоту. Нам бы так! За все это стоит воздать должное человеку, который на многие века создал такое чудо.

У нас с этим мемориалом может сравниться, пожалуй, Мамаев Курган в Сталинграде и то с натяжкой.

К вечеру мы возвращаемся в гостиницу. Нас радует, что при гостинице есть 25 метровый бассейн, и мы с удовольствием купаемся в нем, даже ночью. Вообще пребывание здесь убеждает нас в том, что все делается для блага человека.

Гуляя по Багдаду, поражает изобилие товаров, буквально всего: тысячи видов обуви на все вкусы, горы тканей, таких, которых я никогда не видел, часов всех марок мира от 1000 динар до 10 динар за штуку. Все фирмы мира представлены на этом рынке часов, за исключением

России. Продавцы говорят, что российские часы не котируются. А сколько одежды! Можно ошалеть от расцветок, тканей и цен, которые выше наших. Очень много косметики: французской, английской, местного производства. Но радиоаппаратуры, особенно японской, не так много и она дорогая. Преобладает бытовая техника китайского и корейского производства.

В один из дней едем к развалинам города Самарра. Это один из древнейших городов Ирака. На многие километры раскинулись его развалины, которые ждут своего восстановления и исследования. Название города переводится как город благополучия, счастья и здесь сохранилась красивая мечеть с золотым куполом. А рядом крепость с винтовой башней, в которую можно было упрятать до 20 тысяч человек, и она служила для целей наблюдения за вторжением врагов. Примерно в 10 километрах наблюдаем еще одну башню, которая служила там же целям.

Эти места севернее Багдада напоминают пустыню, и растет здесь только верблюжья колючка. Воды в этих краях почти нет.

Но самая интересная поездка была организована для нас в Вавилон.

Он расположен в 90 км. к югу от Багдада. Его название происходит от слова «бабили», что означает — ворота богов. Это самый древний город, знаменитый своим величием, архитектурой и культурой. Процветание Вавилона началось при царствовании Навуходонасера, правившего страной в 6 веке до нашей эры. Мы увидели, что с севера на юг протекает Евфрат, а в древности он был защищен окопами и двумя стенами длиной 16 и 8 км.

Но Вавилон постигла трагедия — тысячу лет тому назад произошло мощное землетрясение, которое полностью разрушило этот город. Остались лишь некоторые фрагменты города. Погибло более 80 тыс. человек и 200 тыс. пострадало от землетрясения.

До сих пор осталась улица парадных процессий, которая начинается от главных ворот. На западе этой улицы мы увидели развалины дворца, в котором отреставрирован тронный зал, украшенный цветными рисунками. А у развалин главного дворца стоит знаменитый вавилонский лев, охраняющий женщину.

В 322 году до нашей эры Вавилон стал столицей Александра Македонского. Греческие и римские историки отнесли Вавилон, с его тысячами садами Семирамиды, к семи чудесам света.

Несмотря на то, что реставрационные работы проводятся уже 35 лет, но восстановлено очень мало, а время делает свое дело, и от дворцов остаются развалины, которым грозит опасность полного разрушения, если не будут правительством и международными организациями приняты меры по реставрации этого города.

Заканчивалась наша командировка, и мы были довольны тем договоренностям, которые достигнуты. Я должен сказать, что в помещении, где велись переговоры, мы встречали представителей других стран, например, Германии, Франции и США. Но примерно через неделю они исчезли и больше не появлялись. Как мне конфиденциально рассказал полковник Ханди, в начале года была встреча руководителей ведущих арабских стран, на которой обсуждались перспективы развития арабского мира, и было принято решение о создании в Ираке сети заводов, где осваивались бы передовые технологии, по военной и гражданской технике. Для этого выделялись большие деньги этой стране. Почему именно Ирак? Мы убедились, посетив несколько заводов этой страны, что в Ираке можно развивать производство самых сложных изделий электроники, в том числе СВЧ техники.

Но промышленникам страны необходимо было определить, с кем сотрудничать? Поэтому они вели переговоры с 4 странами, но все же выбор пал на Россию и мы успешно завершили переговоры. Осталось подписать эти документы на правительственном уровне.

Американская агрессия против Ирака разрушила все планы. Война «Буря в пустыне» началась ровно через неделю после нашего отъезда из Багдада. Это была варварская операция, которая уничтожила все, что было построено народом Ирака за многие годы. Я не даром подробно остановился на этом прекрасном городе Багдаде и других городах страны. Они за короткое время были превращены в руины. И в первую очередь была разрушена прекрасная гостиница «Палестина», где мы прожили 20 дней. А сколько погибло мирного населения, представить трудно. Сегодня это называется «борьбой за демократию». Полный бред и преступление.

УЧАСТИЕ В ВЫСТАВКАХ

За 18 лет работы в ВО «Электронинторг» и ОАО «Элерс-Электрон» мне пришлось участвовать в 10 выставках вооружения и военной техники, которые проводились в ОАЭ, в Греции, в Турции, в Югославии, в Чили и в Москве. Это очень ответственная работа, требующая и опыта и знания техники, которую представляешь на выставке. Об участии в выставке в ОАЭ я частично уже рассказывал, и не буду повторяться. Расскажу о других выставках. Как правило, эти выставки проводились под эгидой «Росвооружения». Они определяли предприятия, которые будут принимать участие в той или иной выставке, виды вооружения и военной техники, что будет допущено к реальным стрельбам на выставках, где имеются полигон и вопросы финансирования. Как правило, с каждым участником они подписывали договор, где отражались все эти вопросы. Мы тоже подписывали с ними договор, в котором они указывали сумму стоимости участия в выставке и их обязательство оплатить этот расход. Для нас это было большой помощью в продвижении наших изделий на международный рынок. Наша промышленность преуспела в изготовлении приборов ночного видения — это и ночные бинокли, монокуляры, прицелы и мы на выставках предлагали широкую гамму этих приборов, причем, цена на ПНВ была достаточно высокой.

Предлагались лазерные дальномеры различных типов и лазерные целеуказатели для снарядов с лазерными боеголовками.

О противоракетных комплексах «Штора-1» и Л-166 я уже рассказывал выше. Кроме того, предлагалась традиционная номенклатура электронной промышленности: это электронно-оптические преобразователи для ПНВ, сверхвысокочастотные (СВЧ) изделия для радиолокации, связанной техники и других видов вооружения.

Интерес многих стран по этим изделиям был достаточно высок, и мы имели хорошие контракты.

После развала Советского Союза развалился и Варшавский договор, страны которого имели в основном наше вооружение и военную технику. А после развала началась распродажа её в страны-члены НАТО и в США. Так в Штаты ушли из Германии новейшие наши самолеты Сухого, корабли различного класса, ракетные комплексы. И США стали закупать у нас комплектующие для ремонта и восстановления этой техники.

Вспоминается такой случай из практики работы с США. Нами был подписан большой контракт на поставку ламп бегущей волны (ЛБВ) для мощных радаров. Стоимость одной ЛБВ достигала 80 000 долларов США. Мы оперативно выполнили их заказ и отгрузили большую партию этих

ЛБВ. И вдруг месяца через два мы получаем уведомление от них о том, одно изделие не работает по причине отсутствия тока в ЛБВ. В письме указан номер этого изделия, который действительно содержался в числе отгруженных им изделий.

Мы просим их отправить это изделие в наш адрес для разбирательства. Через некоторое время мы получаем этот прибор и начинаем разбираться. И оказалось, что номер изделия действительно совпадал, с отгруженным нами, а год выпуска был на их приборе — 1985, а на нашем приборе год выпуска был 1995. Так вот вскрылся обман компании США, которая хотела наказать нас на таком подвохе. Конечно, мы отказали им в претензии, а прибор, который они прислали нам, мы отправили на завод изготовитель.

Следует сказать ещё о двух случаях, когда нам предъявлялись претензии по качеству, поставленных изделий. Первый случай произошел в 1997 году с Румынией. Мы получили от них рекламационный акт на некачественные, по их мнению, электронно-оптические преобразователи (ЭОП), которые они использовали для сборки биноклей ночного видения. Причем, количество приборов, зарекламированных по этому акту было довольно большим, на сумму примерно 250 тысяч долларов США. Мы принимаем решение — ехать в Бухарест вместе с ведущим специалистом Новосибирского завода «Экран» — Анищенко Б. Н. Этот завод был изготовителем этих ЭОПов. Конечно, мы взяли с собой эталонные ЭОПы, и необходимые приспособления для их замеров.

Прилетев в Бухарест, нас встретили представители завода и с грустью сказали нам, о том, что производство ПНВ остановлено, из-за этих некачественных приборов. Первым делом мы подробно ознакомились с методикой, которой они пользуются для оценки качества ЭОПов. Мы установили, что эта методика отличается от методики, рекомендованной нашей документацией. Это могло быть причиной «брака» наших годных приборов.

Мы произвели замену нашего эталона по их методике и увидели, что этот наш эталон, тоже «брак». После этого мы собрали установку для замера параметров приборов уже по нашей методике и все приборы, отнесенные румынскими специалистами, к браку оказались полностью годными. Главный инженер завода с грустью сказал:

— За это меня посадят в тюрьму.

А итоговом акте Румыния признала свою ошибку в замерах параметров и, тем самым, необоснованность предъявления претензии к России и взяла на себя все наши расходы, связанные с командировкой.

А второй случай был связан с венгерским рекламационным актом, по интегральным микросхемам на сумму примерно 200 тыс. долларов США. Ситуация у них была аналогична румынской, тоже неверная методика измерения параметров ИМС. В итоге они признали свою ошибку и мы, таким образом, отвергли крупную сумму необоснованной претензии.

Особенно большой интерес вызывала у нас выставка военной авиационной техники в Южной Америке, в Чили — «Фидае-96». Моя компания «Элерс-Электрон» планировала принять участие в этой выставке, и мне было поручено подготовить экспозицию для показа на нашем стенде. На этот раз мы решили не распыляться, а планировали представить на выставке лишь комплекс «Штора-1» и систему защиты самолетов от ракет Л-166. Дело в том, что мы поставили в Чили 10 комплектов «Шторы-1» и в Перу — 5 комплектов. И на предварительных переговорах в Москве с представителями чилийской компании, они высказали пожелание закупить у нас ещё 100 комплектов «Шторы-1».

Я был назначен руководителем группы для поездки в Чили, на меня ложились все финансовые и переговорные дела. А дела не заладились с самого начала. В день отлета один из участников выставки, у которого были все деньги, позвонил мне и сообщил, что он заболел и у него высокая температура. Я прошу его передать деньги директору завода, который живет рядом с ним и едет с нами. Через некоторое время он звонит мне и сообщает, что деньги передал директору.

В аэропорту мы с Александром Сергеевичем благополучно проходим таможенный контроль и ожидаем, когда контроль пройдет наш директор. Да он вскоре проходит его. Но, о ужас! Его таможенник приглашает в комнату досмотра багажа и просит показать декларацию на перелет. Там указана сумма валюты — 350 долларов США.

— У Вас есть ещё валюта? — спрашивает таможня, покажите бумажник.

Он показывает бумажник и там обнаруживается 5000 долларов наших выставочных денег. Вот это подстава.

— Мы вынуждены составить на эту контрабанду протокол и изъять эти деньги. После Вашего прилета прокуратура будет разбираться с этим. А пока Вы свободны.

— Что делать? Как поступить? Лететь, не лететь в Чили? — эти мысли проносятся у меня в голове.

— Давайте посмотрим, чем мы располагаем? — спросил я.

Вывернули карманы и насчитали 800 долларов.

— Какое будет решение?

И все в один голос сказали:

— Лететь.

— Ладно, идем на посадку, тем более, она уже объявлена.

Вот так, почти без денег, в неизвестность мы отправляемся на выставку в Чили, надеясь только на удачу и всевышнего.

9 марта 1996 г. из Шереметьево самолетом Ил-62м мы вылетаем в Чили бизнес классом. Первая посадка совершается в Стокгольме столице Швеции. Выходим в аэровокзал, где полно магазинов и продается

всякая всячина. Цены по сравнению с Москвой значительно выше. Кругом чистота и порядок. Через час взлетаем и летим в Шеннон. При полете через Атлантический океан самолеты всегда дозаправляются в Шенноне. Я уже бывал в этом аэропорту 4 раза, когда дважды летал на Кубу. Здесь хорошая свободная торговля и приемлемые цены. Особенно большой выбор разливного пива, в том числе хорошее темное пиво «гиннес». Мы по традиции всегда покупаем его. Недаром газеты писали, когда Ельцин в дугу пьяный, не вышел из самолета к Главе правительств Ирландии:

— Он много потерял, не попробовав лучшего пива в мире и лучших виски нашей страны.

Это был грандиозный скандал на весь мир. Но он не осуждался лишь в нашей стране. Вот такие наши руководители.

Хотелось сказать о бизнес классе лайнера, так как я лечу этим классом впервые. Стоимость билета примерно в 1,5 раза выше эконом класса. Салон бизнес класса значительно свободней и, соответственно, обслуживание лучше не придумаешь. Все время предлагаются коньяки, виски, вина и даже отличный ликер «Бейлис», который мы с удовольствием принимали. А уж про еду и говорить нечего! Кормят на убой. После завтрака, обеда и ужина еле дышим. Затем спим, как сурки.

Далее следует перелет через Атлантический океан и посадка в Гаване в аэропорту Хосе Марти. Я всегда волнуюсь, прилетая в этот город — город моей мечты. Как только открывается люк, сразу чувствуешь особый воздух Кубы. И сегодня на нас повеяло горячим тропическим воздухом и мне захотелось остаться здесь и снова уехать в Варадеро, где лучшие пляжи мира и жизнерадостный певучий народ. В аэропорту звучит кубинская самба — самый популярный танец Кубы. В зале много кубинок, это особая категория женщин с шармом не похожим на женщин нашей страны. Много также детей очень хорошо одетых.

Но остановка в Гаване всего один час, и мы улетаем в Перу, где делается посадка в столице этой страны — Лиме. Перелет занимает 5 часов и остановка для смены экипажа на один час. Перу уже Южно-Американское государство, одно из древнейших государств мира. Летим все время в темноте, и лишь при подлете к Лиме начинает светать. Мы пролетели уже 8 часовых поясов, и у нас все перемешалось в голове. После посадки в аэропорту знакомимся с окрестностями города. Кругом горы, на которых пасутся стада лам. Это уникальное животное, которое для жизни перуанцев дает все: и молоко, и мясо и шерсть. Попробовали молочные продукты ламы, которые нам понравились. В магазинах полно серебра, просто горы серебряных изделий. Но дешевыми их не назовешь. Спустя два часа снова в полет, и на этот раз уже до конечного города — Сантьяго-де-Чили. Летим над Тихим океаном, а с другой сто-

роны — горы Кольдильеры. Через 3 часа мы в столице Чили. В общей сложности мы были в полете около 30 часов, с учетом посадок. За это время сменилось три экипажа, мы пересекли экватор, за что получили диплом, побывали в пяти странах, пересекли 8 часовых поясов. Наконец, и в конце пути Аэрофлот нам подарил сувенир за проявленное терпение и мужество в полете. В аэропорту после получения вещей нанимаем такси и едем в гостиницу «Фундадор». Устроились нормально: мы с Александром Сергеевичем в двухместном номере, а Виктор Георгиевич один в таком же номере. После небольшого отдыха едем на выставку Фидае-96, чтобы найти и оборудовать свой стенд. С трудом находим его, но оборудование стенда ещё не расставлено и, самое главное, не пришел на выставку наш груз. Таможня обещала лишь завтра доставить груз.

Но самая важная задача, где найти деньги, которых у нас «кот наплакал». На ужине в ресторане совершенно неожиданно встречаю своего давнего знакомого по выставкам Германа, который работает в компании «Менх». Я пригласил его за наш столик, заказал выпивку, закуски и мы просидели допоздна в разговорах и впечатлениях о чилийской выставке. А перед уходом я обратился к нему с просьбой об одолжении 5000 долларов, которые я верну ему после прилета в Москву. Он встретил мою просьбу без энтузиазма и намерен был отказать. Но когда я ему рассказал нашу ситуацию, он согласился дать эту сумму, но под 10%. Поскольку положение наше было безвыходным, я соглашаюсь с его предложением.

— Ура! Мы с деньгами.

На следующий день мы расплатились за стенд, оборудование стенда, таможенные и транспортные расходы. Все получили положенные командировочные.

В день открытия выставки начались наши переговоры с чилийскими бизнесменами, которым мы поставили 10 комплектов изделий «Штора-1». По их информации они эти изделия установили на американские вертолеты, которыми вооружена чилийская армия, и провели все испытания. Испытывалась система на макете, поднятом на значительную высоту. Все испытания были засняты на видеопленку и показали хорошие результаты. Ни одна ракета не смогла поразить цель. Как рассказали чилийские военные, интересно было наблюдать, как запущенная по макету ракета уклоняется в одну или другую сторону, не попадая в цель. Представители компаний заявили о намерении закупить у нас ещё 50–60 комплектов этих изделий. Этот прогноз нас вдохновил. Состоялись переговоры и с другими странами: с Мексикой, Аргентиной, Бразилией и Никарагуа.

Наш стенд расположен рядом со стендом Росвооружения, но представлено на стенде очень мало чего из авиационной техники. К нашему стыду на выставке не представлено ни одного российского боевого само-

лета и вертолета, хотя выставка ориентирована на авиацию. На стенде сиротливо стоят лишь макеты самолетов с их характеристиками.

Тон во всем задавали Соединенные Штаты Америки, которые представили на выставке почти все имеющиеся на вооружении самолеты и вертолеты. Постоянно устраивались демонстрационные полеты новейших самолетов, в которых летчики-испытатели показывали свое мастерство. На пресс-конференции выступил генеральный директор Росвооружения генерал А. Котелкин и на пальцах показывал, какие у нас хорошие самолеты и какие выгодные условия их поставки в Южную Америку. Но это все на словах. Несмотря на то, что показывать нечего, делегация Росвооружения была

более чем многочисленной. И совсем нелепо выглядел представитель из Росвооружения, который предлагал чилийцам бытовые нагревательные приборы. Полный маразм!

А вечером наш компаньон Хулио Салва, пригласил нас в на ужин в ресторан. Он сказал:

— Я заеду в гостиницу за вами в 12 ночи, и мы поедем на ужин.

— Боже, мой! В нашей Москве после 10 часов вечера уже выходить опасно из дома, — подумал я, — а здесь только начинается вечерняя жизнь! Это сразило нас.

В назначенное время он приезжает за нами, и мы едем на окраину города в варьете с чилийской кухней. Ресторан расположен в весьма экзотическом месте, с интерьером, оформленном в народном стиле: на полках уложены плоды земли чилийской, фрукты, цветы и всякие поделки. На аперитив подается местная водка — «писка» — это облагороженная всякими специями и лимоном самогонка беловатого цвета. Но пить её приятно. На закуску подали салат, который был подан в посуде из камня, много зелени и сыр из молока ламы. На горячее принесли огромную жаровню с мясом ассорти на углях. В жаровне лежали колбаски разные, свинина жареная, говядина, жареное мясо ламы и пр. Все наши попытки уничтожить эту горку мяса были безуспешны, так и остался не съеденный нами антрекот. А далее уже далеко за полночь чилийки демонстрировали прекрасные танцы, пели свои национальные песни. Все было красиво и пристойно.

На следующий день решаем посетить американские стенды. Они занимают, примерно 40 % выставки и впечатляют. Свою продукцию представляют ведущие американские компании такие, как Боинг, Локхид, Сикорский и др. Президент США направил стране-организатору выставки Чили свое послание, в котором призвал к тесному сотрудничеству с США в торговле авиационной техникой. Это послание было выпущено огромным тиражом и раздавалось участникам и посетителям выставки.

А нам нечего было раздавать, кроме жалкой рекламы. Подобного послания не только президента, но и правительства, не было и в помине. Это типичные просчеты посла России в Чили и МИД во главе с новым министром. За Державу обидно.

Стенды США оформлены хорошо, с выдумкой. Много рекламы, всяких сувениров.

Я уже со многими американцами знаком, они узнают меня, предлагают выпить виски с содовой, что мы и делаем. Среди американских стендов и павильонов имеется и армейский павильон. Они показывают, что стоит у них на вооружении в ВВС, это и Ф-16 и новейший самолет невидимка «Стелс». У нас армия самостоятельно не выступает, её представляет Государственная компания Росвооружение.

В последний день работы выставки мы снова встречаемся с Хулио в надежде узнать их дальнейшие планы по закупке «Шторы-1». И он с грустью поведал нам о том, что представители США запретили им закупать эту систему. С чем мы должны были согласиться, так как мы вооружены только американской боевой техникой. На такой грустной ноте закончилась эта выставка для нас. Хотя организаторы выставки признали наш стенд самым лучшим из Российских, и мы получили грамоту правительства Чили и большую золотую медаль Министерства обороны Чили.

Летим обратно бизнес классом в компании с легендарным путешественником нашей страны Конюховым, который рассказывал нам, были и небылицы о своих походах. Он только, что вернулся из Антарктиды, где совершил восхождение на самую высокую вершину этого материка, покорив её в условиях жуткого холода и сложного восхождения по ледяным кручам.

ЗАВЕРШЕНИЕ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Между тем моя работа в «Элерс-Электрон» ЛТД продолжалась в том же темпе, как и раньше. Переговоры, контракты, выезды за рубеж для согласования условий контракта и исполнение этих обязательств по контрактам. Особенно активно мы работали с Кубой, у которой было много российского вооружения и требовались комплектующие для ремонта и восстановления техники. Мы сумели исполнить три контракта с Кубой, причем один контракт был связан с поставкой приборов ночного видения, но не российского производства, а производства Республики Беларусь. Это связано с тем, что российские цены на аналог были в два раза выше, чем белорусский прибор.

И вот 2004 г я снова получаю заявку от кубинцев на поставку изделий электроники для связной и радиолокационной аппаратуры. Заявка нас очень заинтересовала тем, что в ней содержалось много изделий, которые мы поставляли им в прошлые годы, т. е. с ценами не должно быть проблем. Спустя месяц мы направили им предложения по всей заявке, и довольно скоро получили приглашение от них посетить Гавану для подписания контракта.

Мы принимаем их предложение и с Генеральным директором А. С. Курляндским вылетаем в Гавану. И снова Шеннон перед перелетом Атлантики, и снова «гиннес» в аэропорту, 9 часовой перелет и прибытие в Гавану, в аэропорт Хосе-Марти. Встретили нас в аэропорту представители министерства обороны Кубы и доставили в отель «Капакабана», что в переводе с испанского означает «Попугай». Отель расположен на берегу Мексиканского залива и из нашего окна открывается прекрасный вид на него. Но при отеле есть и бассейн, поэтому мы купались то в бассейне, то в заливе. Разместили нас в приличном номере, где имеется все необходимое для нормальной жизни командировочного.

На следующий день мы едем в Государственную компанию «Техноимпорт», с которой нам предстоит согласовать 500 позиций заявки кубинской стороны. Правда, в Москве при посольстве Республики Куба мы предварительно согласовали цены с Роберто Крусом. Но в Гаване нам пришлось делать все заново. Кубинские товарищи подготовились к встрече с нами основательно. Они имели цены, фактически, на все изделия за последние 10 лет. Поэтому наши новые цены вызывали у них недоумение, и нам, с Александр Сергеевичем, приходилось долго объяснять причину изменения цены. Как правило это увеличение цены происходило по причине удорожания исходных материалов, необходимых для производства того или иного изделия. В конце концов, за пять

дней нам удалось рассмотреть всю заявку кубинцев и приступить к согласованию контракта. Нас радовало то, что сумма сделки получилась очень приличной. Согласование контракта шло нормально до момента, когда мы поставили вопрос о предоплате кубинцами некоторой суммы от контрактной (например, 20%). Представители Кубинской стороны отказались включать в контракт этот пункт, ссылаясь на то, что по их законам этого делать нельзя. Вот это, да! Нам для закупки на заводах изделий, включенных в контракт, нужна приличная сумма, которой мы на данный момент не располагали. Переговоры зашли в тупик. Кубинская сторона взяла день на проработку этого вопроса. На том и расстались.

Как здорово прогуляться по Гаване, посетить кафе, в котором часто бывал Эрнест Хемингуэй и выпить стаканчик любимого им коктейля «Дайкири» или ещё лучше «Кровавую Мери» (томат с водкой пополам). Так мы и сделали. А затем мы вышли на набережную Малекон — любимое место отдыха молодежи. Здесь и там на набережной отдыхают молодые люди, наслаждаясь прелестями ласковых волн моря. Затем мы останавливаем машину и едем в отель. А вечером мы посещаем кафе, в котором звучит прекрасная музыка и уходить оттуда просто не хочется.

На следующий день мы едем в «Техноимпорт», чтобы узнать судьбу контракта. Кубинцы с грустью сообщили нам о том, что позиция руководства Кубы остается неизменной. Предоплата не допустима. Эта позиция не позволила нам подписать контракт.

Так закончилась наша командировка на Кубу. Это пожалуй мой первый неудачный контракт, но я не жалею об этом, потому что ещё раз побывал на Кубе этой прекрасной стране, в которой есть культ здоровья, трезвого образа жизни и безудержного темперамента, который выливается в танцах, песнях, веселье. Да и трудолюбия им не занимать. А самое главное — на Кубе самая лучшая медицина. Доказательством тому служит тот факт, что после революции в декабре 1959 года средняя продолжительность жизни кубинца была 53 года, а сегодня она составляет 78 лет. На Кубе излечивают раковые заболевания, даже болезнь «Паркинсона». Врач и учитель на Кубе самые высокооплачиваемые должности.

А на работе начали происходить непонятные события. После ухода из жизни генерального директора Соколова В. А. на нашу организацию начались наезды. Уж очень лакомый кусок представляла наша организация. Во-первых, само здание площадью 4000 кв. м., в котором мы сотрудники компании были пайщиками. Во-вторых, это почти в центре Москвы, на «Соколе» — аренда помещения стоит очень больших денег. И в-третьих, не известно, кому реально принадлежит это здание, так как министерства электронной промышленности, которому раньше

принадлежало здание, давно уже нет. Все попытки в суде отстоять это здание закончились провалом. Нам было предложено в дальнейшем платить арендную плату. До ужаса странная ситуация: я проработал в этой организации 18 лет, и никаких прав на эту площадь. И так как стоимость аренды была очень высокой, я вынужден был написать заявление об уходе. Это случилось в 2007 году.

А какие интересные выставки устраивал «Электронинторг-С». И организатором этих ежегодных выставок, которая называлась ExroElectronica, был ООО «Примэкспо» во главе с исполнительным директором И. Любиной. От нашей организации выступал генеральный директор А. С. Курляндский. Мы всегда представляли широкую номенклатуру изделий электронной техники, и наш стенд пользовался неизменным успехом. И вот все это рухнуло, от некогда мощной внешнеторговой организации ничего не осталось, она развалилась полностью.

ВETERАНСКАЯ РАБОТА

Моя работа в ветеранских организациях началась в 2005 году, когда был образован Совет ветеранов Корейской войны на собрании ветеранов избран Председатель Совета, им стал Герой Советского Союза, участник ВОВ и Корейской войны, генерал-майор авиации Сергей Макарович Крамаренко, а я был избран его заместителем, как и Эдуард Александрович Адамчевский. И вот с тех пор началась моя новая деятельность, которая носит совершенно иной характер.

Но за эти годы сделано много полезных мероприятий, о которых мне хочется рассказать.

Самое главное событие в жизни нашей организации — это открытие музея Корейской войны в школе № 103 г. Москвы в 2010 г. Идея создания такого музея к нам пришла в 2009 г., так как подобного музея в Москве не было. Мы обратились в Московский Совет ветеранов, который возглавляется дважды Героем Социалистического труда Долгих В. Н., с просьбой оказать содействие в финансировании этого проекта. И получили поддержку. Школе был выделена крупная сумма, на оборудование музея. Не осталось в стороне и Управление образования г. Москвы, которые также финансировали оборудование музея. А дальше уже дело техники. Было закуплено все необходимое для музея — шкафы, стенды, витрины, телевизор и другая бытовая техника. А ветераны принесли в музей, что у кого имелось по тематике Корейской войны. И в июне 2010 г. школа получила сертификат на открытие музея «Боевой славы воинов-интернационалистов Корейской войны». Мы считаем это большой удачей работы Совета.

Я, как член Совета ветеранов, поддерживаю тесные связи с Землячеством Коми и обществом «Парма», которые созданы при Представительстве Республики Коми в Москве. Встречи ветеранов проходят всегда в торжественной обстановке, с хорошими концертами профессиональных артистов и самодеятельности, с поздравлениями и подарками ветеранам. А потом всегда приятно увидеть земляков и поделится с ними своими заботами.

А в 2005 году нас ветеранов пригласили в Южно-Сахалинск, чтобы отметить 60-летие окончания Великой Отечественной войны. Это было знаменательное событие для жителей Дальнего Востока, т. к. война кончалась именно здесь. Городские власти красиво и широко отметили день 3 сентября, день окончания войны. Было и торжественное шествие демонстрантов, митинг, посвященный этому дню, возложение цветов к вечному огню, подарки ветераном и, наконец, прием ветеранов в лучшем ресторане города.

А на следующий день была экскурсия по местам боев, где установлены памятники погибшим воинам. Были и другие интересные экскурсии. Через три дня мы покидаем Южно-Сахалинск и возвращаемся в Москву.

Но самым интересным событием, которое произошло в 2010 году это поездка 12 человек в Китайскую Народную Республику.

Поездка была связана с открытием мемориального кладбища в Порт-Артуре, восстановленного специалистами России и КНР. На это мероприятие были приглашены ветераны Великой Отечественной войны, ветераны Корейской войны, а также исполнители этого проекта. Это Президент фонда «Поколение» Скотч А., который финансировал проект, начальник Управления МО РФ по увековечению памяти погибших при защите отечества, генерал-майор Кирилин А. В., Президент Академии военных наук генерал армии Гареев М. А., Председатель Совета ветеранов ВС РФ генерал армии Моисеев М. А. и другие.

В это же время проходил визит Президента Российской Федерации Медведева Д. А. в КНР и он 26 сентября открыл восстановленный мемориал, посвященный русским и советским воинам в Порт-Артуре (Люйшунь). Президент России возложил цветы к монументу Советским воинам, павшим при освобождении Северовосточного Китая от японских захватчиков и встретился с китайскими и Российскими ветеранами. На этой встрече с Президентом присутствовал и я. Президент поздравил присутствующих с 65-летием окончания второй Мировой войны, поблагодарил реставраторов за восстановление мемориала, пожелал всем крепкого здоровья, успехов и процветания. Затем состоялось фотографирование с Президентом и ветеранам были вручены памятные подарки.

Это событие имеет огромное значение для нашей страны, так как открывается допуск на мемориал российских граждан, которые раньше не допускались туда.

Мне удалось найти могилу моего друга, старшего лейтенанта Наварчука В., с которым мы вместе учились в Пушкинском радиотехническом училище, воевали в одной части, но он погиб в 1953 году и захоронен в Порт-Артуре.

На всех ветеранов произвел большое впечатление город Далян, где мы проживали. Это огромный 2-х миллионный город, с развитой промышленностью и сельским хозяйством, с отличными домами высотной застройки, чистый и ухоженный, весь в цветах. Мы, наверно, отстаем от них лет на 20, а то и больше. В 1954 году, когда мы там были, Китай был бедной, убогой страной. Такие огромные изменения произошли за эти годы, нам и не снилось. Догонять и догонять их придется долго.

МОЯ СЕМЬЯ

После того, как моя дочь Маргарита закончила школу, Московский Энергетический институт и получила диплом, вышла замуж за хорошего однокурсника — Андрея, родила дочку Сашеньку и они получили квартиру, я решил заняться устройством своей жизни, так как семейная лодка дала течь, и мы давно жили с женой врозь.

Из моей памяти не уходила женщина, которая была нашей соседкой в Аннинском военном городке. Это было давно, она была замужем за красавцем Володей, и поэтому шансов найти её, было очень мало. Да, и семья наверняка была крепкой. И вот однажды перебирая архивные записные книжки, я случайно увидел телефон её родителей, которые хорошо знали меня. Я тут же набрал этот телефон, хотя шансов услышать ответ не было никаких.

— Алло! Я вас слушаю, — услышал я знакомый голос матери Тани.

— Здравствуйте, — ответил я.

— Здравствуйте, — последовал ответ, — Это Ян, что ли?

— Да, это я.

— А я узнала тебя, хотя прошло столько лет.

— Как дела, как Владимир Александрович? — Спросил я.

— Пока все нормально, Владимир Александрович работает на заводе.

— А как Таня? — не удержался я.

— С Таней целая история. Она в разводе уже 12 лет и они с Мариной живут с нами.

— А где она работает? — Интересуюсь я.

— Она работает в Минтрансстрое, это высотка у метро «Красные ворота».

— Ты можешь дать её телефон, я хочу с ней пообщаться.

— Конечно, конечно. И она дает мне телефон Тани.

— При случае приезжай к нам, — сказала она на прощание.

Терпенья нет никакого, и я тут же звоню Тане.

Набираю её номер телефона и слышу её голос:

— Алло, здравствуйте.

— Здравствуй, Таня, Это Ян.

— Боже мой, Ян! Из каких краев и где ты пропадал столько времени.

— Да, служба! Служба!

— Откуда ты узнал мой телефон?

— Мне твой телефон дала Людмила Петровна. Спасибо ей огромное.

— Я иногда вспоминала наши поездки в автобусе до военного городка после занятий в институте.

— Да, я тоже вспоминал об этом. По телефону все не расскажешь, можно пригласить тебя на свидание?

— Конечно. Я свободная женщина и могу это позволить.

И на завтра мы договорились о встрече после работы.

В назначенное время я прибываю на место встречи в метро «Красные Ворота». Совсем скоро появляется Таня. И как будто не было многих лет после расставания в военном городке, передо мной стояла молодая черноокая красавица и мило улыбалась.

Поздоровались, но я не мог насмотреться на неё и молчал, не зная, что говорить. Она нарушила молчание, спросив меня:

— Как ты живешь? После твоего отъезда из городка, я ничего не знала о твоей семье. Как Галя, как дочка Рита?

— С Ритой все в порядке, у неё двое детей, дочка — Александра и сын — Андрей. Они учатся в школе. А дома, по разному: то буря, то затишье.

— Говоришь загадками. Вот у меня все просто, развелись с Володей, и нет проблем. С дочкой живем у родителей, хотя у меня есть своя квартира.

— А давно это произошло? — Спросил я.

— 12 лет тому назад. Мое терпенье лопнуло, когда он начал увлекаться ей, проклятой сорокаградусной. И вот я уже столько лет не замужем, хотя мужчины оказывают мне внимание и предлагают дружбу.

— Да, я никогда не думал, что можно обижать такую женщину, как ты. Нужно быть последним идиотом и безумцем, чтобы отказаться от жены и дочери. Дочь тоже, наверно, умница и красавица, как мама.

— Ты преувеличиваешь мои достоинства. Я простая домашняя женщина, хочу нормальной семейной жизни. Но первый раз не получилось. В том своей вины не чувствую. А сейчас, конечно все мои заботы — это моя дочь Марина. Я её очень люблю и сделаю все, чтобы она была счастлива.

Я слушал Таню, и моя душа наполнялась нежностью к ней и желанием продолжать наши встречи. Я сказал ей об этом и в ответ услышал:

— А я не против продолжения наших встреч.

А на следующий вечер, мы уехали в Лужники. Было лето, и погода была прекрасна. С каким удовольствием мы расправились с курицей гриль, запивая, пепси-колой. Затем мы гуляли по парку, и я наслаждался присутствием этой удивительной женщины. Вспоминали прошлое, всех жителей военного городка, игру на рояли Тани, сестру Нину, которая совсем недавно вышла замуж за Олега, её подругу детства — Лену, о которой она отзывалась с большой нежностью.

Так продолжалось все лето. Однажды, Таня пригласила меня к себе домой, и мы после встречи, направились на Днепрпетровскую, в дом, где жили Танины родители.

Встретили они меня хорошо, вспомнили, как мы с Галей были на юбилее Владимира Александровича. Ему было 60 лет. Конечно, в горюдке все дружили семьями. Всегда была хорошая обстановка. Что ещё запомнилось при этой встрече — это то, что родители купили очень красивую хрустальную люстру и при мне вешали её.

Мое положение в семье все ухудшалось, и я вынужден был переехать жить к Рите с Андреем, в Ивановское. Дети любезно приютили меня. Я у них прожил почти год, создавая определенное неудобство в их семейной жизни. Когда Таня узнала об этом, она предложила мне свою однокомнатную квартиру на Чертановской улице, которая пустовала. Я, конечно, согласился и переехал в эту квартиру. Это однокомнатная квартира, довольно уютная и чистая и я с удовольствием коротал там время, благодаря за это сказочную Фею в лице Тани. Она даже не установила плату за съём квартиры, и я платил ей довольно не большую сумму денег. Со временем наши отношения укреплялись, и мы уже обсуждали вопрос, где жить. В мае 1989 года я пришел к родителям Тани (уже находясь в разводе) просить руку их дочери, выйти за меня замуж. Родители согласились и предоставили нам возможность жить с ними в их трехкомнатной квартире. Я в то время решал свой жилищный вопрос методом родственного обмена. Я предложил своей теще съехаться с дочерью в двухкомнатную квартиру, а мне отдать комнату в коммуналке тещи. Она с трудом согласилась на это предложение, но в итоге из этого ничего не получилось, т. к. теща скончалась. Мы слишком долго оформляли документы на обмен.

12 июля 1989 года мы с Таней зарегистрировали брак. Я был рад такому событию и стал предпринимать шаги к устройству нашей жизни. Мы начали с поиска участка для строительства дачи, и нашли его в деревне Михайловское, Клинского района. Участок получился большой, размером 30 соток. Для строительства дома я, как участник войны, получил из сбербанка беспроцентный кредит сроком на 10 лет с выплатой первой суммы через год после выдачи кредита. Вот такие выгодные условия были предоставлены мне как участнику войны. Где это все сегодня?

Вначале с помощью Олега, мужа Нины, мы построили летний домик размером 5 х4 м. А затем закупили пиломатериал и начали строить большой капитальный дом 10 х7 м, который был закончен через три года. Всё это время на даче жили Владимир Александрович и Людмила Петровна, ухаживая за живностью, садом и огородом. Это было, как бы, платой за то, что мы живем у них в квартире. А в летнем домике мы установили чугунную печку, и там можно было жить круглую зиму. Так оно и случилось, когда мы вынуждены были покинуть Москву. С Таней мы там жили целый год — это как испытание верности в супружеской жизни.

Через пять лет после замужества нам, наконец, удалось решить жилищную проблему. Таня с дочкой продали свою однокомнатную квартиру, я продал свою двухкомнатную квартиру и деньги поделил пополам с бывшей женой. И на эти деньги мы купили трехкомнатную квартиру, в которой проживаем и сегодня. Две комнаты занимали Лошаковы и одну комнату занимали мы с Таней. Так мы жили десять лет, пока Лошаковы не купили себе двухкомнатную квартиру.

Исполнилась моя давняя мечта иметь свой кабинет. Как это здорово: тут и компьютер и принтер, и факс, и возможность работать в любое время, не мешая никому. Появилось желание к писательству, потому что слишком много интересного было в жизни и есть о чем рассказать. А начал я с этой повести «Долина смерти», т. к. события корейской войны волнуют меня до сих пор. Да и дальнейшая моя служба наполнена интересными событиями.

Мы с Таней очень любим свою дачу и всегда скучаем, если долго не бываем там. А дел там всегда много: надо следить за состоянием дома, заботится о дровах для топки печки, за фруктовым садом и огородом, своевременная косовица травы, которая прет со страшной силой. А как здорово, когда созрел хороший урожай и мы начинаем консервировать огурцы, помидоры, варить варенье и делать вино. Это чудо!

Таня увлекается цветами и выращивает такие красивые лилии, розы, пионы, флоксы и много других цветов. Дача — это душевная отдушина, которая сохраняет нам здоровье

А ещё мы бываем очень довольны, когда к нам приезжают все родные. Внучка моя Александра подарила мне правнука — Ванечку, которому в сентябре исполнится 3 года, мужичок да и только! Никита — сын Марины, который учится в МИЭМ, мой внук Андрей студент и инженер одновременно и его очаровательная жена — Неля, ну и дети наши: Андрей, Маргарита, Марина, Леня. И нет большего счастья, когда они все приезжают к нам на дачу.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к изданию	3
Родители, детство, война	4
Школа, училище	17
Война в Корее	22
Долина смерти	37
Мирная жизнь	57
Елец и Андреаполь	65
Служба в Москве	70
Камчатка. Долина гейзеров	83
КБПМ	98
Сахалинский отпуск	107
ИМС шагают по стране	118
Работа в центральном аппарате	128
Проверка округов	136
Служебные будни. Куба	145
Военные учения. Поездка на Кубу	159
Путешествие по рекам Республики Коми	170
Жизнь после армии	174
Командировка в Ирак	180
Участие в выставках	186
Завершение трудовой деятельности	193
Ветеранская работа	196
Моя семья	198

Янус Васильевич Канов

ДОЛИНА СМЕРТИ

Текст настоящего издания приводится
без издательского редактирования

Оригинал-макет *С.В. Кассина*
Дизайн обложки *С.В. Кассина*

Подписано в печать 24.06.2011
Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 12,75
Тираж 200 экз. Заказ № 2184

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095, СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел.: (812)622-01-23

